

Жизнь замечательных женщин

Маргарет Тэтчер

**Великая. История
«железной» Маргарет**

«АСТ»

2013

УДК 94(410)(092)
ББК 63.3(4Вел)-8

Тэтчер М.

Великая. История «железной» Маргарет / М. Тэтчер — «АСТ», 2013 — (Жизнь замечательных женщин)

Эта книга – история жизни всемирно известного британского политика XX века Маргарет Тэтчер, рассказанная ее собственными словами. Ни один другой премьер-министр современности не стремился изменить Великобританию и ее место в мире, так радикально, как это сделала она. Тэтчер откровенно пишет о формировании ее характера и ценностей, о полученном опыте, которые способствовали достижению ею вершин в мире политики. От трогательных воспоминаний детства через годы юности и учебы в Оксфорде к вступлению в парламент и занятию должности премьер-министра Великобритании. Эта книга не только о политике, она о женщине, ставшей символом эпохи!

УДК 94(410)(092)
ББК 63.3(4Вел)-8

© Тэтчер М., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	68
Глава 7	77
Глава 8	96
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Маргарет Тэтчер

Великая. История «железной» Маргарет

Margaret Thatcher

MARGARET THATCHER: THE AUTOBIOGRAPHY

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательству АСТ».

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Margaret Thatcher, 2013

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык

Глава 1

Провинциальное детство

Перевод Резницкая Т.В.

Грэнтем, 1925 – 1943

Мое первое детское воспоминание связано с тем, что в солнечный день мою детскую коляску везут по направлению к городскому парку, и на пути я знаколюсь с грэнтемской суетой. Это событие сохранилось в моей памяти как волнующая пестрая мешанина машин, людей и оглушительного шума, и это приятное воспоминание. Мне понравилось это первое, полuosознанное погружение во внешний мир.

Многие из нас помнят свои ранние годы нечетко, как бы в тумане. Мне тоже вспоминается легкий туман, где солнце всегда светит сквозь листья лаймового дерева, и его свет падает в окна нашей гостиной на чье-нибудь лицо, лицо матери, сестры, служащих магазина. Со мной рядом всегда кто-нибудь был, чтобы обнять меня или побаловать сладостями. Согласно семейной истории, я была спокойным ребенком, во что моим политическим оппонентам, возможно, трудно поверить. Но родилась я в беспокойной семье.

Четыре поколения семьи Робертс были сапожниками. Мой отец мечтал стать учителем, но вынужден был оставить школу в 13 лет, поскольку семья не могла обеспечить его учебу. Годы спустя, когда я отвечала на вопросы в Палате общин, Эрик Хеффер, член парламента от лейбористов левого крыла и мой постоянный оппонент в прениях, попытался обыграть свое рабочее происхождение, упомянув, что его отец был плотником в Аунделе. Он был поражен, когда я ответила ему, что мой отец работал там же в продуктовом магазине.

Отец сменил много мест, связанных с торговлей бакалеей, пока в 1913 г. ему не предложили пост управляющего бакалейным магазином в Грэнтеме. Позднее он рассказывал, что из четырнадцати шиллингов, что ему платили в неделю, двенадцать он отдавал за квартиру и стол, один откладывал и лишь последний тратил по своему усмотрению. Год спустя началась Первая мировая война. Мой отец, настроенный патриотично, шесть раз пытался поступить на военную службу, но не проходил по медицинским показаниям. Его младший брат Эдвард был принят на службу и в 1917 г. погиб при Салониках. Немногие британские семьи избежали тогда тяжелых утрат, и День Памяти после войны по всей стране соблюдался чрезвычайно строго.

Через четыре года после приезда в Грэнтем отец познакомился с Беатрис Этель Стивенсон. Произошло это в методистской церкви { Методизм – одно из направлений в протестантизме, отделившееся в XVIII в. от англиканской церкви, близкое англиканству с точки зрения догматического содержания, но предполагающее более строгое соблюдение религиозных предписаний. По словам Дж. Уэсли, основателя методизма, «методист – это тот, кто живет согласно методу, установленному в Библии». Методизм предполагает постоянное участие мирян в церковных делах и подчеркнутую простоту в повседневной жизни. Распространен в Великобритании и США. (Прим. ред.)}. Мама зарабатывала тем, что шила на заказ. Они поженились в той же церкви в мае 1917 г., и моя сестра Мюриел родилась в 1921 г.

Родители были очень бережливы и к 1919 г. смогли купить в кредит собственный магазин на улице Норт Парэйд. Мы жили в квартире над магазином. В 1923 г. отец открыл второй магазин на Хантинг-тауэр Роуд, напротив начальной школы, в которой я позже училась. 13 октября 1925 г. я родилась в доме на Норт Парэйд.

В том году отец еще больше расширил бизнес, заняв два соседних здания на Норт Пар-эйд. Наш магазин и дом располагались на оживленном перекрестке, и главная железнодорожная линия Грэнтема проходила всего в сотне ярдов от нас. Мы могли сверять часы по проносившемуся мимо «Летучему шотландцу». Я очень сожалела, что при доме не было сада. Лишь в конце Второй мировой войны отец смог купить дом с большим садом чуть дальше по Норт Парэйд.

Жизнь «над магазином» не просто фраза. Прежде всего, ты всегда на службе. Люди могли постучать в дверь в любое время дня и ночи или в выходной, если у них закончились бекон, сахар, масло или яйца. Все в семье знали, что мы живем на доход от покупателей, и никто не жаловался. Обычно обслуживали покупателей мой отец и его служащие: на Норт Парэйд их работало трое и еще один в магазине на Хантингтауэр Роуд, но иногда им помо-гала и моя мать, тогда она брала меня и Мюриэль с собой. Поэтому мы с сестрой с ранних лет знали многих людей из нашего города.

Конечно же, из-за магазина мы не могли позволить себе длинный семейный отпуск. Обычно мы ездили на местный морской курорт Скегнесс. Но отец и мать отдыхали порознь. Отец раз в год брал неделю отпуска, чтобы в Скегнесе принять участие в турнире по боулингу, его любимой игре. Живя над магазином, дети гораздо больше общаются со своими родителями, нежели в других жизненных ситуациях. У нас было гораздо больше времени для общения, чем в других семьях, за что я всегда была благодарна моим родителям.

Отец был профессиональным бакалейщиком и всегда стремился поставлять товары лучшего качества. За прилавком стояли три ряда ящиков со специями, сделанных из роскошного красного дерева и украшенных блестящими бронзовыми ручками, а над ними возвышались большие черные лакированные жестяные банки с чаем. Иногда мне поручали фасовать чай, сахар и печенье, доставая их из мешков и коробок, в пакеты по 1 и 2 фунта. В прохладной задней комнате, которую мы называли «старая пекарня», висели куски бекона, из которых следовало вырезать кости, а затем резать на тонкие кусочки. Заманчивые ароматы специй, кофе и копченой ветчины распространялись по всему дому.

Наша семья отличалась практицизмом, серьезностью и набожностью. Отец выполнял обязанности проповедника в Грэнтеме и его округе. Он был ярким оратором, его проповеди были интеллектуально насыщены. Но он был поражен, когда я спросила его, почему он при этом говорит «проповедническим голосом».

Жизнь семьи была тесно связана с методизмом. По воскресеньям мы ходили на церковную службу в 11 утра, а перед этим я еще посещала утреннюю воскресную школу. Занятия проводились и после полудня. Примерно с 12 лет я играла на пианино, аккомпанируя пению младших детей. Мои родители посещали еще и вечернюю воскресную службу. Несколько раз я пыталась увильнуть от посещения службы. Но когда я сказала отцу, что мои друзья идут гулять на улицу вместо церкви и что я хотела бы пойти с ними, отец ответил: «Никогда не делай ничего просто потому, что другие это делают». Это было одним из любимых его выражений, которое я не раз слышала, когда изъявляла желание научиться танцевать или просто пойти в кино. Что бы я тогда ни чувствовала, эта фраза моего отца сослужила мне большую службу.

При этом отец сохранял мягкость и умение сострадать другим. Жизнь бедных людей перед Второй мировой войной была очень трудной. Люди жили в постоянном страхе, что если они станут чуть меньше экономить и трудиться, то столкнутся с нищетой. Нередко эта угроза делала людей неоправданно суровыми. Вспоминается один разговор отца с прихожанином, жаловавшимся на «расточительство сына», растратившего полученные от родителей средства и явившегося к ним за помощью. Собеседник отца считал, что сын его парень ничемный, а значит, толку из него не выйдет и ему нужно указать на дверь. Слова моего отца по сей день звучат в моей памяти. «Нет, – сказал он, – сын остается сыном, и его нужно встре-

тить со всей любовью и теплотой, когда ему нужна помощь. Что бы ни случилось, каждый должен иметь возможность вернуться домой».

Отец был человеком твердых принципов. «Твой отец всегда настаивает на своем», – говорила моя мать, но он отстаивал принципы так, чтобы не причинить зла другим. Он придерживался этого подхода, когда работал в качестве члена местного совета и позднее олдермена { До 1972 г. олдерменом назывался советник, избираемый из числа членов местных советов путем непрямых выборов. (*Прим. ред.*)}. В те дни в Грэнтеме и других местах кинотеатры по воскресеньям были закрыты, но во время войны, исходя из соображений прагматических, а не догматических, он допускал воскресное кино, потому что это давало военным служащим место для тихого, спокойного отдыха. В то же время он твердо (хотя и безуспешно) протестовал против открытия парков для различных игр, которые, как ему казалось, нарушают покой людей. Что касается меня, сейчас я могу оценить его способность уступать, если того требовали обстоятельства.

Стойкость, умение сохранять верность своим убеждениям, даже если это грозит утратой популярности, была привита мне с ранних лет. В 1936 г., когда мне исполнилось одиннадцать лет, я получила в подарок издание «Ежегодника Бибби». Джозеф Бибби был ливерпульским предпринимателем, который использовал часть своего состояния на издание журнала, представлявшего собой сочетание жизненных уроков, житейской философии и религии, а кроме того, содержал хорошие репродукции великих произведений живописи. Я была слишком мала, чтобы знать, что лежащий в основе подход был теософским { Теософия – учение о божественном, которое опирается на мистический опыт, но, в отличие от чистой мистики, излагает это в виде связной системы. Наиболее известно учение Е. Блаватской. (*Прим. ред.*)}, но ежегодник стал одной из самых главных моих драгоценностей. Там я узнала многие стихи, которые до сих пор использую в импровизированных речах, поскольку они выражают значимые для меня ценности.

Способствовало ли тому раннее знакомство с «Ежегодником Бибби» или так проявилась природная склонность, но я была очарована поэзией. Десяти лет я стала гордым обладателем награды «Грэнтем Айстедвод» за чтение стихов. Вскоре после этого случая, когда я зашла в один дом, чтобы забрать заказ на продукты, человек, знавший, как много поэзия для меня значит, подарил мне издание Мильтона, и я бережно хранила эту книгу. В начале войны, участвуя в концертах, организуемых для военнослужащих, я читала стихи из Оксфордского сборника английской поэзии, это еще одна книга, с которой я не расстаюсь. А кроме того, методизм представляет прекрасные образцы религиозной поэзии, такие как гимны Джона Уэсли.

Религиозная жизнь в Грэнтеме была очень активной и, задолго до распространения идей христианского экуменизма { Экуменизм – идеология, выступающая за сближение различных христианских церквей. Понятие введено в 1937 г. теологами из Принстона. (*Прим. ред.*)}, очень соревновательной. В нашем городе было три методистских часовни, англиканская церковь Святого Вульфрама, имеющая, согласно местной легенде, шестую по высоте колокольню в Англии, и римская католическая церковь прямо напротив нашего дома. С точки зрения ребенка, католикам жилось веселее всех. Я завидовала юным католичкам, готовившимся к первому причастию, одетым в белые, украшенные ленточками платья и несущим корзинки цветов. Методисты одевались значительно проще, и, если бы я надела платье с лентами, старый прихожанин покачал бы головой: «Первый шаг к Риму!»

Однако даже без ленточек методизм был очень привлекателен. В нем много внимания уделяется социальному аспекту религии и музыке. Наши друзья из церкви часто приходили к нам на ужин воскресным вечером или мы навещали их. Мне нравились разговоры взрослых, которые не ограничивались религией или событиями в Грэнтеме, а касались и национальной, и международной политики. И одной из особенностей методизма было то, что

методисты были склонны уделять больше времени и внимания еде. Принято было «держать хороший стол» дома, а что касается общественных мероприятий, они обычно включали в программу чаепитие или ужин.

Больше всего, признаюсь, мне нравилась музыкальная составляющая методизма. Так, по случаю годовщины воскресной школы мы пели специальные гимны. Я всегда с нетерпением ждала рождественского богослужения в женской школе «Кестивен и Грэнтем», несмотря на необходимость участвовать в многодневных репетициях. В нашей церкви был великолепный хор. Каждый год мы исполняли «Мессию» Генделя, «Творение» Гайдна или «Илию» Мендельсона. Для исполнения сложных сольных партий приглашались профессиональные певцы из Лондона.

С пяти лет я обучалась игре на фортепиано, моя мать тоже играла. Мне повезло найти отличных учителей и завоевать несколько призов на местных музыкальных фестивалях. Фортепиано, на котором я играла, сделал мой двоюродный дедушка Джон Робертс, живший в Нортэмптоне. Он же делал и церковные органы. Когда мне было десять, я навестила его и была потрясена тем, что он позволил мне поиграть на одном из двух органов, которые он строил в помещении, похожем на амбар, в своем саду.

К сожалению, в шестнадцать лет я прекратила заниматься музыкой из-за нехватки времени. Тогда я готовилась к поступлению в университет, но до сих пор сожалею, что больше не занималась музыкой. А ведь в детстве я нередко аккомпанировала, когда мой отец (обладатель хорошего баса) и мать (контральто), а иногда друзья семьи пели старые любимые песни «Священный город», «Потерянный аккорд», арии Гилберта и Салливана и пр.

Одним из сильнейших моих впечатлений было посещение Лондона в двенадцатилетнем возрасте. В сопровождении друга моей матери я прибыла на поезде на станцию Кингс Кросс, где меня встретили друзья нашей семьи, которые должны были обо мне позаботиться. Лондон меня ошеломил: станция Кингс Кросс казалась гигантской суматошной пещерой, остальной город был ослепительной торговой столицей империи. Впервые в жизни я увидела людей из других стран, некоторых в национальных костюмах Индии и Африки. Шум транспортного и пешеходного движения будоражил. А почерневшие от копоти здания обладали мрачным величием, напоминая, что я нахожусь в центре мира.

Скиннеры показали мне все обязательные достопримечательности. Я кормила голубей на Трафальгарской площади; спустилась в метро – несколько отталкивающий опыт для ребенка. Я посетила зоопарк, где покаталась на слоне и в ужасе отшатнулась от рептилий, последнее предвосхитило мои будущие отношения с Флит-стрит { Улица в Лондоне, где располагаются газетные издательства. (Прим. ред.)}. Оксфорд-стрит меня разочаровала. Она оказалась гораздо уже, чем представлялась мне в воображении. Мы посетили собор Святого Павла, где Джон Уэсли молился в утро своего обращения, и, конечно, здание парламента и Биг-Бен, которые совершенно не разочаровали. Я сходила взглянуть на Даунинг-стрит, но в отличие от юного Гарольда Вильсона { Вильсон Джеймс Гарольд, барон Риво (1916–1995), политик-лейборист, лидер партии с 1963, премьер-министр Великобритании (1964–1970, 1974–1976); один из выдающихся британских государственных деятелей XX в. Слова М.Тэтчер должны навести читателя на мысль о ее скромности и непомерных амбициях лейбористского политика. (Прим. ред.)} не почувствовала своей связи с домом номер десять.

Кульминацией всех моих восторгов стал мой первый визит в театр Кэтфорд в Льюисхэме, где мы смотрели знаменитый мюзикл Зигмунда Ромберга «Песня пустыни». Три часа я провела в другом мире, унесенная, как и героиня, бесстрашной Красной тенью. Впечатление было так сильно, что я купила ноты и играла по ним дома. Было трудно покидать Лондон и Скиннеров, которые так меня баловали. Ведь благодаря их доброте я увидела, выражаясь словами Талейрана, *la douceur de la vie* (сладость жизни).

Наша религия была не только музыкальной и социально ориентированной, но также и интеллектуально стимулирующей. Основной политической тенденцией среди методистов и других протестантов в нашем городе была близость к левому крылу и даже пацифизму. Методисты в Грэнтеме организовали референдум 1935 г., распространяя среди избирателей опросный лист, по итогам которого большинство проголосовало «за мир». В истории не зафиксировано, как сильно Гитлер и Муссолини были тронуты таким результатом, но в доме Робертсов были свои взгляды на этот счет. Референдум был нелепой затеей, отчасти приведшей к отставанию национального перевооружения, необходимого, чтобы отпугнуть и в конечном итоге одержать победу над диктаторами. По этому и другим вопросам мы, стойкие консерваторы, имели свое особое мнение. Наш друг Скиннер был энтузиастом референдума. Он был добрейшим и святейшим человеком; годы спустя он венчал меня и Дэниса в лондонской часовне Уэсли. Но человечность не заменяет политической трезвости.

Богослужения, посещаемые каждое воскресенье, оказывали огромное влияние на меня. Приглашенный конгрегационалистский священник, реверенд Чайлд, прояснил для меня смелую для тех дней мысль, что в грехах отцов (и матерей) нельзя обвинять их детей. Я и сегодня вспоминаю его порицание ханжеской тенденции называть детей, рожденных вне брака, незаконными. Все жители знали, кто в городе родился без отца. Слушая реверенда Чайлда, мы осознавали свою вину в том, что относимся к ним по-другому. Времена изменились. Давно печать незаконнорожденности не ставится не только на ребенке, но и на родителях, при этом число детей, живущих в бедности, увеличилось. Мы все еще не нашли способ совместить христианское милосердие с разумной социальной политикой.

Когда разразилась война и смерть приблизилась к каждому, богослужения стали эмоциональнее. На одном из них, вскоре после Битвы за Англию { Точнее *Битва за Британию* (10 июля – 30 октября 1940 г.). В ходе воздушных боев Королевские ВВС Великобритании отразили попытки авиации Третьего рейха уничтожить британские ВВС, разрушить промышленность и инфраструктуру юга страны, деморализовать население и принудить Великобританию к заключению мира. Термин ввел в употребление У. Черчилль. (*Прим. ред.*)}, проповедник сказал, что всегда «малыми силами спасают многих»: так было с Христом и апостолами. Меня вдохновила тема другой проповеди: рожденные в бурю будут готовы справиться и с грядущими бурями. Это было доказательством великого Божьего провидения и основанием для веры в будущее, как бы тяжело ни было сегодня.

В нашем доме всегда много трудились, отчасти потому, что праздность считалась грехом, отчасти потому, что всегда было много работы. Как я упоминала, когда было необходимо, я помогала в магазине, а благодаря моей матери, я узнала, что значит управляться с домашним хозяйством так, чтобы все работало как часы, даже если целый день она провела за прилавком, обслуживая покупателей. Хотя перед войной у нас была горничная, а после войны помощница на пару дней в неделю, мама всегда много трудилась по дому сама, а это требовало гораздо больше усилий, чем в современном доме. Она научила меня правильно гладить мужские рубашки и вышитые изделия. Огромные утюги нагревались на открытом огне, а чтобы придать идеальный вид белью, смазывали утюг свечным воском. Как ни странно для тех лет, в средней школе мы изучали домоводство – все, от правильной стирки до управления семейным бюджетом. Тем самым я была вдвойне подготовлена к управлению домашним хозяйством.

Дом на Норт Парэйд мыли не только ежедневно и еженедельно: ежегодная капитальная весенняя уборка позволяла вычистить те уголки, до которых обычно не добирались. Ковры выносили на улицу и выбивали. Мебель красного дерева, всегда хорошего качества, которую мать покупала на аукционах, мылась теплой водой с уксусом, а затем полировалась. Поскольку весной также проводилась инвентаризация магазина, у нас не было и минутки отдыха.

В доме ничего не выбрасывалось, мы всегда жили строго по средствам. Худшее, что можно было услышать о соседях, это что они «живут с размахом». Поскольку мы были привычны к экономному режиму, мы справлялись с ограничениями военного времени, хотя мы обычно записывали передаваемые по радио рецепты таких скучных блюд, как «Картофельный пирог лорда Вултона» (дешевое блюдо, названное в честь министра пищевой промышленности времен войны). Мама прекрасно готовила. Дважды в неделю она пекла хлеб, кексы и пироги, особенно славился ее хлеб и грэнтемские имбирные пряники. До войны по воскресеньям мы готовили жаркое, которое в понедельник подавалось как холодная закуска, а во вторник превращалось в тефтели. В годы войны воскресное жаркое превратилось в суп почти без мяса или макароны с сыром.

В маленьких провинциальных городках в те дни была своя сеть частной благотворительности. Накануне Рождества в нашем магазине были готовы 150 пакетов, содержавших консервы, рождественский торт и пудинг, джем и чай – все купленное для бедняков клубом «Ротари» { Ротари-клуб – международная неправительственная ассоциация, возникшая в 1905 г. Объединяет людей вне зависимости от национальной, расовой принадлежности, вероисповедания, политических взглядов. (Прим. ред.) }. Всегда что-нибудь из того, что мама пекла в четверг или воскресенье, посылалось одиноким старикам или тем, кто заболел. Как владельцы магазина, мы всегда знали об обстоятельствах наших покупателей.

Одежда никогда не была для нас проблемой. Моя мать была профессиональной швеей и шила для нас почти все. В те дни существовало две компании, производившие хорошие выкройки, «Вог» и «Баттерик», а на распродажах мы покупали хорошие ткани по сниженным ценам. Так что мы были недорого и, по грэнтемским стандартам, довольно модно одеты. Когда отца избрали мэром, мама сшила для нас, своих дочек новые бархатные платья – голубое для моей сестры и темно-зеленое для меня, а для себя муаровое платье из черного шелка.

Но во время войны дух бережливости стал почти одержимостью. Даже моя мать и я были ошеломлены одной из наших подруг, которая сказала, что никогда не выбрасывает шитые нитки, а использует их заново. «Я считаю, это моя обязанность», – сказала она. После этого так стали делать и мы. Мы ведь были методистами.

У меня было меньше свободного времени, чем у других детей. Отдыхала я во время долгих прогулок, часто в одиночестве. Грэнтем лежит в небольшой ложине, окруженной холмами, тогда как в других местах Линкольншира рельеф очень плоский. Иногда я уходила из города по Манторпской дороге, шла по северной стороне и возвращалась по Большой северной дороге. Мне нравилось подниматься на холм Холле, где во время войны, освобожденные на неделю от школы, мы собирали шиповник и ежевику. В снежные дни с этого холма катались на санках.

Я не была спортивным ребенком, хотя научилась плавать и в школе несколько эксцентрично играла в хоккей. Дома мы обычно играли в такие игры, как «Монополия» и «Пит» – шумная игра, основанная на принципах Чикагской товарной биржи. Позднее, приехав в Америку, я посетила биржу, но мой интерес к торговле тем и закончился.

Появление кино в Грэнтене очень скрасило мою жизнь. Нам повезло иметь среди покупателей семью Кэмпбелл, владевшую тремя кинотеатрами в Грэнтене. Они иногда приглашали меня к себе домой послушать граммофон. Там я познакомилась с их дочерью Джуди, ставшей впоследствии известной актрисой, сыгравшей с Ноэлем Кауардом в комедии военного времени «Настоящий смех». Благодаря знакомству с Кэмпбеллами кино стало для нас доступным развлечением. Родители были рады, что я могу смотреть «хорошие» фильмы, определение, которое включало мюзиклы Фреда Астера и Джинджер Роджерс и фильмы Александра Корды.

Каждую неделю показывали новый фильм, но если он не вызывал интереса публики, то его заменяли уже с четверга. Так некоторые смотрели два фильма в неделю, но в нашем

доме это не одобрялось. Возможно, это ограничение было правильным, ибо я была просто околдована романтическим миром Голливуда. За девять пенсов ты получал удобное место в темноте и смотрел сначала отрывок из фильма, который должен выйти на экран, затем новости британского кино с их радостно-оптимистичным комментарием, после короткий фильм на социальную тему типа «Преступления не оплачиваются» и, наконец, собственно фильм.

Смотрела я приключенческие фильмы («Четыре пера», «Барабан»), изящные комедии, такие как «Женщины», мелодрамы с Барбарой Стэнвик («Стелла Даллас») и Ингрид Бергман. Кино формировало и политическую позицию. Так, подтверждение моим взглядам на Французскую революцию я увидела благодаря игре Лесли Говарда и чудесной Мерль Оберон («Алый цветок»). Проявление верности своим принципам я увидела в фильме Джеймса Стюарта «Мистер Смит едет в Вашингтон». Я с удовольствием наблюдала, как осмеивается советский коммунизм в фильме «Ниночка». Там Грета Гарбо, игравшая роль сурового комиссара, не может устоять перед изящной шляпкой.

Думаю, какое это счастье, что я родилась в 1925 г., а не на двадцать лет раньше. До 1930-х у девочки, живущей в маленьком провинциальном английском городке, не было бы возможности соприкоснуться с таким диапазоном таланта, драматической формы, человеческих эмоций, сексуальной притягательности, зрелищности и стиля. Грэнтем был маленьким городком, но, посещая кино, я попадала в сказочные царства воображения. Это воспитало во мне решимость однажды окунуться в реальность.

Для моих родителей значимой реальностью было «здесь и сейчас». Для них зрелищное развлечение отличалось от развлечения, организованного своими силами. Родители считали, что развлечение, требующее собственных усилий, предпочтительнее позиции пассивного зрителя. Временами меня это раздражало, но я понимала их точку зрения.

Когда мы с мамой и сестрой ездили вместе на каникулы, обычно в Скегнесс, важным считалось быть активным, а не сидеть целый день в бездельной мечтательности. Мы обычно останавливались в гостевом домике с кухней, что гораздо дешевле, чем гостиница, и первым делом по утрам я выходила с другими детьми на физкультурные занятия, организованные в общественном парке. Нам было чем заняться в отпуске, и, конечно, были и пляж, и ведерки, и лопатки. По вечерам мы ходили на эстрадные представления и ревю, с комедиантами, жонглерами, акробатами, певцами из «старых времен», чревовещателями, и большая часть аудитории присоединялась к актерам, чтобы спеть недавний хит Генри Холла «Приглашение друга». Родители считали такие представления допустимыми, хотя мы бы никогда не пошли на эстрадный концерт, пока была жива бабушка Стивенсон, жившая с нами до моих десяти лет.

Пусть никто не подумает, что она была слишком суровой. Ее теплота была частью моей жизни и жизни моей сестры. Одета «по-бабушкински» в стиле тех дней: в длинном черном сатиновом платье с бисером, летними вечерами она приходила в наши спальни и рассказывала истории из своего детства, а еще пугала нас небылицами о том, как ухвертки заползают под кожу. Ее смерть в возрасте восьмидесяти шести лет стала первой смертью, с которой я соприкоснулась. По обычаю тех дней, я пробыла в доме друзей до конца похорон, и все вещи бабушки были убраны из дома.

По сути, жизнь для ребенка складывается из повседневности, и я оправилась довольно быстро. Но мы с мамой ходили ухаживать за могилой бабушки, когда работали неполный день. Я никогда не знала своих дедушек, которые умерли до моего рождения, а бабушку Робертсон я видела лишь дважды, когда мы навещали ее в Рингстеде, Нортэмптоншир. Она была активной старушкой, содержавшей прекрасный сад. Мне особенно запомнилось, что она хранила запас красно-оранжевых яблок в комнате наверху, куда мы с сестрой были приглашены, чтобы выбрать лучшие.

Отец был прекрасным игроком в боулинг, и он курил, несмотря на то, что ему это было вредно. В остальном его свободное время и развлечения заменяла работа. В доме не держали алкоголь вплоть до избрания отца мэром в конце войны, и лишь тогда у нас появились шерри и вишневое бренди, которое почему-то считалось более приличным, чем просто бренди, для угощения гостей. (Позднее, годы предвыборных кампаний научили меня, что вишневое бренди очень хорошо для горла.)

Как и другие ведущие бизнесмены Грэнтема, отец был ротарианцем. Девиз «Ротари» «Служба превыше всего» был выгравирован в его сердце. Клуб «Ротари» был постоянно занят сбором средств для благотворительных целей. Отец участвовал в такой деятельности не только через церковь, но и как член местного совет. Одним из таких мероприятий, которые мне нравились, была Детская рождественская вечеринка, организуемая Лигой сострадания (сейчас это Национальное общество защиты детей от жестокого обращения), проводимая для сбора денег для детей, нуждающихся в помощи. Я приходила туда в одном из прекрасных вечерних платьев, сшитых моей матерью.

Помимо дома и церкви, центром моей жизни была, конечно же, школа. И здесь мне повезло. Начальная школа «Хантингтауэр Роуд» обладала хорошей репутацией. К моменту, когда я в нее поступила, благодаря моим родителям я уже умела читать несложные тексты. Даже когда я была очень мала, мне нравилось учиться. Помню волнующий момент, когда меня, пятилетнюю, спросили, как читается «С-О-Л-Н-Ц-Е», и я ответила правильно, но подумала: «Они всегда дают мне сложные слова». Позднее, на уроке общеобразовательной подготовки, я впервые столкнулась с мистерией пословиц. Я уже обладала логикой и была сбита с толку метафорическим элементом такой фразы, как «Не зная броду, не суйся в воду». Исходя из собственного опыта ежедневного перехода через опасную дорогу в школу, я думала, что лучше было бы сказать «Не зная перехода, не иди через дорогу». А еще мне бросилось в глаза противоречие между этой пословицей и другой, провозглашавшей: «Кто колеблется, тот проигрывает».

В выпускном классе начальной школы я впервые познакомилась с произведением Киплинга. Я была околдована его поэмами и рассказами и попросила у родителей его книгу в подарок на Рождество. Его поэмы открывали ребенку огромный мир. Подобно голливудским фильмам, Киплинг приоткрывал завесу в романтические дали за пределами Грэнтема. Находясь под влиянием отца, читала, думаю, больше остальных моих одноклассников.

По окончании школы «Хантингтауэр Роуд» я поступила в женскую школу «Кестивен и Грэнтем». Она находилась в другой части города, и, чтобы обедать дома, что было дешевле, чем в школе, приходилось пройти четыре мили туда и обратно. Школьная форма была светло- и темно-синего цвета. Поэтому нас называли «девочки в голубом», а учениц из Кэмденской женской школы, эвакуированной из Лондона в Грэнтем, – «девочки в зеленом».

Директором нашей школы была мисс Уильямс, маленькая, подтянутая женщина с седыми волосами, которая основала школу в 1910 г. и ввела в обиход определенные традиции. Например, все девочки в течение четырех лет должны были изучать домоводство. Власть этой женщины распространялась на все. Я обожала наряды, которые мисс Уильямс надевала на школьные праздники или церемонии награждения, тогда она появлялась в элегантных костюмах, сшитых из прекрасного шелка. Она была очень практичной и советовала нам никогда не покупать шелк низкого качества, если на эти же деньги можно купить хлопчатобумажную ткань хорошего качества. «Никогда не обольщайтесь дешевой меховой шубой, лучше купите хорошо сшитое шерстяное пальто». Ее правилом было всегда стремиться к качеству, доступному в рамках собственного дохода.

Мои учителя были учителями по призванию. Школа была небольшой, около 350 учениц, все учителя и ученицы знали друг друга. Девочки в основном были из семей среднего класса, но род занятий родителей разнился весьма существенно. Моя самая близкая подруга

каждый день приходила из деревенского поселка в десяти милях от города, где ее отец работал строителем. Я иногда ходила к ней в гости. Ее родители, как и мои, стремились пополнить кругозор дочери и брали нас на прогулки по окрестностям, знакомя с названиями цветов и птиц, и учили нас различать птиц по голосам.

Учитель истории мисс Хардинг любила свой предмет и умела привить вкус к нему, но, к сожалению, я никогда до конца его не развила. Я обнаружила, что с абсолютной ясностью помню ее рассказ о битве в Дарданеллах, когда много лет спустя, будучи премьер-министром, я шла по полям трагических событий Галлиполи. Но больше всего влияния на меня, несомненно, оказала мисс Кэй, учительница химии, в которой я решила специализироваться. Тогда уже вполне нормальным считалась тяга девочек-учениц к занятиям наукой. Мой интерес к научному знанию подстегивали сообщения о научных достижениях в сфере расщепления атома и разработки пластмассы. Я хотела стать частью большого научного мира. Кроме того, я знала, что мне нужно будет самой зарабатывать себе на жизнь, мне казалось увлекательным работать в этой сфере.

Мой отец делал все, чтобы я смогла получить хорошее образование. Мы с ним ходили слушать лекции Ноттингемского университета о текущих международных событиях, которые регулярно читались в Грэнтеме. Когда наступало время задавать вопросы, мы активно участвовали в этом. Особенно хорошо запомнились вопросы местного представителя ВВС Великобритании, командира авиационного крыла Миллингтона, который на дополнительных выборах в конце войны прошел в парламент от Челмсфорда как представитель партии левого крыла «Содружество», входившей в коалицию Черчилля.

Мои родители строго следили за моими школьными успехами. Домашнее задание должно было быть выполнено, даже если приходилось делать его воскресным вечером. Во время войны, когда девочки из Кэмденской школы были эвакуированы в Грэнтем, в школе ввели посменное обучение, и мы должны были ходить на уроки и в выходные дни. Отец, жадный до чтения человек, всегда обсуждал, что мы читали в школе. Однажды он обнаружил, что я не знакома с поэзией Уолта Уитмена; это было быстро исправлено, и Уитмен и по сей день остается моим любимым автором. Меня поощряли к чтению классики – сестры Бронте, Джейн Остин и, конечно, Диккенс: «Повесть о двух городах» последнего понравилась мне больше всего. Мой отец был еще подписан на философский журнал Хибберта, но он мне показался слишком сложным.

Помимо дома, церкви и школы, в моей жизни был еще и сам Грэнтем. Мы гордились нашим городом, знали его историю и традиции. Грэнтем был основан во времена саксов, хотя лишь при норманнах он стал региональным центром. Но настоящий подъем начался с появлением железной дороги в 1850 г.

Самой внушительной постройкой в нашем городе была башня церкви Святого Вольфрама, ее было видно отовсюду. Но самыми характерными и значительными для нас оставались восхитительная викторианская ратуша и статуя самого знаменитого сына Грэнтема сэра Исаака Ньютона. Отсюда, с холма Святого Петра, начинались шествия в День Памяти по направлению к церкви Святого Вольфрама. Из окна бального зала ратуши я могла наблюдать, как вслед за оркестром Армии спасения и оркестром паровозостроительного завода шествовали мэры, олдермены и члены местного управления в мантиях и регалиях. За ними шли отряды, представлявшие общественные организации (от бойскаутов до масонов и профсоюзов).

Особенно запомнился 1935 г. Мы отпраздновали серебряный юбилей короля Георга и столетие Грэнтема в качестве города. Лорд Браунлоу, представитель аристократической семьи, покровительствовавшей городу, стал мэром. Весь город был украшен голубыми и золотыми (цвета города) вымпелами. Улицы соревновались в красочности, пытаясь превзойти одна другую. Помню, что улица Вер Корт, на которой жили самые бедные семьи,

была восхитительно украшена. Духовые оркестры играли целый день, Грэнтемский «карнавальный оркестр», который назывался «Грэнтемские имбирные пряники», добавил веселья. Школы приняли участие в большой концертной программе на открытом воздухе, и, под бдительным оком жены директора мужской школы, мы промаршировали в строгой формации, образуя буквы Г-Р-Э-Н-Т-Е-М. Я стала частью «М».

Мой отец был членом совета местного управления, председателем городского комитета по финансам, затем олддерменом и, наконец, в 1945–1946 гг. мэром, так что я многое знала о городских делах и лицах, в них вовлеченных. Политика была частью городской жизни. Мы уважали наших знакомых членов совета лейбористов, и, несмотря на битвы в совете или конкуренцию на выборах, они постоянно заходили в наш магазин. Отец понимал, что у политики есть границы, – понимание, доступное далеко не всем политикам. Его политический стиль лучше всего, наверное, может быть охарактеризован как «старомодный либерализм». Личная ответственность была его девизом, а «здоровые финансы» его страстью. Он обожал сочинение Джона Стюарта Милла «О свободе». В те дни, до того как единые общеобразовательные школы стали насущным вопросом и до того как лейбористские политики продвинулись в местные органы управления, работа местных советов воспринималась, по сути, как беспартийная.

Поэтому с горечью вспоминаю 1952 г., когда лейбористы, победив на выборах в совет, не включили моего отца в состав олддерменов. Это вызвало общее неодобрение, ведь интересы партии были поставлены выше общественных интересов. Не забуду, с каким достоинством вел себя отец. После голосования он взял слово: «Почти девять лет я с честью носил эту мантию, и сейчас, надеюсь, с честью она и низложена». А позднее, получив сотни сообщений от друзей, сторонников и даже старых оппонентов, он сделал такое заявление: «Хоть я и упал, я упал на ноги. Я могу сказать, что я был счастлив быть избранным, сейчас я счастлив быть отвергнутым». Годы спустя, когда нечто похожее случилось со мной, я постаралась следовать его примеру.

Но мы забегаем вперед. Наверное, главным интересом, который мой отец и я разделяли, когда я была ребенком, было стремление узнать побольше о политике и общественных делах. Мы каждый день читали «Дэйли Телеграф», раз в неделю «Методист Рекордер», «Пикчер Пост», а пока мы были маленькие, нам покупали «Детскую газету». Иногда мы читали «Таймс».

А затем пришел день, когда отец купил наш первый радиоприемник «Филипс», из тех, что сегодня можно найти в недорогих антикварных магазинах. Зная, что он собирался его купить, я в предвкушении почти всю дорогу из школы домой бежала и не была разочарована. Радио изменило нашу жизнь. С тех пор она больше не крутилась лишь вокруг «Ротари», церкви и магазина, главными стали новости по радио. И не просто новости. Во время войны после воскресных девятичасовых новостей передавали «Постскрипtum», короткую передачу на злободневные темы. Часто ее вел Дж. Б. Пристли, обладавший уникальным даром прятать левые взгляды под маской надежной, практичной северной философии, а иногда американский журналист Квентин Рейнольдс, который саркастически называл Гитлера «господин Шиклгрюбер», используя одну из его фамилий.

Еще мы слушали «Мозговой траст», часовую дискуссию четырех интеллектуалов о текущих проблемах, самым знаменитым среди них был профессор С. Э. М. Джоад, чей ответ на любой вопрос начинался с «Это зависит от того, что вы имеете в виду под...». Вечером в пятницу передавали комментарии людей вроде Нормана Биркетта в цикле программ под названием «Столкновение». Я любила радиокomedию «Итма» за крылатые словечки, которые все еще в ходу, и за набор персонажей, таких как уборщица Мона Лотт с ее знаковой фразой «Это так весело, что я продолжу».

Немыслимая скорость передачи информации по радио придавала особую остроту многим событиям, что было особенно важно в военное время. Я помню, как в 1939 г. наша семья сидела возле радио за рождественским ужином, слушая выступление короля. Мы знали, как трудно ему было преодолеть свое заикание, и мы знали, что это была прямая трансляция его речи. Я тогда думала, каким несчастным он, должно быть, себя чувствовал, не имея возможности наслаждаться рождественским ужином, ибо знал, что ему нужно говорить речь по радио. Я помню его голос, медленно произносящий эти знаменитые строки: «И я сказал человеку, стоявшему у ворот года: “Дай мне свет, что позволит мне бесстрашно шагнуть в неизведанное...” И он ответил: “Иди в темноту и вложи свою руку в руку Господа. Это лучше, чем свет, и надежнее, чем знакомый путь”» { Из книги «Бог знает» М.Л. Хаскинс. }.

Мне было почти четырнадцать, когда началась война, я уже знала достаточно, чтобы понимать ее причины и внимательно следить за важными событиями последующих шести лет. Понимала я кое-что из происходящего в политике. Годы Депрессии, первой, но не последней экономической катастрофы повлияли не столько на сам Грэнтем, сколько на окружающие его сельские поселки, но особенно сильно они коснулись северных городов, зависевших от тяжелой промышленности. Многие заводы нашего города продолжали работать, среди них самым крупным был «Растон и Хорнсби», производивший локомотивы и паровые машины. Отчасти благодаря стараниям моего отца были привлечены новые инвестиции.

Что касается нашего семейного бизнеса, он был в безопасности: ведь люди всегда хотят есть. Серьезные перемены коснулись тех, кто получал жалованье в офисах (и кого сегодня называют «белые воротнички»), и тех, кто его не получал, ибо работу стало трудно найти. По дороге в школу я проходила мимо длинной очереди возле биржи труда. Нам повезло в том, что никто из наших близких друзей не потерял работу, но мы знали тех, кто без нее остался. Необходимо отметить, я никогда об этом не забывала, как опрятно были одеты дети безработных. Их родители шли на любые жертвы ради своих детей. Твердость духа и независимость были сильны даже в самых бедных жителях городков Ист-Мидлендс, и, поскольку остальные старались делиться, чем могли, городская община сохраняла единство. Со временем, я особенно остро сознаю, каким же достойным местом был Грэнтем.

Признаюсь, что с детства я не знала чувства классовой обособленности. Даже в годы Депрессии были вещи, которые связывали нас вместе. Монархия, конечно же, была одной из них. И моя семья, как и многие другие, чрезвычайно гордилась империей. Мы верили, что она принесла закон, хорошее управление и порядок в страны, которые иначе никогда бы их не узнали. Ребенком я с изумлением слушала методистского миссионера, рассказывавшего о своей работе среди людей такого племени Центральной Америки, которое не имело свой письменности до того, как он ее для них создал.

Позднее я серьезно подумывала о поступлении на государственную службу в Индии, поскольку мне Индийская империя представлялась одним из величайших достижений Британии. При этом меня совершенно не интересовала государственная служба в Британии. Но мой отец сказал, что к тому времени, когда я буду готова поступить в Индии на государственную службу, ее уже, возможно, не будет существовать.

Мы мало что знали об идеологии коммунизма и фашизма, но в отличие от консервативно мыслящих людей мой отец яростно возражал против того, что фашистский режим нужно поддерживать, чтобы победить коммунистов. Он верил, что свободное общество было лучшей альтернативой обоим режимам. Это его убеждение скоро стало и моим. Задолго до объявления войны мы уже имели представление о Гитлере. При показе кинохроники я с отвращением смотрела на съезды напыщенных коричневорубашечников. Мы много читали о варварстве и абсурдности нацистского режима.

Но это не означает, конечно, что мы смотрели на войну с диктаторами только как на страшную перспективу, которую надо стараться избежать. На нашем чердаке хранился

целый сундук с журналами, где среди прочего была знаменитая фотография времен Первой мировой войны, запечатлевшая шеренгу британских солдат, ослепленных горчичным газом и идущих на перевязочный пункт, каждый из которых держался за плечо идущего впереди, чтобы не потерять дорогу. Надеюсь на лучшее, мы готовились к худшему. В сентябре 1938 г., как раз в дни Мюнхенского соглашения, мы с мамой пошли покупать много черной ткани. Отец тогда беспокоился об организации противовоздушной маскировки.

Самый распространенный миф о тридцатых годах заключается в том, что правые, а не левые потворствовали политике умиротворения. Исходя не только из моего собственного опыта (я жила в политически активной семье правых), но и вспоминая о том, как лейбористы голосовали против воинского призыва даже после того, как немцы заняли Прагу, я этому не верила. При этом надо помнить, что атмосфера в целом была столь пацифистской, что возможности практического политического решения были ограничены. Масштаб проблемы стал явным во время парламентских выборов 1935 г. Именно тогда, в возрасте десяти лет, я обрела свой первый политический опыт.

Я была слишком мала, чтобы агитировать за моего отца во время выборов в совет, но меня привлекли к работе: я складывала ярко-красные выборные листовки, прославляющие достоинства кандидата от консерваторов сэра Виктора Уоррендера. Мои липкие пальцы окрасились в красный цвет, и кто-то сказал: «Вот помада леди Уоррендер». В день выборов мне было поручено важное задание: я должна была бегать между комнатой, где заседали консерваторы, и избирательным участком, находившимся в нашей школе, с информацией о том, кто уже проголосовал. Наш кандидат победил, хотя преимущество уменьшилось с 16 000 до 6000 голосов.

Я не понимала тогда споров о перевооружении и Лиге Наций, но это были очень трудные выборы, проходившие на фоне борьбы с энтузиастами референдума и Абиссинской войной на заднем плане. Позднее, в подростковые годы, я вела жаркие споры с другими консерваторами о том, был ли Болдуин виновен в том, что ввел избирателей в заблуждение, не рассказав об опасности, грозившей стране. На самом деле, если бы партия «Национальное правительство» не прошла на выборах, темпы перевооружения не ускорились бы, и скорее всего лейбористы сделали бы еще меньше. Да и Лига Наций никогда не смогла бы предотвратить войну.

У нас, как и у многих людей, были смешанные чувства по поводу Мюнхенского соглашения, подписанного в сентябре 1938 г. К тому моменту мы многое знали о гитлеровском режиме и его возможных намерениях: для нашей семьи кое-что значило то, что Гитлер уничтожил клуб «Ротари» в Германии. Мой отец всегда воспринимал это признание роли ротарианцев. Диктаторы, как мы поняли, были способны мириться с «маленькими отрядами» Берка, добровольными организациями, помогающими существованию гражданского общества, не больше, чем с личными правами человека, полагающимися ему по закону. Доктор Яух, немец по происхождению, лучший врач в городе, получал информацию из Германии, делился с моим отцом, и тот обсуждал ее со мной.

Для моей семьи была очевидна жестокость обращения Гитлера с евреями. В школе нас поощряли заводить зарубежных друзей по переписке. Моя сестра Мюриел переписывалась с австрийской еврейской девочкой по имени Эдит. После аншлюса в марте 1938 г., когда Гитлер аннексировал Австрию, отец Эдит, банкир, написал моему отцу, прося позаботиться о его дочери, поскольку было ясно, как развиваются события. У нас не было ни времени, ни денег, чтобы самим взять на себя такую ответственность. Но отец добился поддержки грэнтемских ротарианцев, Эдит приехала к нам и жила у каждой семьи по очереди, пока не уехала к своим родственникам в Южную Америку. Ей было семнадцать лет, она была высокая, красивая, хорошо одетая и прекрасно говорила по-английски. Она рассказала нам, каково жить

еврею при антисемитском режиме, запомнилась одна сказанная ею фраза: «евреи созданы, чтобы скрести мостовые».

Учитывая все это, Мюнхеном нельзя было гордиться. Знали мы и том, что, подписав Мюнхенское соглашение, Британия стала соучастником в нанесении огромного вреда Чехословакии. Пятьдесят лет спустя, когда я в качестве премьер-министра посетила Чехословакию, я обратилась к Федеральной ассамблее в Праге и сказала: «Мы подвели вас в 1938 году, когда разрушительная политика умиротворения позволила Гитлеру лишить вас независимости. Черчилль вскоре отрекся от Мюнхенского соглашения, но мы до сих пор вспоминаем об этом со стыдом».

В то же время все мы понимали, насколько Британия и Франция не подготовлены к большой войне. Кроме того, некоторые купились на немецкую пропаганду и действительно верили, что Гитлер защищает судетских немцев от притеснения чехами. К тому же, если бы мы вступили в войну в тот момент, нас не поддержали бы наши доминионы. Последовавшее расчленение Германией того, что осталось от Чехословакии в марте 1939 г., убедило почти всех, что война необходима для усмирения гитлеровских амбиций, но даже тогда, месяцем позже, лейбористы, как я упоминала, голосовали против военного призыва. В Грэнтеме антивоенные настроения тоже были сильны: многие методисты противились официальной призывной кампании в мае 1939 г., даже после начала войны пацифисты проводили в городе свои митинги.

В любом случае война приближалась. 1 сентября 1939 г. Германия вторглась в Польшу. Когда, игнорируя британский ультиматум, Гитлер отказался вывести войска до 11 утра воскресенья 3 сентября, мы сидели возле радио в тревожном ожидании новостей. Это было единственное воскресенье за все мое детство, когда мы не пошли в церковь. Невилл Чемберлен в своей речи сообщил, что мы вступили в войну.

Каждую неделю отец доставал из домашней библиотеки две книги: «серьезную» для себя (и меня) и роман для моей матери. В результате я читала книги, которые девочки моего возраста обычно не читают. Вскоре я поняла, что мне нравится все о политике и международных делах. Я, например, прочла «Грядущую борьбу за власть» Джона Стрейчи, впервые изданную в 1932 г. В этом коммунистическом по духу исследовании говорилось, что капитализм вскоре сменится социализмом, и многим сверстникам это казалось волнующим и новым.

Но я по природе и воспитанию всегда была ревностным консерватором. Не важно, сколько «левых» книг я прочла или сколько «левых» комментариев услышала, я никогда не забывала, где расположен мой лагерь. Сейчас я понимаю, что это было довольно необычно. Ведь в тридцатые и сороковые годы левые лидировали на политической арене, хотя во время правления Черчилля в годы войны это не бросалось в глаза. Левые преуспели в очернительстве правых, обвиняя их в политике умиротворения, особенно заметно это в серии «Книжный клуб левых» издательства «Виктор Голланц», так называемых желтых книгах. Одна из них имела особое влияние: «Виновные» были написаны в соавторстве с М. Футом и изданы под псевдонимом Катон после событий в Дюнкерке в 1940 г.

Бестселлер «Пушки или масло?» Роберта Брюса Локхарта вышел в свет осенью 1938 г., после подписания Мюнхенского соглашения. Локхарт путешествовал по Европе и побывал в Австрии и в Германии в самый пик гитлеровского триумфа. Там, как сообщается в книге, редактор общенациональной немецкой газеты сказал ему, что «Германия хочет мира, но хочет его на своих условиях». Заканчивается книга сценой, описывающей, как автор, разбуженный «топотом двух тысяч ног, шагающих в унисон», смотрит в окно на туманный рассвет, где «нацистская Германия уже приступает к работе». Вариацией на ту же тему была «Ярмарка безумия» Дугласа Рида. Она произвела на меня сильное впечатление. Рид рассказывал о преследованиях евреев, сопровождавших растущее влияние нацистов. Он описывал

характер и менталитет, одновременно извращенный и расчетливый, отличающий нацистских лидеров. Он анализировал и осуждал британскую и французскую политику умиротворения, которая вымостила Гитлеру дорогу к успеху.

Книгу «Из ночи» Яна Вальтина (псевдоним немецкого коммуниста Рихарда Кребса) принес моему отцу будущий член парламента Дэнис Кэнделл. Отец запретил мне ее читать, но когда он уходил на собрания, я доставала книгу и читала леденящий отчет о тоталитаризме в действии. Книга была полна сцен садистского насилия, достоверность делала их еще страшнее. Обращение нацистов со своими жертвами, несомненно, было самой сильной темой, но была еще одна, не менее значительная. Книга рассказывала, как коммунисты в конце двадцатых и начале тридцатых годов вступили с нацистами в сговор, чтобы разрушить демократию Германии. Сговор против демократии повторился в германо-советском пакте 1939–1941 гг., который разрушил Польшу, Балтийские страны и Финляндию и ввергнул весь мир в войну. Книга формировала мое убеждение, что нацизм (национальный социализм) и коммунизм (международный социализм) были двумя сторонами одной медали. Отстаивая свои позиции, М.Тэтчер произвольно тасует события международной жизни предвоенных лет, опуская или выпячивая то, что считает нужным, в частности, опуская то, что Мюнхенское соглашение (1938 г.) предшествовало заключению германо-советского договора (1939 г.). (Прим. ред.)

Книгой, оказавшей на меня особое влияние, стало изданное в 1944 г. «Время величия» американца Г. Агара. Это было убедительное исследование того, как моральное падение Запада позволило возвыситься Гитлеру и спровоцировало войну. Книга призывала вернуться к либеральным демократическим ценностям Запада. Для меня важной в книге Агара стала идея, что битва против Гитлера имеет судьбоносное значение для человечества, будучи выше столкновений национальных интересов или сфер влияния, и любых других элементов политической власти. Агар также писал о необходимости после войны решения проблемы, которую он назвал «проблемой негров». Я раньше не слышала о такой проблеме. Хотя я видела цветных во время моего визита в Лондон, в Грэнтеме их практически не было. Наши друзья однажды пригласили на чай двух американских военных, одного черного, другого белого, и очень удивились, обнаружив их взаимную недоброжелательность. Когда нам об этом рассказали, мы тоже удивились.

Как и многие девочки военного времени, я прочла книгу Барбары Картленд «Рональд Картленд», в которой излагалась биография ее брата, молодого парламентария-консерватора, боровшегося против политики умиротворения и погибшего в Дюнкерке в 1940 г.

Ощущение, что война и связанные с ней страдания, или, в случае нашей семьи, материальные трудности и убытки, полны морального значения, лучше всего было передано в книге Ричарда Хиллари «Последний враг». Автор, молодой летчик, описывал борьбу, унесшую жизни многих его друзей и годом спустя унесшую и его собственную, как борьбу, идущую и в человеческом сердце. Смыслом ее была борьба за лучшую жизнь.

Поколение тех, кто в отличие от Ричарда Хиллари пережил войну, хотело навести порядок в самих себе, своей стране и в мире. Как я позднее узнала из общения с моими старшими политическими коллегами, никто из тех, кто сражался на фронте, не вернулся с войны таким, каким ушел. Не так очевидно, но война глубоко повлияла и на таких людей, как я, достаточно взрослых, чтобы понять, что происходит, но не участвующих в событиях непосредственно. Мы все видели эти огромные бедствия по-разному, их влияние на нас было разным. Мне никогда не казалось, например, очевидным, что «урок» войны состоял в том, что государство должно занять ведущую позицию в нашей общественной жизни и выражать дух коллективных стремлений не только во время войны, но и в мирное время.

«Уроки», которые вынесла я, были другими. Первое, что та жизнь, которую жители Грэнтема вели до войны, была достойной, и ее ценности были сформированы скорее обще-

ством, нежели правительством. Второе, если даже такая культурная, развитая христианская страна, как Германия, попала под влияние Гитлера, значит, цивилизацию нужно постоянно воспитывать, то есть хорошие люди должны защищать то, во что они верят. Третье, я пришла к очевидному выводу, что именно потакание диктаторам привело к войне и что оно выросло из ошибочных, хотя и добрых побуждений, как, например, пацифизм методистов в Грэнтеме. И наконец, у меня была патриотическая убежденность, что благодаря пламенным речам нашего лидера Уинстона Черчилля не было почти ничего, что британцы не могли бы сделать.

Наша жизнь в Грэнтеме во время войны вплоть до 1943 г., когда я уехала в Оксфорд, была, должно быть, очень похожа на жизнь множества других семей. Добровольцами мы работали в военных столовых или где-нибудь еще. Все наши мысли были о фронте, мы жадно накидывались на любые новости, и мы сами, благодарные за пребывание более или менее в безопасности, знали, что мы не имеем первостепенного значения. Немцы совершили на город двадцать один воздушный налет, в результате погибли семьдесят восемь горожан. Основными мишенями служили завод по производству боеприпасов Британской производственно-исследовательской компании и пересечение Большой северной дороги и Северной железнодорожной линии, которая пролегла в нескольких сотнях ярдов от нашего дома. Отец уходил вечерами на дежурство по противовоздушной обороне. Во время воздушных налетов мы забирались под стол, другого укрытия у нас не было, потому что не было сада, и сидели там до сигнала «отбой». После бомбардировки в январе 1941 г. я спросила отца, не могу ли я сходить посмотреть разрушения. Он не разрешил. Двадцать два человека погибли в тот день. Мы беспокоились о моей сестре Мюриел, которая работала в ортопедическом госпитале в Бирмингеме, который бомбили постоянно.

По сути, Грэнтем играл большую роль, чем я думала тогда. Ведь в городе базировалась Пятая группа авиационного командования, занимавшая большой дом на Харроубай Роуд, откуда и планировались воздушные налеты на Германию. Дэмбастеры { Дэмбастеры («Сокрушители плотин») – 617-я эскадрилья ВВС Великобритании, бомбившая в годы ВМВ плотины в промышленных районах Германии. } летали недалеко от Грэнтема. Со временем отец познакомился с их командиром, майором авиации Гаем Гибсоном.

Гитлеровское вторжение в Советский Союз в июне 1941 г. резко изменило отношение левых к войне. Пацифистские голоса внезапно стихли. Пустили ростки группы англо-советской дружбы. Мы, хоть и неохотно, принимали участие в англо-советских вечерах, проводимых в здании муниципалитета. Большое впечатление на нас произвели страдания и героизм русских в боях за Сталинград в 1942–1943 гг. Сейчас очевидно, что 1941 г., когда сначала Гитлер в июне напал на Россию, а затем Япония сбросила бомбы на Перл-Харбор, вынудив Америку вступить в декабре в войну, предвещал будущее поражение Германии { Тэтчер расставляет акценты совершенно определенным образом: выражает сочувствие жителям Сталинграда, при этом ничего не говорит, чем закончилась Сталинградская битва, и отводит США решающую роль в войне. (Прим. ред.) }, но новости были в основном плохие, особенно в начале 1942 г.

Это повлияло на исход дополнительных выборов, проведенных в Грэнтеме 27 февраля 1942 г., после того как Виктор Уоррендер был произведен в лорды как лорд Брантисфилд и стал Секретарем Адмиралтейства. Дэнис Кэнделл в качестве независимого кандидата противостоял кандидату от консерваторов сэру Артуру Лонгмору. Кэнделл вел популистскую кампанию, в которой использовал свой пост генерального директора завода по производству боеприпасов, чтобы подчеркнуть тему всеобщей кампании по производству для нужд войны и необходимости «практичных» людей ее продвигать. К нашему огромному удивлению, он победил с преимуществом в 367 голосов. Тогда и позже Консервативная партия была склонна к самодовольству. Внимательный анализ малого числа голосов на дополнительных

выборах должен был бы предупредить нас о возможности резкого изменения политических предпочтений в пользу социалистов, которое произошло в 1945 г.

Я приняла участие в кампании, одновременно готовясь к экзаменам в колледж Сомервиль в Оксфорде. По вечерам я зубрила латынь, необходимую для сдачи вступительных экзаменов. В нашей школе латынь не преподавали. К счастью, наша новая директриса, мисс Гиллис, нашла для меня учителя латинского в классической школе для мальчиков и одолжила несколько собственных книг, включая учебник, написанный ее отцом. Напряженная работа помогала мне отвлекаться от мрачных новостей с фронта. Однажды вечером весной 1942 г., когда мы с отцом возвращались с прогулки, я спросила его, когда и как все это кончится. Он ответил спокойно: «Мы не знаем как, мы не знаем когда, но мы, без сомнения, победим».

Несмотря на все мои старания попасть в Сомервиль, я не получила стипендию, которую хотела. Это было не удивительно, поскольку мне было всего лишь семнадцать, но это был удар. Не поступив в 1943 г., я имела возможность пройти лишь двухлетний «курс военного времени», прежде чем быть призванной на государственную службу в возрасте двадцати лет. В конце августа 1943 г. я вернулась в школу в качестве старшей ученицы { Старший ученик выполняет особые обязанности и следит за дисциплиной младших товарищей по учебному заведению. }. Затем в октябре пришла телеграмма, предлагавшая мне место в колледже Сомервиль: кто-то бросил учебу. Так я вдруг оказалась перед волнующей и пугающей перспективой в первый раз покинуть родной дом и уехать в совершенно другой мир.

Глава 2 Носящая мантию

Перевод Резницкая Т.В.

Оксфорд, 1943 – 1947

Оксфорд не радуется глаз. Новички прибывают сюда на осенний триместр в мрачном и туманном октябре. Внушительные здания впечатляют скорее своими размерами, нежели изысканной архитектурой. Все холодно и удивительно неприятно.

Именно в Сомервилль в мучительно холодные дни посреди зимы я сдавала вступительные экзамены в Оксфорд. До приезда я фактически не видела мой будущий колледж, в тревоге и волнении ожидая начала первого семестра. Сомервилль всегда захватывает людей врасплох. Многие невнимательные прохожие вряд ли догадаются, что он здесь, ибо лучшее, что можно сказать о его строениях при взгляде со стороны, это то, что он непретенциозен. Но внутри вы попадаете в роскошный зеленый мир, на который смотрят окна многих комнат. Первые два года я прожила в колледже. Постепенно, развесив фотографии, установив вазу и старое кресло, привезенные из Грэнтема, я почувствовала себя в некотором смысле дома. Третий и четвертый годы обучения я делила жилье с двумя подругами на Уолтон-стрит.

И Оксфорд, и Сомервилль были косвенно задеты войной. По какой-то причине Оксфорд не бомбили, но, как и везде, здания в городе и университете маскировались (после 1944 г. это стало называться затемнением). Оксфорда коснулись все ограничения военного времени. Витражные окна забили досками. Огромные цистерны с водой стояли в готовности на случай пожара. Пищу привозили непосредственно в колледж, где в столовой нам выдавали наши небольшие порции. Несколько продуктовых карточек оставалось на джем и другие продукты. Некоторым преимуществом этих мер стало то, что я перестала класть сахар в чай, хотя только много лет спустя я отказалась от своего пристрастия к сладкому кофе. Строго контролировалось потребление горячей воды. Например, в ванну можно было набрать не больше пяти дюймов воды, и, конечно, я строго выполняла это требование, хотя выросла в семье, где связь между чистотой и благочестием принималась вполне серьезно.

Я была первой в семье Робертсов студенткой Оксбриджа и понимала, что, при всей своей сдержанности, родители чрезвычайно этим гордились. Перед приездом в Оксфорд я очень смутно представляла его себе. Мне просто казалось, что он лучше всего, и что если я хочу чего-то в жизни добиться, то Оксфорд – это верный путь к реализации моих планов. Поэтому я даже не пыталась поступить в Ноттингемский, «наш местный» университет, хотя он и давал прекрасное образование, особенно в сфере естественных наук. Главное, чем привлекал меня Оксфорд, – это университетская система.

Оксфорд разделен на колледжи, но также имеет и центральные университетские учреждения, такие, как Бодлерианская библиотека. В те дни моя жизнь была связана с колледжем, там я ела, спала, посещала лекции, и такими организациями как церковь. Пребывание в колледже воспитало во мне убеждение, что в людях пробуждается все лучшее в условиях жизни и сотрудничества в небольшом коллективе.

Мы, поступившие в университет в годы войны, в большинстве были очень молоды. Нам было семнадцать или восемнадцать лет. Только с 1944 г. Оксфорд стал пополняться взрослыми людьми, демобилизованными с военной службы по состоянию здоровья; они возвращались, чтобы повысить степень образования, полученного во время войны, или начать обучение с самого начала. Они прошли через такое, чего мы и представить не могли. За

время учебы я приобрела много друзей, которые знали о мире гораздо больше, чем я. А еще я узнала довольно много благодаря тому, что Оксфорд в конце войны был такой мешаниной взглядов и жизненного опыта.

Вначале я держалась в стороне из-за стеснения и болезненной неловкости в новом окружении. Я много гуляла по лугу вблизи Крайст-Черч, по университетским паркам и вдоль Червелла или Темзы, наслаждаясь одиночеством и размышлениями о разном. Но вскоре мне стала нравиться оксфордская жизнь. Я стала членом Методистской студенческой группы, которая организовывала званые чаи. Моя мать слала мне пирожные по почте, а еще в субботу утром я проводила час или около того в очереди возле «кондитерской фабрики» в северной части Оксфорда, чтобы купить что-нибудь к воскресному чаю. Я вступила в Хор имени Баха под руководством сэра Томаса Армстронга (отца Роберта Армстронга). Репертуар нашего хора был шире, чем можно предположить по названию. Особенно мне запомнилось наше исполнение «Страстей по Матфею» в театре Шелдона, построенном К.Реном. Иногда я ходила просто послушать музыку.

После окончания войны число развлечений увеличилось. Возобновилась «Неделя восьмерок» { Праздничная неделя по случаю окончания учебного года в Оксфордском университете, отмечается соревнованиями по гребле, катанием на лодках по Темзе. }, и я ходила на реку смотреть на соревнования. Побывав на балу в День поминовения, я, как девушка из песни, танцевала всю ночь и даже иногда пробовала немножко вина (прежде я пробовала только шерри, и мне оно не нравилось, как не нравится и сейчас). Я впервые попробовала курить, но мне не понравилось, и я решила не продолжать, чтобы экономить деньги, а вместо этого покупать «Таймс». Я смотрела пьесы Чехова и Шекспира в Драматическом и Новом театре. И я видела удивительную постановку Драматического общества Оксфордского университета в саду колледжа с участием Кеннета Тинена, последнего оксфордского дэнди. Я не помню, что это была за пьеса, отчасти потому, что было трудно отличить Кена Тинена на сцене от Кена Тинена в жизни.

Моя жизнь в Оксфорде могла бы быть веселее, но у меня было мало денег, вообще, было бы трудно сводить концы с концами, если бы не скромные гранты, выдаваемые мне колледжем с подачи моей учительницы химии Дороти Ходжкин, которая была бесконечно добра ко мне, и помощь от некоторых образовательных фондов. Призвания к преподаванию у меня не было. В летние каникулы 1944 г. я преподавала естествознание в грэнтемской школе и на заработанные деньги купила то, что в Грэнтеме было роскошью, а в Оксфорде фактически необходимостью – велосипед. Как раз в это время был освобожден Париж. Директор созвал всю школу и объявил, что Париж снова свободен, и рассказал нам, как смелые участники Сопротивления помогли союзникам, восстав против немецких оккупантов.

Это был волнующий момент. Мы явно выигрывали войну. Я чувствовала некоторую вину за то, что не принимала большего участия в событиях, и я разделяла радость британского народа, что французское Сопротивление вернуло Франции честь и гордость. Возможно, в те дни мы преувеличивали размах Сопротивления, так, мы рассказывали друг другу истории о том, как посетители кафе выстукивали на своих стаканах букву «П» на азбуке Морзе, символизируя слово «Победа», когда в кафе входил немецкий солдат, но мы не сомневались, что каждый настоящий француз хотел быть свободным.

Я серьезно погрузилась в работу. Колледжу повезло иметь Дороти Ходжкин – блестящего ученого и одаренного преподавателя, работавшего в сравнительно новой области рентгеноструктурной кристаллографии. Миссис Ходжкин была членом Королевского общества и позднее внесла решающий вклад в открытие структуры пенициллина, первого антибиотика, за что она была награждена Нобелевской премией в 1964 году. На четвертый и последний год моего обучения (1946–1947) я вместе с немецким ученым-беженцем Герхардом Шмидтом под руководством Дороти Ходжкин работала над исследовательским проек-

том (простым белком грамицидином Б), необходимым для завершения второй части моего курса по химии. Благодаря клубу «Космос» и Научному клубу я имела возможность послушать многих известных ученых, включая Дж. Д. Бернала. Его политические воззрения были крайне левыми, как и у многих ученых того времени. Но они никогда не стремились привнести политику в свои профессиональные отношения со студентами.

Религия по-прежнему играла большую роль в моей жизни. Слышала немало историй о молодых людях, утративших веру после поступления в университет. Мне это не грозило. Методизм был моим якорем стабильности и, конечно, кругом друзей и знакомых, смотревших на мир так же, как я. По воскресеньям я посещала Мемориальную церковь Уэсли. После вечерней воскресной службы обычно мы собирались за чашкой кофе в доме священника, где велись оживленные дискуссии на религиозные и другие темы. Иногда я ходила в университетскую церковь Святой Девы Марии послушать интересную проповедь, а иногда в часовню в колледже, особенно когда я знала, что проповедь читает мисс Хелен Дарбишир, ректор колледжа и выдающийся исследователь творчества Мильтона и Вордсворта.

Англиканские церкви я не посещала, но именно религиозное сочинение выдающегося англиканца К.С. Льюиса оказало важное влияние на мое интеллектуально-религиозное становление. Сила его проповедей и эссе состояла в сочетании простого языка и теологической глубины. Кто остроумнее и убедительнее отобразил то, как Зло использует человеческую слабость, как не он в его «Письмах баламута»? Кто сделал более понятными сложные идеи естественного права, нежели он в труде «Просто христианство»? Я помню впечатление, которое оказало на меня «Христианское поведение» (ставшее позднее частью книги «Просто христианство», впервые прозвучавшее в радиомонологах). Оно раскрывало несоответствие между тем, как христиане действуют, и теми идеалами, что они проповедают. Вот как он это излагает: «Совершенное поведение недостижимо, как и совершенное переключение передач, когда вы ведете автомобиль; но этот идеал нужен, он предписан людям самой природой человеческой машины, как и совершенное переключение скоростей – это идеал, предписанный для водителей самой природой автомобиля».

Сходным образом он пояснил мне значение высочайшего принципа христианского милосердия, который для большинства из нас кажется невыполнимым. Льюис ни на миг не оспаривал и не преуменьшал величия принципа, но объяснил, что милосердием *не* является: «... что «возлюби своего ближнего как самого себя» означает? Я должен любить его так же, как я люблю себя. Но как именно я люблю себя? Сейчас, когда я об этом думаю, я не ощущаю особой нежности или привязанности к самому себе, я не всегда счастлив быть собой. Так что, очевидно, «возлюби своего ближнего» не означает «питай к нему нежные чувства» или «считай его привлекательным»... Поэтому очевидно, я могу питать отвращение к некоторым вещам, которые совершают мои враги. Христианство не требует от нас уменьшить ни на атом ненависть, что мы испытываем к жестокости и предательству... Даже когда мы убиваем и наказываем, мы должны стараться чувствовать к врагу то, что мы чувствуем по отношению к самим себе – желать, чтобы он не был плохим, надеяться, что он может в этом мире или ином исправиться: на самом деле желать ему добра». Эти слова были особенно злободневны в то время.

Главный вклад, который студент мог принести своей стране в мирное или военное время, это учиться упорно и эффективно. Но мы старались сделать и что-нибудь более конкретное. Что касается меня, раз или два в неделю я работала в военной столовой в Карфексе. Нашими основными посетителями были британские солдаты и американские летчики с окрестных баз. Работать было жарко, трудно, очень уставали ноги, но и весело, перебрасываясь шутками, нам было еще и весело.

Всех нас волновали и тревожили репортажи в день высадки союзных войск в Нормандии в июле 1944 г. Должно быть, впервые за все время я спрашивала себя, имею ли я право

в такое время находиться в Оксфорде. До конца войны в Европе оставался еще год. Впереди были битва в Арденнах. Вместе с тем начиналась подготовка к мирной жизни, и все больше мое внимание стала занимать политика. Почти сразу по приезде в Оксфорд я вступила в Ассоциацию консервативной партии Оксфордского университета (АКПОУ), основанную в 1920-е годы при участии преподавателя Крайст-Черч Кита Фейлинга, историографа тори.

Хотя национальное соглашение приостановить партийные политические прения во время войны не имело прямого воздействия на политическую деятельность университетов, на практике политическая жизнь в Оксфорде была значительно тише, чем в 1930-е годы. Но при всем этом деятельность АКПОУ скоро стала центром моей жизни. В те дни дискуссионное общество Оксфордского университета, куда приходили лучшие ораторы для обсуждения самых важных тем, не принимало женщин в свои члены, я иногда ходила послушать дебаты. Там бы я никогда не преуспела в качестве оратора, потому что мне не было свойственно изощренное, но эфемерное остроумие, которое культивировалось в дискуссионном обществе. Я предпочитала более серьезный, адвокатский стиль наших дискуссий в АКПОУ.

Оксфордская политическая жизнь была колыбелью талантов. Участвуя в ней, я обрела друзей, которые, как в романах Энтони Пауэлла, постоянно возвращались в мою жизнь. Самым близким другом стал Эдвард Бойл, который легко входил в светские круги, чужие для меня, но он разделял мой серьезный интерес к политике. В то время Эдвард, богатый и образованный сын парламентария от либеральной партии, и сам был классическим либералом. Его взгляды совпадали во многом с моим собственным провинциальным консерватизмом представителя среднего класса. Позднее мы разошлись в политических взглядах, но остались близкими друзьями вплоть до его трагической ранней смерти от рака.

Уильям Риз-Могг, с которым я познакомилась в последний год обучения, был выдающимся редактором «Таймс». Я никогда не была столь же близка с Уильямом, как была с Эдвардом, но чувствовалось, что он далеко пойдет. Робин Дэй был выдающимся либералом. Как и Эдвард, он блистал в дискуссионном обществе Оксфордского университета, позднее мы пересекались как адвокаты в одних и тех же кабинетах. Было интересно, какую профессию может избрать столь блестящий остряк из дискуссионного общества, пока Робин Дэй не изобрел ее, став пионером телевизионного интервьюирования. После этого нам пришлось часто сталкиваться.

Еще одной звездой был Тони Бенн, который в то время еще выговаривал полный набор своих имен: почтенный Энтони Веджвуд Бенн. От начала до конца мы с ним редко соглашались хотя бы в чем-нибудь, но он всегда был учтивым и ярким участником прений, английским патриотом и даже, поскольку все больше и больше отходил от социализма, личностью, близкой традиционализму. Но мы нашли понимание на почве религии. Когда Тони стал президентом дискуссионного общества, я была приглашена на празднование этого события, которое, согласно неконформистским принципам Тони, было безалкогольным; среди приглашенных был и отец Тони виконт Стэнсгейт.

Кеннет Харрис также был ведущим участником прений, который наряду с Эдвардом Бойлом и Тони Бенном провел несколько месяцев в турне по Соединенным Штатам, демонстрируя искусство дебатов. Впоследствии он сделал выдающуюся карьеру в публицистике. После Оксфорда мы много раз встречались, особенно часто, когда он писал мою биографию.

Как член правления АКПОУ я, естественно, была вовлечена в кампанию по проведению парламентских выборов 1945 г. В Оксфорде, до конца семестра, я была занята в предвыборной кампании Квинтина Хогга, а потом, вернувшись в Грэнтем, работала в команде майора авиации Ворта, соперничавшего с независимым кандидатом Дэнисом Кэнделлом. Задним числом мне кажется, что мы все должны были бы знать, чего следует ожидать. По какому-то загадочному, но безжалостному закону, войны всегда способствуют росту государственного контроля и тех, кто их представляет. Мой муж Дэнис считал, что на военной

службе люди из разных слоев смешиваются, и в результате обостряется чувство социальной ответственности и убеждения в том, что государство должно способствовать улучшению социальных условий.

Но в любом случае Консервативная партия добивалась плохих результатов в выборах военного времени, общая тенденция выражалась в потере сторонников. Тогда никто не обращал особого внимания на опросы общественного мнения, но они свидетельствовали о том же. Как я уже заметила, левые после Дюнкерка усиленно представляли только консерваторов ответственными за политику умиротворения, ухитряясь отделять Черчилля от партии, которой он руководил. А народ забыл, что лейбористы возражали даже против ограниченных мер перевооружения, осуществленных Болдуином и Чемберленом.

Но были и другие влияния. Административно-командная экономика, необходимая в условиях военного времени, по существу, приучила многих к социалистическому мышлению. В вооруженных силах было общеизвестно, что интеллектуалы, придерживающиеся левых взглядов, оказывали мощное влияние на Корпус армейского образования, который, как заметил Найджел Берч, был «единственным полком с общими выборами среди отличников военной службы». Дома я слушала таких радиоведущих, как Дж. Б. Пристли, который явно пропагандировал «левое» толкование социального прогресса. Очевидно было, что консерваторы во главе с Черчиллем были настолько озабочены насущными нуждами войны, что внутренней политикой и особенно составлением мирной программы занимались в основном социалисты из коалиционного правительства. Сам Черчилль предпочел бы сохранить Национальное правительство по меньшей мере до того времени, пока не будет побеждена Япония, а в свете растущей угрозы со стороны Советского Союза, возможно, и дольше. Но Лейбористская партия хотела завладеть наследством коалиционного правительства.

В 1945 г. Консервативная партия столкнулась с двумя серьезными проблемами. Прежде всего, Лейбористская партия заставила нас сражаться на своей территории, где всегда могла нас обойти. Черчилль говорил о послевоенной «реконструкции» около двух лет, и частью этой программы стал закон Батлера об образовании. Более того, наш предвыборный манифест обязывал нас обеспечить так называемую политику «полной занятости» в соответствии с «Белой книгой» { Официальный правительственный документ; представляется Палате общин для ознакомления; является формой делегированного законодательства. } по трудоустройству 1944 г., осуществить масштабную программу жилищного строительства и реализовать большую часть предложений по пособиям государственного социального страхования, сделанных великим социальным реформатором-либералом лордом Бевериджем, и единую Государственную службу здравоохранения. Кроме того, мы практически не могли приписать себе честь (насколько это вообще подобало Консервативной партии) достижения победы, не говоря уж о невозможности критиковать лейбористов за их безответственность и экстремизм, поскольку Эттли и его коллеги работали вместе с консерваторами в правительстве с 1940 г. В любом случае военные заслуги принадлежали всему народу.

Я отчетливо помню, как сидела в студенческой комнате отдыха в Сомервилль, слушая по радио знаменитую (или печально известную) предвыборную речь Черчилля, где прозвучало, что социализм ради своего укрепления создаст «некоторого рода гестапо», и думала: «Он слишком далеко зашел». Очевидная логика речи, связывающая социализм и насилие, в тех обстоятельствах не могла найти поддержки. Я знала из политических прений на схожие темы во время предвыборного митинга в Оксфорде, что ответом будет: «Кто правил страной в отсутствие мистера Черчилля? Мистер Эттли». Такой была реакция и сейчас.

В Грэнтеме я выступала в числе «разогревающих» ораторов, представлявших кандидата от консерваторов во время городских митингов. В те дни гораздо больше людей приходило на митинги, чем сегодня, и они ожидали, что не зря потратят время. Зачастую я выступала на нескольких митингах за один вечер.

Сейчас, читая спустя время в репортажах местных газет выдержки своих речей, мне трудно найти что-то, с чем бы я не согласилась и сегодня. Германия должна быть разоружена и привлечена к судебной ответственности. Необходимо сотрудничество с Америкой и (нечто менее реалистичное) с Советским Союзом. Британская империя, являющаяся самой верной формой объединения огромных масс людей, которое когда-либо знал мир, не должна распасться. Должно быть, это тоже не очень реалистично, но мой взгляд на имперское будущее Британии многими разделялся после победы. Главным аргументом, который я выдвигала, убеждая голосовать за консерваторов, было то, что таким образом Уинстон Черчилль останется ответственным за нашу внешнюю политику. И возможно, если бы Черчилль был способен предвидеть ход Потсдамской конференции в июле 1945 г., послевоенный мир выглядел бы несколько иначе.

Как многие другие члены АКПОУ, я брала уроки красноречия в Центральном офисе Консервативной партии у миссис Стеллы Гейт-хаус. Особое внимание она уделяла простоте и ясности выражений и минимальному использованию жаргона. В действительности на предвыборных митингах, где ты никогда не знаешь, как долго тебе придется говорить, ожидая приезда кандидата, некоторая многословность может оказаться весьма полезной. Самым ценным лично для меня, однако, было обретение опыта думать, пока я отвечала на вопросы добродушной, но требовательной аудитории. Я помню вопрос, затронутый пожилым человеком на одном из таких митингов, который серьезно отразился на моих взглядах на благосостояние: «Просто потому, что я сумел скопить немножко денег, государство мне не будет помогать. Если бы я все потратил, они бы помогли». Это было раннее предупреждение о непростых вопросах, которые новое социальное государство скоро поставило перед политиками.

Через три недели после дня выборов, когда уже пришли результаты голосования из-за границы и из армии, я пошла на избирательный участок в Слифорде. Пока мы ждали грэнтемских результатов, просочились новости о том, что происходило везде. Это было плохо, а стало еще хуже: была очевидна полная победа Лейбористской партии, тори выбывали из кабинета министров один за другим. Затем и наш собственный кандидат проиграл. Я просто не могла понять, как электорат мог поступить так с Черчиллем. На обратном пути домой я встретила друга, которого всегда считала преданным консерватором, и сказала, что была шокирована такой ужасной новостью. Он сказал, что, по его мнению, новость скорее хорошая. В то время я чувствовала, что то, как британский электорат обращается с человеком, которому больше, чем кому-либо, обязан свободой, было постыдным.

Но разве не Эдмунд Берк сказал: «Совершенная демократия – это самая бесстыдная вещь в мире»? При взгляде назад выбор лейбористского правительства в 1945–1950 гг. кажется логичным завершением коллективистских настроений, овладевших военной Британией. Коллективизм просуществовал около тридцати пяти лет, формируя и искажая суть британского общества, пока, наконец, он не рухнул в «зиму недовольства» { Зима 1978–1979 гг., когда недовольство многих рабочих правлением Лейбористской партии заставило правительство провести всеобщие выборы; на них победила Консервативная партия во главе с М. Тэтчер. } 1979 г.

Стало очевидно, что необходима фундаментальная переоценка принципов и стратегий Консервативной партии. Столь же остро, как и везде, мы чувствовали это в Оксфорде. Это стало подоплекой доклада для подкомитета по стратегии АКПОУ, в создании которого я принимала участие вместе с Майклом Кинчин-Смитом и Стэнли Моссом в течение осеннего триместра 1945 г. Две темы, сформулированные в нем, потом звучали неоднократно: необходимо больше политических исследований и лучшее представление кандидатов.

Возможно, главной проблемой в отношении того, что мы сегодня называли бы имиджем Консервативной партии, было то, что мы, казалось, потеряли наш путь, наши политиче-

ские установки были ориентированы скорее на богатых, нежели простых людей. В нашем докладе прозвучало: «Политика Консервативной партии сегодня в глазах публики стала равняться едва ли не серии административных решений частных вопросов, связанных в некоторых областях с предубеждениями и эгоистичными интересами богатых людей». Это обвинение было, конечно, несправедливо. Если бы консерваторы победили в 1945 году, у нас все равно было бы социальное государство – без сомнения, с меньшими текущими общественно-государственными расходами и с большим простором для частных и добровольческих инициатив. Слишком сильны были эти настроения.

В марте 1946 г. я стала казначеем АКПОУ и в том же месяце в качестве одного из оксфордских представителей поехала на конференцию Федерации университетских консервативных и юнионистских ассоциаций (ФУКЮА), проводимую в Лондоне в отеле «Уолдорф». Эта была моя первая конференция подобного рода, и я получила огромное удовольствие. Я выступала с речью в поддержку большего вовлечения людей из рабочего класса в деятельность университетских консервативных ассоциаций. Мне казалось, что нужно уйти от восприятия консерватизма как косного и поверхностного. Не то чтобы я хотела бесклассового общества, о чем не слишком неискренне говорили лейбористы, скорее, я не видела значения категории классов. Каждый мог предложить в жизни что-нибудь уникальное, героями становятся люди разного происхождения. Я так изложила это на конференции ФУКЮА: «Мы все слышали о том, что наш век – век рядового человека, но не забывайте, что нам не хватает необычных людей». Полагаю, я могла бы добавить – необычных женщин.

В октябре 1946 г. я была избрана президентом АКПОУ – третья женщина, занявшая эту должность. Тем летом я сдала выпускные экзамены и начала работать над исследовательским проектом по химии, составляющим четвертый и последний год моего обучения, так что у меня было чуть больше времени на занятия политикой. Теперь я смогла принять участие в своей первой партийной конференции, проходившей в том году в Блэкпуле. Я была в восторге. В Грэнтеме и Оксфорде консерваторы были редки. Теперь же я вдруг была среди сотен людей, веривших в то же, что и я, и разделявших мой ненасытный интерес к разговорам о политике.

На конференции царила исключительная атмосфера. С моей скромной позиции «представителя» мне казалось, что партийное руководство (за явным исключением партийного лидера) прибыло в Блэкпул с готовностью примирить Консервативную партию с неизбежностью социализма в Британии. Внимательный наблюдатель конференции 1946 г. Бертран де Жувенель написал о лидерах партии: «Эти замечательные, умные, хорошо воспитанные люди, с ранних лет приученные к благоразумному управлению и вежливым дискуссиям, в глубине своего сердца были готовы принять свое поражение на выборах 1945 года как окончательное» { «Проблемы социалистической Англии» (1947). }.

Совсем не это рядовые члены партии хотели услышать. В зале ощущалось неприятие происходящего. Председатель отклонил в первый день запрос на необходимость общих дебатов по политическим вопросам. Доклады выступающих принимались с прохладой, хотя речи ораторов стали значительно жестче позднее, когда министры «теневое кабинета» почувствовали наше недовольство. Инстинктивно я была заодно с рядовыми членами партии, хотя еще не до конца прочувствовала и продумала аргументы против коллективизма, что мне предстояло сделать в ближайшие несколько лет.

Вернувшись в Оксфорд, я организовала целую программу выступлений. Лорд Дангласс (Алек Дуглас-Хьюм) требовал поддержки внешней политики Эрнеста Бевина, которую мы с готовностью дали. Боб Бутби, прекрасный оратор, произнес пафосную речь против «революционного тоталитарного абсолютизма Москвы». Дэвид Максвелл-Файф, чья дочь Памела тогда училась в Оксфорде, критиковал национализм и взывал к демократии собственников. Питер Торникрофт выдвинул очень смелую идею о группе реформаторов-тори

во время прений с Университетским клубом лейбористов, проведенных в дискуссионном обществе Оксфордского университета. Леди (Мими) Дэвидсон рассказала нам, каково это – быть единственной женщиной-консерватором в Палате общин. Энтони Иден очаровал и поразил нас всех за рюмкой шерри.

Каждый семестр у нас в дискуссионном обществе проводились оживленные дебаты с разными политическими клубами, особенно с клубом лейбористов, который в то время был чрезвычайно левым и включал таких знаменитостей, как Энтони Кросланд, который в своей надменности даже в те дни свысока посмотрел бы на герцогиню, и Тони Бенн. Обычно АКПОУ собиралась в Институте Тейлора в пятницу вечером, перед тем угостив оратора ужином в отеле «Рэндольф». Именно так впервые я оказалась в компании выдающихся представителей партии тори.

Самой сильной критикой социалистического планирования и социалистического государства, которую я прочла в то время и к которой с тех пор регулярно возвращалась, была «Дорога к рабству» Ф. А. Хайека, со знаменитым посвящением «Социалистам всех партий». Не могу похвастаться, что тогда полностью поняла все нюансы маленького шедевра Хайека. Лишь в середине 1970-х, когда работы Хайека оказались первыми в списке книг, обязательных для прочтения, что дал мне Кит Джозеф, лишь тогда я действительно пришла к пониманию его идей. Лишь тогда я посмотрела на его аргументы с точки зрения того образа государства, который близок консерваторам: ограниченное в полномочиях правительство под властью закона, а не государство, которого мы должны избегать, государство социалистическое, где безраздельно правят бюрократы.

В юности же мощным впечатлением от «Дороги к рабству» стала неоспоримость (для меня) ее критики социализма. Хайек полагал, что нацизм (национал-социализм) проистекал из немецкого социального планирования девятнадцатого века. Он показал, что вмешательство государства в одну сферу экономики или общества вызывало почти неизбежное распространение планирования в другие сектора. Он предупреждал нас о глубоких, поистине революционных для западной цивилизации последствиях государственного планирования, ибо оно росло на протяжении столетий. Хайек не смягчал своих слов о монополистских тенденциях планового общества, которые профессиональные ассоциации и профсоюзы неминуемо будут пытаться использовать. Каждое требование гарантий, будь то работа, зарплата или общественное положение, подразумевает исключение этих гарантий для тех, кто находится за пределами конкретной привилегированной группы, и создает потребность в компенсирующих привилегиях для остальных групп. В конечном итоге в такой ситуации проигрывают все.

Возможно, поскольку Хайек не происходил из круга британских консерваторов и сам себя консерватором никогда не считал, у него не было комплексов, свойственных агонизирующему общественному сознанию английского высшего сословия, когда нужно было прямо говорить о таких вещах.

Я была в Блэкпуле, навещая сестру (которая уехала туда из Бирмингемского ортопедического госпиталя), когда в роковой день 6 августа 1945 г. услышала по радио новости о том, что атомная бомба была сброшена на Хиросиму. Моя академическая подготовка и пылкий интерес к вопросам практического применения науки, возможно, означали, что я была лучше многих осведомлена о разработках, лежащих в основе производства атомной бомбы. В течение следующего года я прочла (и в значительной степени поняла) чрезвычайно полный отчет «Атомная энергия для военных целей», опубликованный в Соединенных Штатах. И все же – как ни избито это прозвучит – я немедленно поняла, услышав первые репортажи из Хиросимы, что с падением атомной бомбы «мир как-то изменился». Или как Черчилль описал это в своих грандиозных мемуарах «Вторая мировая война»: «Это ускорило конец Второй мировой войны и, возможно, много чего еще».

На полную оценку научных, стратегических и политических последствий использования ядерного оружия потребовались годы. Все же ни в тот первый вечер, размышляя на эту тему по пути домой в поезде из Блэкпула, ни позднее, когда я прочла отчеты и увидела фотографии разрушений, не было у меня сомнений в правильности решения использовать бомбу. Я считала это оправданным, главным образом потому, что это избавляло от потерь, неизбежных в случае, если бы войска союзников должны были бы брать приступом главные острова Японии. В Японии все еще было 2,5 миллиона вооруженных людей. Мы уже видели фанатическое сопротивление, оказанное ими в битве при Окинаве. Только уровень технологического превосходства союзников, продемонстрированный сначала в Хиросиме, а затем в Нагасаки, мог убедить японских лидеров в безнадежности сопротивления. А так, через неделю после Хиросимы, и после второй бомбы, сброшенной на Нагасаки, японцы сдались.

Британия, конечно, была непосредственно вовлечена в разработку бомбы, хотя, из-за распада англо-американского ядерного сотрудничества после войны, лишь в 1952 году мы сами смогли взорвать атомную бомбу. Черчилль и Трумэн, как мы сегодня знаем, были обмануты Сталиным в Потсдаме, когда американский президент осторожно сообщил неприятную «новость» советскому лидеру, который уже все знал и срочно вернулся в Москву подстегнуть своих ученых и ускорить реализацию атомной программы. Но факт остается фактом, как я напоминала Советскому Союзу, когда была премьер-министром, что самым убедительным доказательством доброй воли, внутренне присущей Соединенным Штатам, было то, что в те критические годы, когда только Америка обладала военной мощью, дававшей ей возможность навязать свою волю всему миру, она от этого воздержалась.

Огромным изменением, коснувшимся в то время Британии и оказавшим большое влияние на мою политическую жизнь, стало превращение Советского Союза из брата по оружию в смертельного врага. Важно подчеркнуть, как мало знало большинство людей на Западе в то время об условиях жизни в СССР. Я никогда не симпатизировала коммунизму, но мое неприятие его тогда было скорее интуитивным, нежели интеллектуальным. Гораздо позднее, когда я много думала и читала о коммунистической системе, я увидела, в чем именно состоят его слабость и порочность. И интересно отметить, что, когда Хайек писал новое предисловие к «Дороге к рабству» в 1976 г., он тоже чувствовал, что «недостаточно подчеркнул значимость опыта коммунизма в России».

Когда я покинула Оксфорд с дипломом второй степени по химии, я гораздо больше знала о мире, а особенно о мире политики. Мой характер не изменился, не изменились и мои воззрения. Но у меня появилось ясное представление о том, какую позицию я занимаю по отношению к людям, их амбициям и мнениям. Я повзрослела. И я осознала, чего на самом деле хочу от жизни.

Незадолго до того, как закончились мои университетские дни, я съездила в Корби Глен, городок в десяти милях от Грэнтема, на танцы. Потом мы с друзьями пили кофе с сэндвичами на кухне в том доме, где я остановилась. Как обычно, я говорила о политике. Что-то из сказанного мной заставило одного из мужчин заметить: «На самом деле ты хочешь быть членом парламента, не так ли?» Машинально, я сказала: «Да, это действительно то, чего я хочу». Я никогда раньше этого не говорила, даже самой себе. Той ночью много мыслей крутилось в моей голове.

Глава 3

Домашняя территория

Перевод Резницкая Т.В.

Замужество, семья, закон и политика, 1947 – 1959

Если приезд в Оксфорд был определенного рода шоком, возвращение домой было еще одним. В Оксфорде я подружилась со многими, разделявшими мои воззрения, наслаждалась своим постижением химии, была страстно увлечена университетской политикой. Было больно оставить все это.

Незадолго до того созданная комиссия по распределению выпускников Оксфордского университета организовала для меня несколько интервью, включая собеседование на Северном заводе Имперского химического треста. Нас, подающих надежды, интервьюировали несколько менеджеров, чьи письменные комментарии передавались главному менеджеру, который проводил финальное собеседование. Заметки обо мне лежали на столе во время интервью, и я не могла удержаться и не использовать свою способность читать вверх ногами. Эти ремарки были одновременно ободряющими и приводящими в уныние. Один менеджер написал: «Эта молодая женщина обладает слишком яркой индивидуальностью, чтобы здесь работать». На самом деле у меня было три или четыре интервью в других компаниях, в конце концов меня приняли в «Б. Экс. Пластикс» в Мэннингтри недалеко от Колчестера на работу в научно-исследовательском отделе. «Б. Экс.» производили изделия из пластика для промышленных и потребительских нужд.

Когда на собеседовании мы обсуждали мои обязанности, я поняла, что, по сути, буду персональным ассистентом директора научно-исследовательского отдела. Я с нетерпением ожидала начала работы, полагая, что это позволит мне узнать, как работает компания в целом, и смогу использовать свои таланты, прежде всего мои познания в химии. Но когда я приступила к работе, было решено, что в этой должности нет необходимости, и я снова надела свой белый халат и погрузилась в чудесный мир пластика. К Рождеству 1947 года я сдружилась с несколькими коллегами. Наш отдел переехал в отдельный и довольно симпатичный дом вблизи Лофорда. Как и многие работники компании, я жила в Колчестере, городке, который мне все больше и больше нравился и где я нашла удобное жилье. Автобус каждый день привозил нас в Лофорд.

И, как всегда в моей жизни, там была политика. Я вступила в ассоциацию консерваторов и окунулась в партийную деятельность. Особенно интересовала меня дискуссионная группа «39–45», где встречались консерваторы военного поколения, чтобы обмениваться мнениями и спорить на политические темы. Я не прерывала связи с друзьями, например, с Эдвардом Бойлом, который на выборах 1950 г. прошел в парламент от Бирмингема. Как представитель Ассоциации Консервативной партии выпускников Оксфордского университета (АКПВОУ) в октябре 1948 г. я поехала на конференцию Консервативной партии в Лландидно.

Вначале планировалось, что я буду выступать на конференции в поддержку движения АКПВОУ, осуждающего ликвидацию университетских избирательных округов. В то время университеты имели отдельное представительство в парламенте, и выпускники могли голосовать в своих университетах, а также в избирательных округах по месту жительства. Я поддерживала отдельное представительство университетов, но не принцип, согласно которому выпускники могут иметь больше одного голоса. Это была бы моя первая речь на конферен-

ции, но в итоге выступающим стал финансист из Сити, потому что Сити как избирательный округ тоже планировалось аннулировать.

Я смогла быстро побороть свое разочарование, благодаря весьма неожиданному событию. После одного из дебатов я оказалась вовлеченной в один из тех умозрительных разговоров, в которых молодые люди обсуждают свое будущее. Мой друг по Оксфорду Джон Грант сказал, что полагает, что однажды я бы хотела стать членом парламента. «Ну да, – ответила я. – Но у меня мало надежд на это. В данный момент мои шансы равны нулю». Я могла бы добавить, что, не имея личного состояния, я не смогла бы позволить себе быть членом парламента на существующую в тот момент зарплату. Я даже не пыталась попасть в партийный список одобренных кандидатов.

Позднее в тот день Джон Грант оказался сидящим рядом с председателем Дартфордской ассоциации консерваторов Джоном Миллером. Ассоциация искала кандидата. Позже я узнала, что разговор шел примерно таким образом:

– Я так понимаю, вы все еще ищете кандидата для Дартфорда?

В Центральном офисе партии росло раздражение на дартфордскую неспособность найти кого-нибудь, могущего сражаться за место в парламенте в выборах, которые должны были состояться в 1950 г., а может быть, и раньше.

– Точно. Есть предложения?

– Ну, есть молодая женщина, Маргарет Робертс, на которую вы могли бы взглянуть. Она очень хороша.

– О, но Дартфорд на самом деле промышленная твердыня. Не думаю, что женщина вообще подойдет.

– Но почему бы вам с ней просто не познакомиться?

Я была приглашена на обед с Джоном Миллером и его женой Фи и председателем Дартфордской женской организации миссис Флетчер в субботу на Лландидском пирсе. По-видимому, и вопреки их предубеждению против женщины-кандидата в члены парламента от Дартфорда им понравилось то, что они увидели. Я действительно с ними поладила. Миллеры позднее стали моими близкими друзьями, и я прониклась уважением к горделивой миссис Флетчер. После обеда мы вернулись в конференц-зал как раз вовремя, чтобы услышать речь партийного лидера Уинстона Черчилля. Это было его первое за неделю появление на конференции, поскольку в те дни лидер партии не участвовал в самой конференции, а появлялся лишь на последнем собрании, в субботу. Естественно, вопросы внешней политики преобладали в его речи – это было время берлинской блокады и западного «воздушного моста», – и его послание было мрачным, говорившим, что только американское ядерное оружие отделяет Европу от коммунистической тирании, и предупреждавшим о «возможности беспощадно приближающейся третьей мировой войны».

Я не получала новостей из Дартфорда вплоть до декабря, когда я была приглашена на интервью в Пэлэс Чемберс на Бридж-стрит, тогда там размещался Центральный офис Консервативной партии, поблизости от здания парламента. В зале, полном других претендентов, в четверг 30 декабря я впервые в жизни предстала перед отборочной комиссией. Немногие из тех, кто живет вне политической арены, знают, как напряженны такие ситуации. Интервьюируемый, если он не напряжен и не нервничает, скорее всего, плохо себя покажет, ибо, как скажет вам любой химик, нужен выплеск адреналина, чтобы показать, на что ты способен. Мне повезло, что в Дартфорде за столом я была окружена дружелюбными лицами.

Я вошла в шорт-лист, и меня попросили приехать на интервью теперь в Дартфорд. В понедельник 31 января 1949 г. я была приглашена в дартфордский отель «Булл» выступить с речью перед исполнительным комитетом ассоциации численностью примерно в пятьдесят человек. Как один из пяти потенциальных кандидатов я должна была выступить с пятнадцатиминутной речью и отвечать на вопросы в течение десяти минут.

Именно вопросы могли стать для меня проблемой. К женщинам-кандидатам относились подозрительно, особенно в таких промышленных избирательных округах, как Дартфорд. Это был мужской мир, в который не только ангелы боялись вступать. Было, конечно, мало надежды, что консерваторы победят, хотя это не то замечание, которое предполагаемому кандидату стоит делать даже в таком бесспорно лейбористском округе, как Эббв Вэйл. Лейбористское большинство было почти неприступным – 20 000 голосов. Но возможно, это сыграло мне на руку. Почему не рискнуть и не принять молодую Маргарет Робертс? Мы ничего не теряем, а можно сделать неплохую рекламу.

Самый надежный знак того, что политическое выступление прошло удачно, заключается в полученном от него удовольствии. Я наслаждалась тем вечером в Дартфорде, и результат оправдал мою уверенность. Я была отобрана. После я и члены правления ассоциации задержались на вечеринку с напитками и закусками. Кандидат не единственный, кого переполняет облегчение в таких случаях. Члены отборочной комиссии перестают быть критиками и превращаются в друзей. На счастливого, хоть и слегка смущенного кандидата обрушиваются с советами, информацией и предложениями помощи. Именно такие ситуации служат частичным ответом на вопрос, задаваемый всем профессиональным политикам: «Какого черта вы это делаете?»

После этого я должна была получить одобрение партии. На следующий день я приехала в Центральный офис, чтобы познакомиться с председателем Женской организации мисс Марджори Макс, а несколько недель спустя была приглашена на ужин, где встретила с председателем партии лордом Вултоном, его заместителем Дж. П. Л. Томасом, мисс Макс и агентом по регионам мисс Берил Кук. В последующие годы Марджори Макс и Берил Кук оказали мне большую поддержку и дали много полезных советов.

Следующим этапом после отбора является выдвижение в кандидаты. Во время официального собрания по выдвижению кандидат получает первую возможность произвести впечатление на рядовых членов ассоциации, это психологически очень важный момент. Это еще и шанс завоевать популярность в округе, поскольку пресса тоже приглашается. Для меня особо значимым было присутствие моего отца. Впервые он и я стояли на одной трибуне, выступая с речью. Он вспомнил, как его семья всегда поддерживала либералов, но сейчас именно консерваторы отстаивают подлинно либеральные принципы. В моей собственной речи я тоже подняла тему в духе Гладстона, настаивая на том, что правительство должно поступать как хорошая домохозяйка, когда в доме не хватает денег: проверять счета и искать ошибку.

В конце февраля я была приглашена двумя светочами ассоциации, мистером и миссис Совард, на званый ужин, организованный в мою честь. Их дом располагался неподалеку от фабрики «Атлас Презерватив Компани», производившей красители и химикаты. Стэнли Совард был там директором. Его босс, генеральный директор, присутствовал на моем выдвижении и в тот вечер тоже был среди гостей: так я познакомилась с Дэнисом.

Я сразу поняла, что Дэнис – удивительный человек. Он разбирался в политике не меньше меня, и гораздо больше, чем я – в экономике. Его профессиональный интерес к красителям, а мой к пластику может показаться неромантическим основанием для дружбы, именно это помогло нам обнаружить обоюдный интерес к науке. В тот же вечер я узнала, что по взглядам он был серьезным консерватором.

После ужина он отвез меня в Лондон, где я смогла сесть в ночной поезд до Колчестера. Дорога в это время суток не заняла много времени, но его было достаточно, чтобы мы смогли обнаружить еще много общего. Дэнис был жадным до чтения, особенно любил историю, биографии и детективные романы. Казалось, он перечитал все статьи «Экономиста» и «Банкира». И еще стало ясно, что оба мы любим музыку: правда, Дэнис предпочитал оперу, а я – хоралы.

После этого мы иногда встречались на избирательных собраниях, а потом начали встречаться и без делового повода. У Дэниса были определенный стиль и энергия. Он любил скоростные автомобили и водил «Ягуар», а, будучи на десять лет старше, просто больше знал о мире, чем я. Сперва наши беседы вертелись вокруг политических дискуссий. Потом мы стали иногда ходить в театр и вместе ужинать. Как у любой пары, у нас были любимые рестораны: маленькие итальянские местечки в Сохо для обычных свиданий, удивительная «Белая башня» в Фитцровии, «Французский экю» на Джермин-стрит и «Плющ» для особых случаев. Мне очень льстило внимание Дэниса, но впервые я заметила серьезность его намерений, когда на Рождество после моей первой предвыборной кампании в Дартфорде я получила от него очаровательный подарок: хрустальную чашу с серебряной крышкой, которую я до сих пор храню как сокровище.

Мы, наверное, могли бы пожениться и раньше, но моя страсть к политике, а его к рэгби (из-за чего мы никогда не встречались по субботам) мешали нам. Конечно, он оказывал мне неизмеримую помощь в избирательном округе, быстро решая любые организационные сложности. Фактически даже то, что он сделал мне предложение и что мы обручились, помогло мне на выборах, потому что, не поставив меня в известность, Берил Кук распространила эту новость за день до выборов, чтобы в последний раз подстегнуть мою предвыборную кампанию.

Когда Дэнис попросил меня стать его женой, я долго и всерьез думала об этом. Я была так сосредоточена на политической карьере, что вообще не думала о замужестве. Наверное, я просто отодвинула эту идею на задний план своего сознания и полагала, что это случится как-то само собой когда-нибудь в будущем. Я понимала, что Дэнис тоже не сразу пришел к этому решению, поскольку его брак, заключенный во время войны, закончился разводом. Сейчас, сорок лет спустя, я знаю, что мое решение сказать «да» было одним из самых правильных в моей жизни.

В любом случае я давно подумывала покинуть «Б. Экс. Пластикс» и Колчестер. То, что меня отобрали для Дартфорда, заставило меня искать новую работу в Лондоне. Я обещала отборочной комиссии, что буду бороться в Дартфорде со всей моей энергией. Мой характер не позволял мне действовать иначе. Я начала искать работу в Лондоне, которая приносила бы примерно 500 фунтов годового дохода, не царская сумма даже по тем временам, но она позволила бы мне жить скромно, но с комфортом. Я сходила на несколько собеседований, но обнаружила, что никто не торопится брать на работу человека, который надеется ее оставить ради политической карьеры. Я не могла скрывать свои политические амбиции, а просто продолжала искать. Наконец, меня приняли в «Джей Лайонс» в Хаммерсмите на должность химика-исследователя пищевой продукции, и я могла переехать в мой избирательный округ.

Дартфорд стал моим домом во всех смыслах. Семья, у которой я снимала жилье, заботилась обо мне. Они были очень добры, а их доброжелательность усиливалась от того, что они были ярые тори. Миллеры тоже взяли меня под свое крыло. После вечерних собраний я обычно шла к ним домой, чтобы отдохнуть за чашкой кофе. Это был приятный дом, в котором каждый, казалось, был намерен наслаждаться жизнью, с тех пор как тяготы военного времени ушли в прошлое. Мы регулярно ходили на политические собрания, и дамы прилагали особые усилия, чтобы надеть что-нибудь нарядное. Отец Джона Миллера, вдовец, жил вместе с семьей сына и был мне замечательным другом: на любой вечеринке он слал мне розовую гвоздику, чтобы воткнуть в петлицу.

Я ездила в избирательные округа, расположенные по соседству: четыре ассоциации – Дартфорд, Бексли Хит (где кандидатом был Тед Хит), Чизлхерст (Пэт Хорнсби-Смит) и Грэйв-сенд (Джон Лоу), – тесно сотрудничали друг с другом, и сопresidentом был Моррис Уилер. Время от времени он собирал нас в своем большом доме «Фрэнке», в Хортон Керби.

Из четырех избирательных округов Дартфорд имел меньше всего шансов на победу и потому, с точки зрения других, был наименее важным. В политике имеет смысл связывать надежные избирательные округа с безнадежными. Если в последнем создать активную организацию, появляется шанс отвлечь партийных оппонентов от той политической платформы, которую тебе нужно удержать. Таким путем, по замыслу Центрального офиса, мы могли помочь Теду Хиту победить в Бексли.

Так я познакомилась с Тедом. Центральный офис попросил меня выступить в избирательном округе. Тед был авторитетной фигурой. Он воевал, закончил войну подполковником; его политический опыт уходил корнями в конец 1930-х, когда он поддерживал антимюнхенского кандидата на оксфордских дополнительных выборах. Когда мы познакомились, меня поразили его четкий и логичный подход, казалось, у него всегда был список с четырьмя целями и пятью способами атаковать. Дружелюбный по отношению к сотрудникам избирательного округа, он всегда оставался главным, «кандидатом» или «членом». Это делало его, при всем его дружелюбии, несколько отчужденным и одиноким.

Пэт Хорнсби-Смит из Чизлхерста была полной противоположностью. Она была яркая, жизнерадостная, рыжеволосая – звезда среди женщин-политиков того времени. Ее вдохновенная речь в 1946 году заставила конференцию тори аплодировать стоя; она всегда готова была протянуть руку помощи младшим коллегам. Мы с ней стали большими друзьями и вели долгие разговоры о политике на ее званых ужинах.

Задолго до выборов 1950 г. все мы были озабочены возрождением Консервативной партии. Это был отклик на социалистическую политику, осуществляемую правительством Эттли самих консерваторов и страны в целом. Несколько недель предвыборной кампании 1950 г. оказались для меня самыми изнурительными за всю жизнь. В отличие от нынешних кампаний почти каждый вечер проходил митинг с большим количеством слушателей, к которому я должна была подготовить речь в течение дня. Кроме того я писала письма избирателям и почти каждый день ходила по домам с предвыборной агитацией. Меня сильно поддерживала семья: отец приходил на митинги выступать с речами, а сестра помогать в других делах.

Перед выборами леди Уильямс (жена сэра Герберта Уильямса, ветерана тарифной реформы и члена парламента от Кройдона) сказала кандидатам, что мы должны постараться выработать собственную манеру одеваться и держать себя во время предвыборной кампании. Я вняла этому совету и проводила целые дни, одетая в сшитый на заказ черный костюм и шляпу, которую я купила в магазине «Борн и Холлингсфорт» на Оксфорд-стрит специально для этого случая. И на всякий случай я украсила ее черно-белой лентой, а бант с внутренней стороны, – голубой. Были ли эти меры предосторожности необходимы, другой вопрос. Много ли других двадцатичетырехлетних девушек могло оказаться на импровизированной трибуне торгового центра Эрита? Тогда мало кто из женщин-кандидатов проводил агитацию на заводах, но я проводила – и внутри заводов, и за их пределами. Принимали меня живо, хотя иногда шумно. Единственное, что мне не нравилось, необходимость заходить в пабы, и я никогда не зашла бы туда одна.

Мне повезло иметь оппонентом Нормана Доддса, истинного и чрезвычайно рыцарственного социалиста старой школы. Он знал, что он победит, и как истинный мужчина давал шанс юной амбициозной женщине с совершенно другими взглядами. Вскоре после моего выдвижения он пригласил меня на дебаты в зале местной классической школы, и, конечно, я согласилась. Он и я прочли вступительные речи, потом были вопросы, затем каждый из нас сказал заключительное слово. У каждого были сторонники в зале, шум стоял ужасный. Позднее дебаты повторялись и проходили хоть и энергично, но без явного перевеса одной из сторон. Споры шли о проблемах и фактах, а не о личностях. Однажды центральная газета сообщила, что Норман Доддс признает мою внешнюю привлекательность,

но не мой шанс быть избранной или наличие у меня мозгов. Джентльмен-социалист немедленно написал мне, опровергая это заявление, во всяком случае, последнюю его часть.

Мои публичные выступления активно посещались. Нередко двери зала закрывались за двадцать минут до начала митинга – столько народу набивалось внутри. В те времена одно из преимуществ женщины заключалось в том, что с нами обращались учтиво, и мы этим пользовались, что сегодняшними феминистками по большому счету утрачено. Например, однажды я прибыла на общественный митинг и обнаружила, что приглашенный оратор, бывший министр ВВС лорд Балфер-оф-Инчри столкнулся с небольшой революцией в лице перебивающих его критиканов, до такой степени наглых, что пришлось вызывать полицию. Я попросила организаторов отменить вызов, и точно – как только я вошла на трибуну и начала говорить, крики затихли и порядок был восстановлен.

Моя кандидатура приобрела национальную и даже международную известность: в возрасте двадцати четырех лет я была самой молодой женщиной-кандидатом в предвыборной кампании 1950 г. Меня попросили написать статью о роли женщин в политике. Моя фотография попала в журнал «Жизнь», в «Иллюстрированные новости Лондона», затесавшись в компанию с выдающимися политиками, и даже в западногерманскую прессу, где меня описывали как «*junge Dame mit Charme*» { Нем. – очаровательная юная дама. } (наверное, в последний раз).

Предложенные мной лозунги отличались прямоотой, хоть и не могли похвастаться изяществом: «Голосуй за правых, и что осталось, не уйдет налево». И еще более по существу: «Останови упадок – приведи страну в порядок!» Я почувствовала, что наш труд себя оправдал, когда услышала результаты подсчета голосов в местной школе. Я подрезала лейбористское большинство на 6000. На приеме «Дэйли Телеграф», принадлежавшей лорду Камроузу, в отеле «Савой», куда в те дни приглашались все: кандидаты, члены парламента, министры, деятели оппозиции и сановники, я испытала ту же горькую радость, узнав общенациональный результат: консерваторы свели преимущество лейбористов с 146 до 5 мест. Но это еще не было победой.

Важно упомянуть об одном эпизоде, случившемся в ходе этой кампании. Меня попросили открыть празднество партии консерваторов в Орпингтоне и вопреки моему желанию убедили погадать. Некоторые предсказатели предпочитают хрустальный шар, но эта выбрала бижутерию. Мне было велено снять жемчужные бусы, так чтобы их можно было потрогать и потерять. Полученное из другого мира послание звучало оптимистично: «Ты будешь великой – великой, как Черчилль». Многие политики склонны к суеверности, но это заявление поразило меня своей нелепостью. И все же удача заманчива, все, что обещает ее – желанно. С тех пор я считала свои бусы талисманом удачи.

Повторюсь, результаты выборов 1950 г. были неубедительными. Когда первая радость улетучивается, такие результаты оставляют ощущение подавленности. Не было сомнений, что лейбористы были смертельно поражены и что «*coup de grace*» (последний удар) очень скоро будет нанесен. В то же время сохранялась неуверенность, и, если я собиралась продвигать свою политическую карьеру, мне нужно было найти округ, в котором реально было бы победить. Но я чувствовала себя морально обязанной снова бороться за Дартфорд. Было бы неправильно вынудить консерваторов искать нового кандидата. Кроме того, было трудно представить, что я смогу вложить столько же усилий во вторую кампанию. Я была ужасно измотана, еще одна кампания в ближайшее время не казалась мне приятной перспективой.

Я решила переехать в Лондон, где нашла очень маленькую квартиру на Сейнт Джордж Сквер Мьюз в Пимлико. Мистер Совард (старший) приехал из Дартфорда, чтобы помочь мне сделать ремонт. Я теперь могла чаще видаться с Дэнисом и в более непринужденной обстановке. Кроме того, я научилась водить машину и обзавелась своим автомобилем. У моей сестры Мюриел был довоенный «Форд Префект», который отец купил ей за 129 фунтов, и

он перешел мне. Мой «Форд Префект» стал хорошо известен всему Дартфорду, где я была снова выдвинута в кандидаты, и прекрасно служил мне, пока я не продала его примерно за ту же сумму, после того как вышла замуж.

Парламентские выборы состоялись в октябре 1951 г. На этот раз я срезала еще 1000 голосов у Нормана Доддса и была счастлива узнать, что Консервативная партия теперь захватила большинство с преимуществом в семнадцать голосов.

Во время работы в Дартфорде я продолжала расширять круг знакомств среди крупных фигур Консервативной партии. Я произнесла благодарственную речь в адрес Энтони Идена, когда он выступал на длинном и полном энтузиазма митинге на Дартфордском футбольном поле в 1949 г. На следующий год я выступила в поддержку движения, приветствуя лидерство Черчилля и Идена, на съезде женщин-консерваторов в «Альберт-холле», где сам Черчилль произнес речь. Для меня это было большим событием – лично познакомиться и пообщаться с лидером, чьи слова так меня вдохновляли, когда вместе со своей семьей я сидела возле радиоприемника в Грэнтеме.

В 1950 г. меня назначили представителем АКПВОУ для участия в работе Исполнительного комитета Консервативной партии, что позволило мне впервые оказаться в партийной организации общенационального уровня.

Крупнейшими светскими мероприятиями в моем ежедневнике были приемы накануне парламентской сессии, которые сэра Альфред Боссом, член парламента от Мэйдстоуна, организовывал в своем великолепном доме № 5 на Карлтон Гарденс. Устанавливалось несколько шатров, залитых ярким светом и хорошо отапливаемых, в которых великие и не очень великие, такие как Маргарет Робертс, могли дружески общаться. Сэр Альфред называл себя наследником леди Лондондерри, знаменитой хозяйки приемов Консервативной партии в эпоху между войнами. Трудно было догадаться, что за его беззаботной наружностью скрывался гений, разработавший проекты строительства нескольких первых небоскребов Нью-Йорка. Он был особенно добр и щедр ко мне. В его доме прошла моя свадьба, и именно он провозгласил тост за наше счастье.

Я вышла замуж в холодный и туманный декабрьский день в часовне Уэсли на Сити-роуд. Церемония состоялась в Лондоне, что было удобно для всех. Его преподобию Спайви, священнику из часовни, помогал методистский священник из Грэнтема, наш старинный друг священник Скиннер. Затем все наши друзья поехали в дом сэра Альфреда Боссома. Наконец, Дэнис увез меня в наш медовый месяц на Мадейру, где я быстро восстановилась от безумной встряски: моего первого и последнего опыта приземления в гидросамолете на воду, – чтобы начать свою замужнюю жизнь на фоне чудесных видов этого острова.

Вернувшись с Мадейры, я переехала к Дэнису в Свон Корт, на Флуд-стрит в Челси. Это была светлая квартира на шестом этаже с прекрасным видом на Лондон. Впервые я узнала, как удобно жить на одном этаже. Квартира была просторная, большая комната служила гостиной и обеденным залом, еще были две довольно большие спальни и одна комната, которую Дэнис использовал как рабочий кабинет. Дэнис каждое утро уезжал в Эрит и возвращался домой довольно поздно. Мы быстро подружились с нашими соседями.

После всех трудностей предыдущего двадцатилетия всем хотелось увидеть в жизни немножко радости. Дэнис и я наслаждались жизнью, как и все, даже больше, чем некоторые. Мы ходили в театр, проводили каникулы в Риме и Париже (хотя и в очень скромных гостиницах), организовывали и посещали вечеринки, в общем, прекрасно проводили время.

Кульминацией впечатлений того времени стала коронация королевы Елизаветы в июне 1953 г. Те, у кого был телевизор, а у нас не было, организовывали вечеринки, чтобы все их друзья пришли посмотреть на великое событие. Дэнис и я, страстно преданные монархии, решили, что такое событие достойно экстравагантной выходки, и купили места на крытом помосте, возведенном на Парламентской площади напротив входа в Вестминстерское аббат-

ство. Билеты оказались даже более мудрым вложением, чем Дэнис думал, когда их покупал, поскольку весь тот день шел дождь, и большая часть публики промокла насквозь – не говоря уж о тех, кто сидел в открытых экипажах торжественной процессии. Королева никогда не смогла бы надеть свое платье снова, а мое хорошо сохранилось.

Наряду со всем этим у меня оставалось достаточно времени, чтобы, выполнив все домашние обязанности, отдаться давнему увлечению: изучению права. Как и моя любовь к политике, интерес к закону пробудился во мне благодаря моему отцу. Когда отец был мэром Грэнтема, он автоматически занимал пост судьи, и во время университетских каникул я ходила с ним на суд квартальных сессий (где разбирались многие мелкие уголовные правонарушения). Там присутствовал в качестве судьи королевский адвокат Норман Уиннинг. Потом мы с отцом с ним обедали. Я была захвачена происходящим в суде и покорена последующими рассказами Уиннинга о теории и практике права.

Тогда я выпалила: «Как бы я хотела быть адвокатом, но все, что я знаю, это химия, и я не могу поменять то, что изучаю сейчас в Оксфорде». На что Норман Уиннинг сказал, что сам изучал физику в Кембридже, а потом получил степень по праву в качестве второго образования. Я возразила, что не имею возможности провести в университете столько дополнительных лет. Он ответил, что есть другой способ, возможный, но требующий очень напряженного труда: нужно найти работу в Лондоне или поблизости, поступить в один из четырех судебных иннов и учиться вечерами, готовясь к экзаменам. Так я и поступила. Теперь, при поддержке Дэниса, я могла себе позволить сконцентрироваться на изучении юриспруденции, не поступая на новую работу, но приходилось еще посещать курсы в Совете юридического образования.

Я решила, что, ведя домашнее хозяйство и изучая адвокатское дело, нужно на время заморозить политические амбиции. В возрасте двадцати шести лет я могла себе это позволить, и сообщила Центральному офису Консервативной партии о моем намерении. Но как молодая женщина-кандидат я все еще привлекала общественный интерес. Например, в феврале 1952 г. в газете «Сандей график» вышла моя статья о положении женщин «На заре новой елизаветинской эпохи». Также я была в списке пользующихся спросом партийных ораторов, меня приглашали выступать в разные избирательные округа. Моя страсть к политике становилась только сильнее вопреки всем намерениям.

Я посоветовалась с Дэнисом, и он сказал, что поддерживает меня. В июне я пришла в Центральный офис на встречу с Верил Кук и сказала ей: «Это бессмысленно. Я должна это признать. Мне не нравится быть вне политической струи». Как я и надеялась, «тетушка Верил» меня поддержала и отправила к Джону Хэру, вице-председателю Консервативной партии по кандидатам. Самым любезным образом он рассказал мне о влиянии, которое пребывание в Палате общин оказывает на семейную жизнь, но я сказала, что мы с Дэнисом все обсудили и готовы к этим трудностям. Я сказала, что хотела бы выдвинуться в колеблющемся или надежном округе. Договорились, что, принимая во внимание мою ситуацию, округ должен быть либо в самом Лондоне, либо поблизости, в радиусе тридцати миль. Я попросила рассмотреть меня в кандидаты от Кэнтербери, и я вышла из Центрального офиса, довольная результатом, хоть и не получила Кэнтербери.

Вопрос о том, как я буду совмещать семейную жизнь с политикой, скоро стал еще более насущным. В августе 1953 г. появились на свет близнецы Марк и Кэрол. Поздно вечером в четверг, где-то за шесть недель до ожидаемого момента, у меня начались боли. В тот день я ходила к врачу, и он попросил меня прийти в понедельник, чтобы сделать рентген. До понедельника было очень далеко, и меня немедленно увезли в больницу. Мне дали успокоительное, и я проспала всю ночь. В пятницу утром мне сделали рентген и к великому удивлению всех обнаружили, что мне предстояло стать матерью близнецов. Ситуация потребовала кесарева сечения, которое мне сделали на следующий день. Две малютки, мальчик и девочка,

должны были немного подождать, прежде чем увидели своего отца, ибо Дэнис, полагая, что все идет по плану, уехал в «Овал» смотреть международный матч по крикету. В тот день он получил две хороших новости: Англия выиграла «Урну с прахом» { Кубок, присуждаемый на ежегодных матчах по крикету между командами Великобритании и Австралии. }, и он стал гордым отцом близнецов.

Я пробыла в больнице больше двух недель: а значит, после первых дней недомогания у меня появилась уйма времени. Первой и немедленной задачей стало позвонить во все соответствующие магазины и заказать вместо одного по два экземпляра детских вещей. Довольно странно, что сама глубина облегчения и счастья от рождения Марка и Кэрол меня тревожила. Влечение матери к своим детям, должно быть, самое сильное и самое инстинктивное чувство человека. Я никогда не была одной из тех, кто полагает, что быть «просто» матерью или «просто» домохозяйкой – занятие второго сорта. Каждый раз, когда я слышала такое скрытое предположение – и до и после того, как стала премьер-министром, – это меня возмущало. Несомненно, быть матерью и домохозяйкой – это своего рода призвание. Но я просто чувствовала, что это не единственное мое призвание. Я знала, что также хочу сделать карьеру. Фраза, которую Ирен Уорд, член парламента от Тайнмута, и я часто использовали, звучала так: «Хотя дом всегда должен быть центром жизни человека, это не должно ограничивать его амбиций». Действительно, мне нужна была карьера, просто потому, что я была таким человеком. И не просто любая карьера. Мне нужна была такая, которая стимулировала бы мою интеллектуальную активность, готовила бы меня к политическому будущему. Так что в конце моей первой недели в больнице я приняла решение.

Я попросила прислать мне форму заявления о сдаче выпускных экзаменов по адвокатуре в декабре. Я заполнила заявление и выслала деньги, зная, что этот маленький психологический трюк, который я разыграла сама с собой, заставит меня погрузиться в изучение юриспруденции по возвращении домой с близнецами, и что я должна буду организовать нашу жизнь так, чтобы ухитриться быть и матерью, и профессионалом.

Это было не так уж сложно. Квартира была достаточно большой, хотя, живя на шестом этаже, мы вынуждены были установить решетки на всех окнах. Из-за отсутствия сада дважды в день близнецов приходилось возить на прогулку. Это оказалось очень хорошо для них, они привыкли знакомиться и играть с другими детьми. Обычно с ними гуляла няня Барбара, я ходила с ними гулять в выходные. Надо признать, что Барбара стала для моих детей замечательным другом.

Вскоре после рождения близнецов Дж. Хэер написал мне из Центрального офиса: «Я был счастлив узнать, что у вас родились близнецы. Как умно с вашей стороны. Как это отразится на вашей позиции кандидата? Я с радостью продвигаю вашу кандидатуру; если вы хотите, чтобы я этого не делал, дайте, пожалуйста, знать».

Поблагодарив его, я ответила: «Неожиданно родив близнецов, а мы понятия не имели, что их двое, вплоть до дня их рождения, я полагаю, мне не стоит думать о выдвижении в кандидаты по меньшей мере в течение полугода. Домашнее хозяйство требует значительного внимания, нужно еще найти надежную няню, прежде чем я почувствую себя свободной, чтобы отдаться другой деятельности с необходимым усердием».

Так что мое имя, как выразился Джон Хэер, было «отложено про запас». Моим долгом было сказать, когда я буду снова готова войти в список активных кандидатов. Полгода самой себе предписанного политического «табу» быстро прошли. Я сдала выпускные экзамены на барристера. Сначала намеревалась специализироваться в патентном праве, но потом предпочла заняться налоговым правом. В любом случае, прежде всего, нужно было освоить уголовное право, и зимой 1953 года я прошла на шестимесячную практику в адвокатской конторе Фредерика Лоутона, который занимался общим правом в «Иннер темпл» { Один из четырех «судебных иннов», школ подготовки юристов. (Прим. ред.) }. Он был одним из самых бле-

стящих адвокатов по криминальным делам, которого я когда-либо знала. Он был остроумным, не имел иллюзий ни о человеческой природе, ни о своей профессии, был чрезвычайно четок в изложении своих мыслей и стал для меня хорошим руководителем.

Нужно еще было пройти практику не менее чем в четырех адвокатских конторах, специализирующихся в разных областях, чтобы заниматься налоговым правом. Пришлось слушать риторические фейерверки в уголовном суде, изучать искусство точного составления документов в суде лорда-канцлера, а затем разбиралась в нюансах законодательства о компаниях. При этом я все более убеждалась, что налоговое право будет моей сильной стороной. Эта сфера перекликалась с моим интересом к политике; она предполагала смесь теории и практики. А кроме того, можно было быть уверенной, что никогда не будет дефицита в клиентах, отчаявшихся прорубить себе путь в джунглях запутанных и постоянно меняющихся законов о налогах.

Процесс изучения, наблюдения и реализации правовых норм оказал огромное воздействие на мое политическое мировоззрение. Знание законов часто вырабатывает некоторую долю цинизма в людях. Для меня, однако, оно сделало более глубоким понимание выражения «правовая норма», которое так легко поминают консерваторы. Когда политика у тебя в крови, любое обстоятельство подталкивает тебя к ней. Размышляя ли о Дайси { А. В. Дайси, знаменитый юрист (1835–1922). }, погружаясь в лабиринты налоговых законов или обсуждая текущие события с другими членами Консервативного общества «Судебных иннов», я обнаруживала, что политические вопросы все равно занимают центральное место в моем воображении.

Так что когда в декабре 1954 г. я узнала, что есть вакансия кандидата от Орпингтона, который находился рядом с моим прежним избирательным округом Дартфордом, я позвонила в Центральный офис и попросила внести мое имя в список претендентов, прошла собеседование и попала в шорт-лист. Сидя вместе с Дэнисом в холле и сквозь двери слушая заседание отборочной комиссии, я слышала Дональда Самнера, местного кандидата (и председателя Ассоциации), пытавшегося убедить избирателей в том, что Орпингтону нужен «член парламента, который точно знает, что происходит в округе, знает, в каком состоянии находятся дороги в Локсботте { Игра слов, Локсботт звучит еще и как «дно шлюзов». }». Дэнис и я хохотали во все горло. Но Дональд Самнер получил округ.

Естественно, я была разочарована этим решением, ведь Орпингтон был бы для меня идеальным избирательным округом. И было чрезвычайно мало шансов, что столь же подходящий округ станет доступен до начала выборов. Так что я написала Джону Хэеру, сообщая, что теперь я «продолжу адвокатскую деятельность, отложив идею о парламентской карьере на много лет». Зная меня лучше, чем, должно быть, я сама себя знала, он написал мне ответ, предлагая пересмотреть позицию, если перспективный округ Кента станет доступным. Но я была тверда, хотя дала ясно понять, что всегда буду готова выступать с речью в округах и, конечно, буду активно участвовать в парламентской избирательной кампании.

Я понимала, что правительство достигло бы большего, если бы установило политику свободного предпринимательства. Но тогда было трудно отказаться от мер, ориентированных на социальную поддержку. Только к 1955 г. наметилась тенденция отказа от органов контроля и возвращения национализированных предприятий частным лицам. Однако в апреле 1955 г. Черчилль вышел в отставку, и премьер-министром стал Э. Иден, затем последовали внеочередные парламентские выборы, новое консервативное правительство, Суэцкое фиаско и появление на Даунинг-стрит, 10 «мастера превращений» Гарольда Макмиллана.

В ходе весенней кампании 1951 г. я выступала во многих избирательных округах. Для меня это было скучным занятием. Если однажды ты побывал кандидатом, все остальное уже неинтересно. Кроме того, было очевидно, какими будут результаты. Конечно, Консервативная партия завоевала большинство голосов с преимуществом в 58 мест, но полити-

ческий медовый месяц администрации Идена оказался коротким. Вскоре выяснилось, что предвыборный бюджет Р. Батлера был слишком облегченным, и в октябре срочно приняли более напряженный бюджет, что сильно навредило репутации Батлера. Шесть месяцев спустя должность канцлера казначейства вместо него занял Гарольд Макмиллан, что серьезно поколебало правительство.

Но причиной провала Идена стали, разумеется, международные дела. Предпосылки Суэцкого кризиса с июля по ноябрь 1956 г. неоднократно обсуждались. Для консерваторов было очевидно, что Британия обладала достаточной мощностью, и следовало преподать урок лидеру Египта Насеру, *pour encourager les autres* { Фр. – Чтоб другим неповадно было. }. Многие детали, в частности, пункты секретных договоренностей между Британией и Францией, с одной стороны, и Израилем, с другой, в то время не были известны широкой публике. Поэтому нам казалось непостижимым, что сначала Эн. Наттинг, а затем мой старый друг Эд. Бойл покинули правительство в знак протеста против военного вмешательства. Сегодня их действия понятны, хотя даже столько лет спустя я их не поддерживаю. С политической точки зрения, провал Суэцкой операции был тяжелым ударом. Хотя потребовалось много лет, чтобы прояснилась вся картина целиком, было очевидно, что правительство некомпетентно и что его некомпетентность проявилась самым унижительным образом.

Для консервативного правительства, руководимого человеком, чья репутация базировалась на ведении международных дел, итог был дискредитирующим. Среди сторонников Консервативной партии царило смятение на грани. Дэнис, бывший офицер Королевской артиллерии, был в ярости от того, что войска были выведены, когда операция была почти завершена. Он сказал мне: «Никогда не объявляется прекращение огня, когда твои солдаты в дозоре». Я запомнила это: политики не должны принимать военные решения без полного осознания того, что они значат для солдат на месте боевых действий.

Тогда мы резко осуждали поведение Соединенных Штатов, и тот факт, что антиамериканизм распространился среди правого крыла, когда я была премьер-министром, частично этим объясняется. Я тоже чувствовала, что нас предал наш традиционный союзник. В то время, конечно, я не знала, что Эйзенхауэр чувствовал себя преданным англо-французским решением начать военные операции накануне президентских выборов, когда он проповедовал мир. В любом случае я также чувствовала, что «особое отношение» с нашим трансатлантическим кузеном обладает слишком крепким основанием, чтобы разрушиться даже из-за такого кризиса, как Суэцкий.

Некоторые считали, что Суэц продемонстрировал враждебность американцев по отношению к британской имперской роли, и что США стали такой сверхдержавой, что не следует им доверять, обратившись к более тесной европейской интеграции. Но напрашивался противоположный вывод: британская внешняя политика больше не может осуществляться без гарантированной поддержки США. Действительно, оглядываясь назад, я вижу, что Суэц стал непреднамеренным катализатором мирной и необходимой передачи власти от Британии к Америке как к последнему приверженцу западных интересов и либеральной международной экономической системы.

После фиаско в Суэце было ясно, что Иден не может оставаться премьером. Он заболел во время кризиса и подал в отставку в январе 1957 г. Мои друзья-консерваторы в адвокатской конторе были убеждены, что королева никогда не выберет Рэба Батлера, он был слишком левым. В отличие от него являвшийся во время событий, связанных с Суэцем, канцлером казначейства Гарольд Макмиллан считался кандидатом правого крыла. Все это показывает, как мало мы знали о прошлых и настоящих убеждениях обоих мужчин, особенно блестящего и непостижимого человека, которому вскоре предстояло стать премьер-министром.

Гарольд Макмиллан был человеком в маске, обладавшим самыми противоречивыми качествами человека и политика. В частности, никто бы не догадался, что за циничным

эдвардианским фасадом { Король Эдуард (1841–1910, правил с 1901 г.) считается в британской традиции олицетворением легкомыслия в частной жизни. (*Прим. ред.*) } прячется одна из самых глубоко религиозных душ в политическом мире.

Большим достижением Гарольда Макмиллана можно считать возобновление сотрудничества с Соединенными Штатами. Это было важное для Британии условие, позволившее восстановить свою репутацию и положение. К сожалению, Макмиллан не мог поправить урон, нанесенный Суэцем морали британского политического класса, который можно назвать «суэцким синдромом», проявления которого варьировались: от веры в то, что Британия может все, до почти признания того, что она ничего не может. На самом деле мы были «вторым эшелонном» сразу после Америки и Советского Союза, ядерной державой, ведущим членом НАТО, постоянным членом Совета безопасности ООН и центром великого Содружества.

Вклад Макмиллана во внутренние дела был неоднозначным. При нем в 1957 г. частная аренда была освобождена от общественного контроля, что существенно уменьшило возможность регулирования арендной платы, существовавшего в той или иной форме с 1915 г. Это было необходимым, хотя и непопулярным шагом. Проводимая Макмилланом политика усиления государственного вмешательства стала явной после 1959 г.

Когда П. Торникрофт, Ин. Пауэлл и Н. Берч, вся команда Казначейства, в январе 1958 г. ушла в отставку, протестуя против увеличения бюджета на государственные расходы до 50 млн фунтов, Макмиллан назвал это «маленькими частными трудностями». Я не чувствовала себя вправе судить, что правильно в данном случае, но не могла осуждать тех, кто старался сберечь государственные средства. Любой шаг в сторону от финансовой чистоплотности всегда ведет к отказу от нее, а это приводит к самым неблагоприятным результатам. Так и случилось.

К парламентским выборам 1959 г. обе партии, консерваторы и лейбористы, бесстыдно соревновались, потакая стремлению нации к материальному благополучию. Предвыборный манифест консерваторов обещал повышение уровня жизни вдвое уже для следующего поколения. Что касается лейбористов, через несколько дней после начала кампании их лидер Хью Гейтскелл обещал, что подоходный налог не увеличится, несмотря на все дополнительные расходы, запланированные лейбористами, при уровне политического оптимизма это было невыполнимое обещание.

В феврале 1956 г. я написала Дональду Кэберри, вице-председателю Консервативной партии, отвечающему за кандидатов: «Уже некоторое время я чувствую искушение вернуться к активной политической работе. Я намеревалась, отдавшись адвокатской практике, полностью сконцентрироваться на юриспруденции, но опыт работы в сфере законов о налогах и компаниях не только не отвлек меня от политики, но, наоборот, еще более приковал мое внимание к учреждению, отвечающему за законодательство, по поводу которого у меня сформировались четкие взгляды».

Через месяц я пошла на встречу с Дональдом Кэберри. Меня вернули в список кандидатов, на этот раз в качестве претендента на надежный, контролируемый консерваторами избирательный округ. Я была очень рада, обнаружив в Дональде Кэберри источник мудрых советов, что чрезвычайно значимо для честолюбивого кандидата. Меньше повезло с тем, как меня приняли в отборочной комиссии. Я попадала в шорт-лист, выступала с речью, которую, как обычно, признали хорошей, и затем шли вопросы, совершенно очевидные по своей направленности. Смогу ли я уделять достаточно времени работе в избирательном округе, имея обязательства перед семьей? Осознаю ли я, как много времени член парламента должен проводить вне дома? И иногда даже еще прямее: действительно ли я думаю, что смогу выполнять одновременно обязанности и матери маленьких детей, и члена парламента?

Я объясняла, как обстоят мои семейные дела, что я пользуюсь помощью прекрасной няни. Обычно я рассказывала, что убедилась, что можно быть работающей женщиной и матерью, если правильно организовать время. Меня возмущало, что за всем этим скрывается убеждение, что Палата общин не место для женщины вообще. Некоторые мужчины из отборочных комиссий разделяли это предубеждение, заметнее было, что именно женщины поддерживают это мнение. Будучи обиженной и разочарованной, я, тем не менее, отказывалась сдаваться и была уверена, что у меня есть, что предложить в политике, а многие из тех, с кем я пересекалась в политике, хотели, чтобы я попала в парламент. Самое важное, что Дэнис никогда не сомневался. Он всегда был рядом, чтобы поддержать меня.

В апреле 1958 г. у меня состоялся еще один долгий разговор с Дональдом Кэберри, и я честно рассказала о сложностях с отборочной комиссией, с которыми сталкивалась. Вроде бы это была не та проблема, в которой даже самый мудрый мужчина может дать дельный совет. Но Дональд Кэберри посоветовал мне надевать в ответственных случаях что-нибудь нарядное, но не вызывающее. Осмотрев меня с головы до ног, он нашел мое строгое черное платье с коричневой оторочкой вполне подходящим. Вскоре я смогла проверить на деле его рекомендацию. В июле мне предстояло поехать на собеседование в избирательный округ Финчли в Северном Лондоне, где член парламента уходил в отставку.

Я была также одной из тех, кого пригласили на предварительное собеседование в отборочную комиссию. Я знала, что меня многие поддерживали, но в таких случаях иногда важно не столько быть самой популярной фигурой, сколько быть наименее непопулярной. Когда более слабые кандидаты выбывают, вся поддержка уходит к твоему оппоненту, и существует вероятность проиграть на финише, а мы были еще только на старте.

Вышедшие в финал четверо – трое мужчин и я – должны были предстать перед исполнительным советом ассоциации Консервативной партии, и я была вполне уверена, что предстояла битва. Подготовилась я основательно, хорошо изучив избирательный округ, прочитав газеты и конспекты всех брифингов, которые могла достать. Я выверила речь вплоть до каждого слова и могла говорить, не заглядывая в текст. Постаралась правильно настроиться: выглядеть уверенной, но не самоуверенной. И я надела строгое черное платье и подстраховалась, надев не только счастливые жемчужные бусы, но и счастливую брошку, подаренную мне моими друзьями-консерваторами из Дартфорда.

Был, однако, один момент, казалось бы, предвещавший неудачу. В день митинга, понедельник 14 июля, Дэнис никак не мог поехать со мной. Каждый год он уезжал в тур по зарубежным продажам на месяц или около того и на тот момент находился «где-то в Африке». Все другие кандидаты приехали в сопровождении своих вторых половин. Так что, по прибытии на митинг в тот теплый июльский день, я чувствовала себя довольно одинокой.

Как только я вошла на трибуну, все мои тревоги улеглись. Как всегда, я увлеклась и сосредоточилась на своих аргументах, было не до того, чтобы волноваться о том, что другие люди обо мне думали. Аплодисменты в мой адрес были теплыми и искренними.

Проблемы возникли, когда начались вопросы. Может ли мать маленьких детей эффективно представлять Финчли? Как насчет усталости от семейных обязанностей? Я давала мои обычные ответы, и, как обычно, часть аудитории оставалась необузданной. Отсутствие Дэниса тоже было не в мою пользу. Я воссоединилась с другими кандидатами и их женами, где напряжение снималось любезными разговорами о пустяках, которые, кажется, такие ситуации всегда порождают.

Когда последний из нас выступил, началось долгое ожидание, пока один из членов комитета не подошел, чтобы сообщить результат, и направился ко мне. Не было времени ни на облегчение, ни на радость, ни даже на усталость, потому что теперь нужно было вернуться на трибуну, чтобы принять поздравления исполнительного комитета.

Только потом я узнала точный результат. Первый раунд голосования принес мне тридцать пять голосов против тридцати четырех голосов моего ближайшего соперника. Во втором раунде, когда два других кандидата выбыли, я набрала сорок шесть голосов против его сорока трех. Предполагалось, ради соблюдения формальностей, что исполнительный комитет анонимно проголосует за меня как своего кандидата. Но некоторые из тех, кто возражал против моей кандидатуры, отказались это сделать. Так что мне предстояло сотрудничать, объединять людей, часть которых не скрывала своего неодобрения.

Но это были проблемы завтрашнего дня, а сначала я должна была поделиться радостной новостью с моей семьей в Грэнтеме. Дэнис был вне зоны досягаемости, в блаженном неведении о том, что я пережила в Финчли. Пару дней спустя он на пути из Йоханнесбурга в Лагос виа Кано в Северной Нигерии, пересаживаясь с самолета на самолет, подобрал оставленную кем-то лондонскую газету «Ивнинг Стандарт» и, перелистав ее, обнаружил ошеломляющую новость о том, что его жена отобрана в качестве кандидата в члены парламента от округа Финчли. Я всегда преподносила ему сюрпризы.

Произвести впечатление на Ассоциацию консерваторов Финчли в целом стало возможным на собрании в начале следующего месяца. В этот раз я снова появилась в простом черном костюме и маленькой черной шляпке. Председатель округа Берти Блатч официально представил меня, как я позже узнала, почти до неприличия пылко. Дополнительным преимуществом было то, что Берти владел самой влиятельной местной газетой «Финчли Пресс».

В зале меня встретили дружескими аплодисментами. Я произнесла длинную речь на тему внешней и внутренней политики. Я знала, что это собрание не было простой формальностью, ведь существовала оппозиция против моей кандидатуры, сконцентрированная вокруг одной женщины и ее маленького «кружка», пытавшегося организовать повтор состязания кандидатов. Я без труда ответила на три вопроса, заданных из зала. Но в конце некоторые из присутствующих отказались голосовать за мое выдвижение, так что я была выбрана подавляющим, но не абсолютным большинством. Я покинула собрание, зная, что утвердила свою кандидатуру и завоевала лояльность большей части ассоциации, но знала также, что есть те, кто постараются сделать мою жизнь как можно более сложной.

Я даже решилась написать Теду Хиту, главному организатору парламентской фракции партии, об этих проблемах. Частично с его помощью, частично используя свои личные контакты, я сумела привлечь много выдающихся ораторов, которые были приглашены выступить от моего имени в период между моим выдвижением и днем выборов. Припозднившийся, но чрезвычайно желанный выход на сцену Дэниса тоже помог мне. Берти Блатч стал меня постоянно и безгранично поддерживать.

С того момента я находилась в округе два-три раза в неделю и регулярно обходила дома с целью предвыборной агитации, затем, вернувшись, знакомилась с партийными активистами в неформальной обстановке в местном пабе или у кого-нибудь дома. К моменту моего выдвижения кандидатом в Финчли были сильно озабочены тем, что либералы стали набирать силу. Они всегда были отличными организаторами кампаний и были особенно эффективны в выборах местного правительства.

Несколько лет назад здесь случился скандал по поводу отстранения евреев из числа членов гольф-клуба Финчли, в который были вовлечены некоторые местные консерваторы: либералы никогда не упускали случая напомнить людям об этом. Сама я просто не понимала антисемитизма, но думала, что из-за этого избирательский потенциал консерваторов не мог быть полностью мобилизован. Так что я выступила, давая понять, что нам нужны новые члены, особенно консерваторы-евреи. Впоследствии среди евреев мне предстояло найти нескольких самых близких мне в политике друзей. Много внимания я уделила усилению организаций молодых консерваторов, будучи уверенной, что привлекая энергичных молодых людей, мы наверняка сможем противостоять конкуренции других партий. К сен-

тября 1959 г., когда должны были состояться выборы, консервативные организации нашего округа находились в хорошей форме, и я стала чувствовать себя гораздо более уютно.

День парламентских выборов в октябре 1959 г. во многом предвосхитил другие девять дней, через которые я прошла впоследствии. Вскоре после открытия избирательного участка я проголосовала в своем избирательном округе, в Орпингтоне, потом в Челси, а затем приехала в Финчли с Дэнисом. Я посетила каждый избирательный участок и зал заседания комитета, в перерыве пообедав в отеле с Бerti Блатчем и другими друзьями. Там я заплатила только за себя, во избежание обвинения в «угощении избирателей», чего советовали избегать каждому нашему кандидату. С пяти часов вечера я заглянула на несколько участков, чтобы напомнить о себе. Затем после закрытия выборов Дэнис и я поехали к Блатчам что-нибудь перекусить, потом посетили все офисы избирательного округа, чтобы узнать последние новости, по большей части анекдоты, и, наконец, присутствовали при подсчете голосов.

В здании школы каждый кандидат был размещен в отдельной комнате с небольшой группой болельщиков, где можно было перекусить и где был доступ к чуду современной политической жизни телевизору. Кампания 1959 г. была первой, в которой телевидение играло серьезную роль. Я убивала время, глядя, как растут горы избирательных бюллетеней на длинных столах в центре зала, и возвращалась в свою комнату, чтобы узнать результаты выборов, проходящих по всей стране.

Примерно в 12:30 ночи мне сказали, что скоро будут оглашены результаты выборов в Финчли, и попросили присоединиться к другим кандидатам на трибуне. Возможно, другой человек был бы более уверен в результатах. Но не я. На протяжении всей моей политической карьеры, благодаря какому-то шестому чувству, а может простому суеверию, я связывала такое поведение с неминуемым несчастьем. Так что, стоя рядом с Дэнисом с застывшей улыбкой на лице, я старалась не показывать, как я себя на самом деле чувствую.

Уполномоченный по выборам начал: «Дикинс, Эрик Петро: тринадцать тысяч четыреста тридцать семь». (Аплодисменты лейбористов.) «Спенс, Генри Айвен: двенадцать тысяч семьсот один». (Аплодисменты либералов.) И, наконец, мы услышали: «Тэтчер, Маргарет Хильда: двадцать девять тысяч шестьсот девяносто семь». Перевес голосов был очевиден: почти на 3500 больше, чем у моего предшественника. Аплодисменты усилились. Я выступила с краткой речью, поблагодарила моих помощников, Дэнис тепло обнял меня, и я сошла с трибуны членом парламента от Финчли.

Однажды, вскоре после того, как я была отобрана кандидатом в члены парламента от Финчли, я неосмотрительно сказала близнецам, что, когда я пройду в парламента, они смогут попить чай на террасе Палаты общин. С тех пор регулярно звучал жалобный вопрос: «Ты уже прошла, мамочка? Это все так долго». Мне тоже казалось, что это было так долго. Но теперь я знала, что скоро займу свое место на обитой зеленой кожей скамье в Палате общин. Это был первый шаг.

Глава 4 Внешний круг

Перевод Резницкая Т.В.

Член парламента и парламентский секретарь, 1959 – 1964

К этому времени моя семья с комфортом разместилась в отдельном доме в Фарнборо. Мы решили купить «Дормерс», дом с мансардой, рекламу которого увидели в «Кантри лайф», после того как освобождение аренды от государственного контроля могло увеличить наши издержки на съём квартиры в Свон Корт. К тому же мы считали, что детям нужен сад для игр.

Сад размером в полтора акра был сильно запущен, и я с радостью взялась приводить его в порядок. Когда мои родители наконец переехали в дом с садом, я уже не жила дома. Так что сад в «Дормерс» стал моей первой реальной возможностью надеть толстые садовые перчатки. Я обрезала кусты ежевики, привозила тачки листовенного перегноя из ближайшего леса, разбивала клумбы. Берти Блатч, председатель моего избирательного округа, оказался еще и садоводом: но, хотя он давал мне советы, мои розы никогда не были похожи на его.

Для близнецов «Дормерс» стал седьмым небом. У них появились свой собственный сад, возможность играть с детьми соседей и гулять в лесу – не в одиночестве, конечно. Дом был частью имения, вокруг не было транспорта и место было безопасным для детей. Ужасную перспективу упасть в пруд я сразу же исключила, засыпав его землей и превратив в розовую клумбу.

Мои парламентские обязанности означали, что я не всегда могу вернуться домой к тому времени, когда близнецам пора ложиться спать, поэтому я настаивала на том, чтобы вся семья собиралась за завтраком. Возможность общения нам обеспечивали парламентские каникулы и длинные парламентские выходные. Я чрезвычайно благодарна Барбаре, занимавшейся с моими детьми до тех пор, пока она не вышла замуж за местного садовода, и Эбби, сменившей Барбару, которая тоже стала близким другом нашей семьи. Они следили за детьми, но каждый вечер я звонила из парламента домой около шести часов, чтобы узнать, все ли хорошо, и дать детям возможность рассказать обо всем, что было важным для них.

Выходные давали возможность заняться домом и обычно посвятить себя большой выпечке, точно так, как мы это делали дома в Грэнтеме. В летние месяцы Дэнис и я работали, а дети играли в саду. Но по субботам в сезон рэгби Дэнис обычно судействовал или смотрел матч, об этом мы договорились с первых дней нашего брака. Иногда, когда он судействовал на важном матче, я сопровождала его. По воскресеньям мы брали близнецов на службу в приходскую церковь Фарнборо. Дэнис был англиканцем, и мы оба считали, что детей будет сбивать с толку, если мы будем ходить в разные церкви. Тот факт, что местная церковь относилась к «низкой церкви» { Направление в англиканской церкви, отличается отказом от внешней обрядности. (*Прим. ред.*) }, облегчил для меня, методистки, переход в другую церковь. Ведь основатель методизма Джон Уэсли считал себя членом англиканской церкви вплоть до дня своей смерти. Я не чувствовала, что перешагнула какой-то важный теологический рубеж.

Уик-энды, как и семейные отпуска, были для меня бесценным отдохновением. Мы на месяц снимали дом на побережье в Сассексе прямо возле пляжа, рядом всегда оказывались другие семьи с маленькими детьми. Позднее мы регулярно ездили в семейный отель в Сивью на острове Уайт. Переправа через канал Солент казалась детям огромным приключением.

На пути к побережью в машине мы всегда проезжали место под названием «Четыре Марка». Я никогда не могла ответить Марку на вопрос, кто эти четверо были. Не могла я придумать и убедительного ответа для Кэрол, которая полагала, что это несправедливо, что должно быть и место под названием «Четыре Кэрол».

Трудно сказать, когда ты больше беспокоишься о своих детях: когда они рядом или когда далеко. Я хотела, чтобы дети были дома, пока были маленькими, но, к несчастью, близлежащая школа, в которую ходил Марк, закрылась в 1961 году, и Дэнис убедил меня, что лучше будет, если он поступит в Белмонтскую подготовительную школу-пансион. Белмонт был как раз на границе с Финчли, так что я могла водить его обедать. Кроме того, он был не слишком далеко в случае экстренных ситуаций. Но, чтобы не отставать, Кэрол решила, что тоже хочет учиться в пансионе. Дом казался пустым без детей.

К тому моменту в моей жизни образовалась еще одна пустота, которую невозможно было восполнить, это была потеря мамы, умершей в 1960 году. Она была краеугольным камнем семейной стабильности: управляла домашним хозяйством, помогала справляться с магазином, поддерживала моего отца в его общественной деятельности и, как жена мэра, вела огромную благотворительную работу в церкви. Как все люди, живущие ради других, она обеспечила успехи мужа и дочерей. Ее жизнь не была легкой. Хотя в поздние годы я много говорила о политическом влиянии, оказанном на меня отцом, именно от мамы я унаследовала способность самоорганизации многих обязанностей активной жизни. Ее смерть стала огромным шоком, хотя она и не была неожиданностью. После похорон мамы отец на некоторое время остановился в «Дормерс». В тот вечер, когда я отогнула уголок покрывала на его постели, на подушке лежала записка от Марка: «Дорогой дедушка, мне жаль, что бабушка умерла». У меня чуть не разорвалось сердце.

Я была очень рада, что и отец, и мама видели, как их дочь входит в Вестминстерский дворец в качестве члена парламента. Буквально «видели», потому что в прессе были опубликованы мои фотографии в новой шляпке на пути к зданию парламента. Мой первый контакт с Консервативной партией в парламенте состоялся за день до его открытия, когда я приняла участие в заседании «Комитета 1922 года», комитета, в который входят все консерваторы – члены парламента при обсуждении вопроса о спикере палаты. Я мало кого знала из нескольких сотен лиц, набившихся в шумный накуранный зал заседания комитета, но сразу же почувствовала себя дома.

Все в те дни были чрезвычайно добры. «Главный кнут», организатор парламентской фракции, объяснял новым членам правила парламента и кнут-систему. Старожилы дали мне дельные советы о том, как работать с корреспонденцией. Еще они сказали мне, что не следует концентрироваться на масштабных вопросах типа внешней политики или финансов, но надо найти одну или две темы, благодаря которым меня могут заметить.

Еще одним хорошим практическим советом было найти себе «пару», которую я вскоре нашла в лице Чарли Пэннела, лейбориста, прошедшего в парламента от Лидс Вест { Парное голосование это неформальное соглашение, при котором члены парламента из соперничающих партий воздерживаются от голосования, когда один из них не присутствует в Палате общин. Это соглашение обычно не применяется к голосованию по критически важным вопросам. (Прим. ред.)}. Я познакомилась с ним несколько лет назад, когда он жил в Эрите, в моем прежнем округе Дартфорде. Он был как раз тем типом добродушного, порядочного лейбориста, который мне нравился.

Вестминстерский дворец кажется непосвященному запутанным лабиринтом коридоров. У меня ушло много времени, прежде чем я начала в нем ориентироваться. В нем было несколько комнат, предназначенных для двадцати пяти женщин – членов парламента, где я обычно работала за столом. Ни мой вкус, ни правила поведения не позволяли мне входить в

курительную комнату. Мой секретарь Падди Виктор Смит сидел за столом в большом кабинете с другими секретарями, где мы работали с корреспонденцией избирательного округа.

Но сердцем Палаты общин, гораздо в большей степени, чем сейчас, была сама палата. Казалось бы, заседания комитетов по финансам и внешней политике могли быть более информативными, а еженедельные заседания «Комитета 1922 года» могли быть более оживленными. Но лишь проникнувшись атмосферой Палаты общин настолько, что ее процедуры становятся второй натурой, а стиль ее дебатов естественным, человек превращается в самый уважаемый вид английского политика – члена Палаты общин.

Так что я заняла предназначенное для меня место в четвертом ряду сзади возле прохода, куда тридцать один год спустя я снова решила сесть после того, как ушла в отставку с поста премьер-министра. Парламент сам по себе был, и остается, очень мужским местом. Это заявляет о себе присущим ему шумом. Я была привычна к университетским дебатам, спорам во время избирательной кампании, но все прежние краткие визиты в Галерею для посетителей в парламенте не смогли подготовить меня к такому. Когда я сказала об этом одному из коллег, он рассмеялся и сказал: «О, ты не была здесь во время Суэцкого кризиса!» Однако мужественность, как я вскоре обнаружила, не вырождалась в мужские предрассудки. И в промышленной сфере, и в юриспруденции, и в политических играх тори на уровне избирательных округов мне давали прочувствовать мое женское ничтожество. Но в Палате мы все были равны; и плохо приходится тем министрам, которые своим поведением дадут понять, что считают себя более равными, чем остальные.

Вскоре я с радостью обнаружила, что искренность, логика и совершенное владение темой могут завоевать уважение обеих половин парламента. Верховлячество быстро разоблачалось. Мне трудно сегодня найти среди рядовых членов парламента тот исключительный диапазон опыта и таланта, который характеризовал Палату общин тогда. При обсуждении любого вопроса по обе стороны парламента находился тот, кто мог продемонстрировать глубокое знание деталей и специфики и, кроме того, явную интуицию, кого слушали с равным уважением и рядовые члены парламента, и министры.

В первые месяцы пребывания в парламенте у меня было мало возможностей для спокойного овладения опытом. Вместе с другими 310 членами парламента я приняла участие в жеребьевке Палаты по обсуждению законопроекта. Никогда прежде не выигрывая даже в лотерею, я, к огромному изумлению, вытянула второе место. Только первые несколько законопроектов, выдвинутые рядовыми членами парламента, имели шанс стать законом, и даже тогда отношение правительства к ним было критическим. Я представила самые общие соображения по теме, с которой хотела работать, и теперь у меня была лишь неделя, чтобы собраться с мыслями, поскольку законопроект должен был быть вынесен на обсуждение к 11 ноября.

Из-за промышленного конфликта в печатной промышленности, начавшегося в июле 1958 г., многие контролируемые лейбористами муниципальные советы в больших городах отказывались сообщать информацию журналистам, работавшим в провинциальных газетах, вовлеченных в конфликт. Стала очевидной лазейка в законодательстве, которую многие советы использовали для сокрытия информации о своей деятельности. У прессы было законное право только на присутствие на заседаниях полного совета муниципалитета, но не его комитетов. Пользуясь этой уловкой, советы могли исключить прессу из своих обсуждений во время заседаний комитетов. И помимо этих «заседаний комитетов полного совета» проводились многие другие комитеты, которые были закрыты для доступа прессы. Крупные суммы из налоговых сборов могли быть израсходованы или растрочены совершенно бесконтрольно. Представители общественности тоже не имели права присутствовать на заседаниях совета или его комитетов.

Мой интерес к этому вопросу возник из того факта, что к этому привело потворство социалистов профсоюзам. Я знала о ситуации, сложившейся в Ноттингеме, недалеко от Грэнтема, и она шла вразрез с моим убеждением, что правительство обязано отчитываться за расходование средств налогоплательщиков. Предвыборный манифест Консервативной партии 1959 г. обещал «обеспечить прессу возможностями для получения информации о происходящем в местных органах власти». Помня об этом, я полагала, что такой законопроект будет, конечно же, радушно принят правительством. Я была разочарована. Очевидно, ничего, кроме правильности оформления законопроекта, не было рассмотрено. Это показалось мне чрезвычайно неубедительным, и я решила добиваться своего.

Скоро стало ясно, что неприятие законопроекта шло не от министров из Министерства жилищного строительства и местного самоуправления, а, скорее, от чиновников. Генри Брук, старший член кабинета министров, был настроен благожелательно. Каждый законопроект, внесенный на рассмотрение рядовым членом парламента, оказывается под контролем младшего министра, который либо помогал его продвижению, либо его подтормаживал. Мой законопроект был поручен сэру Киту Джозефу, в процессе проверки законопроекта на предмет скучных технических нюансов я впервые познакомилась с Китом.

Я многому научилась очень быстро благодаря опыту разработки, внесения изменений и ведения переговоров по поводу моего законопроекта. Отчасти потому, что вопрос стал злободневным уже давно, а отчасти из-за доброты опытных членов парламента по отношению к новичку. Сэр Лайонел Хилд, бывший генеральный атторней, предоставил мне неоценимую помощь своего огромного опыта в юстиции. Я научилась у него технике составления юридических документов, которая составляла сферу деятельности парламентских составителей официальных документов. Увидела я силу групп давления. Влияние лобби местных органов власти проявлялось во многом и не ограничивалось партией лейбористов. Я, таким образом, научилась, как противопоставить одной группе давления другую и использовать помощь, предложенную мне Гильдией редакторов газет и другими журналистскими организациями.

Но ничто не заменит собственных усилий. Я хотела собрать как можно больше членов парламента в пятницу для второго чтения законопроекта, это было сложно, ведь в это время почти все разъезжаются по своим избирательным округам. Я всегда верила в силу личного рукописного письма. Так что накануне второго чтения я написала 250 писем членам парламента, прося их присутствовать в Палате общин и проголосовать за мой законопроект.

Когда в пятницу 5 февраля 1960 года я встала с места, чтобы произнести речь, я знала все тезисы наизусть. В результате я смогла говорить на протяжении получаса, не заглядывая в свои записки, хотя, конечно, нервничала. Три женщины – члены правительства Пэт Хорнсби-Смит, Мервин Пайк и Эдит Питт, продемонстрировали моральную поддержку с министерской скамьи, и Палата общин в пятницу была полна людей. Я была счастлива, что почти 200 человек проголосовали, и мы красиво победили. Я также была искренне тронута тем, что многие члены парламента высказали свое мнение мне лично, прежде всего особенно Рэб Батлер, лидер парламента и мастер двусмысленных комплиментов, чьи поздравления в данном случае были прямолинейны и очень желанны для нового члена парламента.

Из публикаций прессы на следующий день стало ясно, что моя речь имела успех и что я на данный момент стала знаменитостью. «В парламенте родилась новая звезда!» – восклицала «Дэйли Экспресс». «Слава и Маргарет Тэтчер вчера подружились», – кричала «Сандей Диспатч». «Триумф», – ровно отмечала «Дэйли Телеграф». В газетах появились статьи обо мне и моей семье. У меня взяли интервью для телевидения. Телевизионщики приехали к нам домой, и, отвечая на один из наиболее абсурдных вопросов и потеряв бдительность, я сказала журналисту, что «не смогла бы даже рассматривать пост кабинетного министра, пока мои близнецы не станут старше». За исключением этой оплошности все было хорошо.

Можно ли считать это предзнаменованием? За некоторое время до начала парламентских выборов я прочла роман Д. Бакена «Щель в шторе». Я задумалась о нем после появления этих слишком громких заголовков. История Джона Бакена повествует о группе мужчин, которые проводят уик-энд после Пасхи в доме друга, где они при помощи одного гостя, всемирно известного, загадочного и смертельно больного физика, получают возможность заглянуть на страницу газеты «Таймс», которая будет опубликована через год. Каждый читает о своем будущем. Новоизбранный член парламента читает свой некролог, где упоминается, что он произнес свою первую блестящую речь, которая мгновенно сделала его деятелем национального масштаба. Так и происходит. Его речь оказывается выдающейся, его восхваляют, им восторгаются со всех сторон, но после этого, не имея той уверенности в себе, которую дало ему знание будущего, он терпит фиаско, оказывается забытым и ждет конца. При воспоминании об этом меня слегка передернуло, и моя рука потянулась к счастливым бусам.

Но мой законопроект – с существенным дополнением о том, что представители общестственности должны иметь такие же права, что и пресса, посещать заседания муниципальных советов, и что на комитеты (за исключением собраний полных советов) это право не распространялось – надлежащим образом вошел в свод законов. Потом моя семидневная звездность как-то испарилась, но я многому научилась и обрела уверенность в себе.

Жизнь члена парламента всегда была захватывающей, но такой лихорадочной, что однажды, к ужасу коллег, я упала в обморок в парламентарской столовой. Я проводила на парламентарских заседаниях и комитетах столько времени, сколько могла, кроме того регулярно посещала клуб новых членов-тори, куда приходили выступить выдающиеся политические деятели Консервативной партии Гарольд Макмиллан, Рэб Батлер, Иэн Маклеод и Инок Пауэлл и такие молодые журналисты-тори, как Питер Атли.

В ту пору самым надежным было придерживаться центристского и левого крыла Консервативной партии. Перспективные политики-тори стремились не быть «реакционерами». Ничто не несло большей социальной и профессиональной угрозы, чем этот ярлык. Даже учитывая, что то, что сегодня обычно рассматривается как нанесение вреда моральному, социальному и экономическому развитию в шестидесятые, и в основном это относится к периоду лейбористского правительства после 1964 года, первые годы десятилетия тоже были временем застоя, за которые консерваторы несут большую часть ответственности.

Оглядываясь назад, странной кажется маниакальное стремление консерваторов быть в курсе современных тенденций и утрата связи с потребностями рядовых сторонников Консервативной партии. Это справедливо в отношении таких вопросов, как профсоюзы и иммиграция, закон и порядок, помощь развивающимся странам. Важнее всего это было по отношению к управлению экономикой. Дело было не столько в инфляции, которая была нулевой зимой 1959/60 года и не достигла пяти процентов вплоть до лета 1961 года. В качестве основного сдерживающего фактора развития рассматривался платежный баланс. Поиски мер для решения этой проблемы: кредитный контроль, повышение процентных ставок, поиски международных кредитов для поддержания фунта, увеличение налогов и, все больше и больше, прототипная политика доходов, – стали привычны за последующие пятнадцать лет.

Чем больше я узнавала об управлении экономикой, тем меньше оно меня впечатляло. Я внимательно слушала речи члена парламента от тори Найджела Берча, в которых он критиковал неспособность правительства контролировать государственные расходы. Правительство полагало, что можно увеличивать расходы до тех пор, пока экономика растет. А это подталкивало к политике поощрения большего спроса и быстрого отскока назад, когда это оказывало давление на платежный баланс или курс фунта стерлингов. Это и произошло летом 1961 г., когда канцлер казначейства Селвин Ллойд представил дефляционный бюджет и нашу первую политику доходов, «платежную паузу».

Еще одним следствием было повышение налогов, которого в ином случае можно было избежать. Канцлеры казначейства, остерегаясь увеличения основного подоходного налога, придавали особую важность проверке на предмет минимизации налоговых выплат и уклонения от них, для этого постоянно увеличивая полномочия Управления налоговых сборов. Как специалист по налоговому праву, да и просто исходя из инстинктивной неприязни к передаче все больших полномочий бюрократам, я сильно переживала по этому поводу и помогла написать критический отчет Обществу Консервативной партии Судебных иннов.

Еще сильнее меня волновали модные либеральные тенденции в карательной политике, которые, я полагала, необходимо было пересмотреть. Поэтому я выступила в поддержку новой статьи, вводящей порку розгами в качестве наказания для малолетних преступников. В атмосфере господствующих представлений это была позиция, которая, я знала, подставит меня под насмешки застенчиво-великодушных комментаторов. Но их точку зрения не разделяли мои избиратели и многие из представителей правого крыла. Хотя новая статья была отклонена, шестьдесят девять парламентариев-тори проголосовали в ее поддержку. Это был крупнейший партийный бунт с момента нашего прихода к власти в 1951 г., и в офисе «главного кнута» были не слишком довольны. Это также был единственный раз за все мое пребывание в Палате, когда я голосовала против линии партии.

Лето 1961 г. было очень интересным с точки зрения политической ситуации. Я по-прежнему сильно интересовалась внешней политикой, в которой главными темами были отношения между Кеннеди и Хрущевым, построение Советским Союзом Берлинской стены и начало переговоров Британии по вступлению в Общий рынок. Также ходили слухи о перестановке в кабинете министров.

Вопреки моей слегка запятнанной репутации у меня были основания полагать, что эта перестановка может оказаться в мою пользу. Я держалась на уровне средней известности в глазах общественности, и не только из-за моей речи по поводу телесных наказаний. Я дала пресс-конференцию с Айрин Уайт, парламентарием-лейбористом от округа Ист Флинт, на тему, как плохо обеспечена безопасность маленьких детей, проживающих в многоэтажных домах, – вопрос, становившийся все более актуальным в то время, когда было выстроено столько этих плохо спроектированных чудовищ. Но главная причина, почему я надеялась продвинуться благодаря этой перестановке, была проста. Пэт Хорнсби-Смит решила уйти в отставку, чтобы заняться бизнесом, а с политической точки зрения считалось желательным сохранять определенное число женщин в правительстве.

Я не пыталась скрывать свою радость, когда меня вызвали на встречу с премьер-министром. Гарольд Макмиллан проживал в походных условиях в Адмиралтейском доме, пока в доме 10 на Даунинг-стрит проводился капитальный ремонт. К тому моменту у меня уже сформировалось собственное мнение о нем, не только на основании его речей в Палате общин и на заседаниях «Комитета 1922 года». Однажды он пришел в клуб новых членов парламента и в качестве политического чтения настоятельно порекомендовал две книги Дизраэли – «Сибил» и «Конингсби». Стиль Дизраэли, на мой вкус, был слишком вычурным, хотя я понимаю, почему он нравился Гарольду Макмиллану. Теперь мне ясно, что Макмиллан был более сложным, чем казался со стороны; но и внешний вид, кажется, имел большое значение. Определенно, укрепляя дружбу с президентом США Кеннеди или отпуская остроумное замечание в ответ на гневную тираду Хрущева, Гарольд Макмиллан оставался блестящим представителем Британии за рубежом.

Для встречи с премьер-министром я выбрала свой лучший наряд, в этот раз цвета голубого сапфира. Разговор был коротким. Гарольд Макмиллан любезно приветствовал меня и предложил мне ожидаемую должность. Я с энтузиазмом приняла ее. Я хотела начать работу как можно скорее и спросила его, как следует организовать дела в департаменте. В типичной

для него манере он сказал: «О, ну позвоните постоянному заместителю министра и загляните завтра в 11 утра, осмотритесь и уходите. Я бы не стал надолго задерживаться».

Так, на следующее утро, гораздо раньше одиннадцати, я приехала в прекрасный дом в георгианском стиле на Джон Адам-стрит, недалеко от улицы Стрэнд, где тогда располагалась штаб-квартира Министерства по делам пенсий и государственного страхования. Джон Бойд-Карпентер, мой министр, встретил меня у двери и проводил в мой новый офис – жест, который я очень ценила и который, уже будучи кабинетным министром, сама всегда демонстрировала. Джон был человеком, которого легко любить и которым легко восхищаться за доброту, понимание нюансов и способность просто изложить сложное дело. Словом, хороший образец для начинающего парламентского секретаря.

Первым делом нужно было перечитать доклад Бевериджа, в котором излагалась философия послевоенной системы пенсий и льгот. Я была уже довольно хорошо знакома с его главными аспектами и поддерживала их. Во главе угла лежала концепция всеобъемлющей «схемы социального страхования», которая должна была компенсировать потерю способности зарабатывать деньги из-за безработицы, болезни или выхода на пенсию по возрасту. Это делалось за счет единой системы пособий на уровне прожиточного минимума и финансировалось за счет индивидуальных взносов по единой ставке. Параллельно шла система государственного вспомоществования, финансируемая из общих налогов, для помощи тем, кто не мог претендовать на пособия государственного социального страхования потому, что они не могли делать взносы или потому, что их страховая сумма себя исчерпала. Государственное вспомоществование было проверенным средством и рассматривалось как переходная система, уменьшавшаяся пропорционально росту пенсий и личных накоплений.

Задним числом легко смеяться над многими допущениями и прогнозами Бевериджа. Но он стремился избежать от тех проблем, которые более поздние правительства старались игнорировать и которые теперь вернулись в виде негативных последствий зависимости от социального обеспечения и утраты частной инициативы. В риторике доклада Бевериджа звучали нотки, позднее названные «тэтчеровскими»: «...Государство должно обеспечивать гарантированное рабочее место и взносы. Государство, обеспечивая социальную безопасность, не должно подавлять стимул, возможность, ответственность; учреждая государственный минимум, оно должно оставлять место и осуществлять поддержку добровольной деятельности каждого индивидуума с целью обеспечить более, чем этот минимум, для себя и своей семьи (Параграф 9).

...Застрахованные лица не должны полагать, что пособие по безработице, вне зависимости от ее причины, исходит из бездонного кошелька (Параграф 22)».

Значительная часть нашей работы в министерстве заключалась в том, чтобы находить средства преодоления тех трудностей, что вытекали из зазора между концепцией Бевериджа и тем, как система, и ее общественные ожидания, работала на деле. Так, например, до того как началась инфляция и размеры пособий стали ежегодно увеличиваться в соответствии с ней, было встречено резким неодобрением то, что пенсии государственного социального страхования были увеличены, тогда как пособия государственного вспомоществования, имевшие фиксированный размер, остались без изменений. Люди постепенно уверились, что пенсия должна быть выше, чем прожиточный минимум, но изменение размера взносов, которые смогли бы это обеспечить, казалось недопустимым.

Эта идея лежала в основе системы «дифференцированных пенсий» Джона Бойда-Карпентера, где в соответствии с выплатой более высоких взносов гарантировалась более высокая пенсия и обеспечивалась возможность личных производственных (негосударственных) пенсионных схем. Еще одним постоянным источником трудностей, на которые мы не нашли окончательного ответа, было «правило заработка», в соответствии с которым работающие пенсионеры при определенном уровне дохода теряли частично или полностью свои пенси-

онные выплаты. Влияние этого факта на жизнь вдов пенсионеров стоило мне многих переживаний.

Кроме работы с докладом Бевериджа и другими документами, шла работа над делами, то есть расследование проблем конкретных людей, поднятых ими в письмах, и именно это дало мне самое полное представление о системе социальных пособий. Я не могла подписать ответ, если не была уверена, что правильно поняла суть дела. В результате вереницы чиновников входили и выходили из моего офиса, чтобы поделиться со мной своими непомерными знаниями по каждому вопросу. Мне было недостаточно знать ответ или готовое решение. Я хотела знать *почему*.

Занимая пост парламентского секретаря под началом трех разных министров в одном и том же департаменте, я обнаружила, что предложения, поступающие министру от государственных чиновников, различались, даже если тема была одной и той же. Так что я выразила недовольство, когда Ниэл Макферсон и Ричард Вуд получили доклады, предлагавшие подходы, которые, я знаю, не были предложены их предшественнику Джону Бойду-Карпентеру. Я помню, что сказала им: «Это не то, что вы советовали предыдущему министру». Они ответили, что знали, что он никогда бы этого не одобрил. Именно тогда я решила, что, если буду главой департамента, я буду настаивать на абсолютно откровенной оценке всех возможностей, поступающей от всех государственных служащих, с кем мне придется работать.

Усвоила я еще один урок. Существовало мнение, настаивавшее на отмене правила заработка по отношению к овдовевшим матерям. Это был один из тех вопросов, по которому я выступила публично. Я полагала, что если женщина, потеряв мужа и оставшись с детьми, которых нужно содержать, решает работать, чтобы иметь чуть больше денег, она не должна при этом терять пенсию. Возможно, как женщина, я лучше понимала, с какими проблемами сталкиваются вдовы. Возможно, я навсегда запомнила трагический облик недавно овдовевшей матери, покупавшей помятые фрукты в магазине моего отца. Но оказалось фактически невозможным отстоять линию правительства против атаки оппозиции. Я подняла вопрос вместе с чиновниками и моим министром. Однажды я даже поставила его перед А. Дугласом-Хьюмом, тогдашним премьер-министром. Он выказал сочувствие, но это ни к чему не привело.

Аргументом со стороны чиновников департамента всегда было то, что отмена правила заработка даже для этой самой нуждающейся группы вызовет нарекания во всех других. И конечно, они были логически правы. Но как я возненавидела это слово «нарекания»!

Меня не удивило, что одним из первых действий, которые предприняло лейбористское правительство, придя к власти в 1964 г., было изменение, за которое я боролась, а честь которого была приписана им. Мораль была мне ясна: бюрократическая логика не заменяет министерского решения. Забудь об этом как политик, и политические «нарекания» посыпятся в твой адрес.

Проведя два года на скамье парламентария, я по-прежнему любила Палату общин. Среди лейбористов мы не сталкивались с низкопробными оппонентами. Дик Кроссман обладал утонченным политическим умом и при этом потрясающей непредсказуемостью, а Дуглас Хоутон был превосходным мастером лаконической речи. Они оба мне нравились, но я все равно решительно хотела победить в каждом споре. Я наслаждалась битвой фактов и цифр, хотя иногда мне следовало ступать более осторожно. Однажды на «курьерский ящик» мне положили записку госслужбы с новой статистикой по тому вопросу, что обсуждался на прениях. «Вот, – с триумфом сказала я, – у меня свежие данные, с пылу с жару» { Игра слов, можно перевести примерно как «Теперь я красная как рак» }. Парламент потонул в хохоте, и мне потребовалась минутка, чтобы осознать произнесенную мной двусмысленность.

Министерству по делам пенсий нужно было отчитаться в понедельник сразу после печально знаменитой перестановки в кабинете министров в июле 1962 г., ставшей известной

как «Ночь длинных ножей» { Ночь длинных ножей} расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 г. Поводом для нее послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Ремом и подозрения в подготовке путча. (*Прим. ред.*). Дж. Бойд-Карпентер перешел на пост Главного секретаря Министерства финансов, а Н. Макферсон еще не занял его место в Министерстве по делам пенсий. Поскольку все вопросы, стоявшие на повестке дня, касались деятельности департамента, именно я почти час отвечала на вопросы вместо министра. Этому, конечно, предшествовал полный стресса уик-энд для меня и чиновников, которых я донимала. Лейбористы были настроены решительно, но я справились, ответив на вопрос о планах, что я сообщу об этом моему министру, «когда он у меня будет».

Но справится ли правительство? Как мне предстояло узнать из собственного опыта много лет спустя, каждая перестановка в кабинете министров имеет подводные камни. Но никакие трудности, с которыми я когда-либо сталкивалась, даже в 1989 г., не сравнятся с тем ущербом, который нанесла правительству «Ночь длинных ножей», когда треть кабинета, включая лорда-канцлера и канцлера казначейства, была отставлена, а новое поколение в лице Реджи Модлинга, Кита Джозефа и Эдварда Бойла оказалось на передовой политического фронта. Урок, который я вынесла из этого события, заключался в том, что нужно стараться вводить молодых людей в правительство при каждой перестановке, чтобы избежать тупиковых ситуаций. Макмиллан плохо справился с переменами, его репутация никогда полностью не была восстановлена.

В стране заметно нарастало чувство, что консерваторы находятся у власти слишком долго и что они потеряли дорогу. Самое опасное время для правительства наступает, когда люди чувствуют, хотя, возможно, еще не совсем отчетливо, что «пора что-то менять». Позднее, осенью 1962 г., правительство столкнулось с трудностями такого рода, как дело шпиона Вассала, прилет Филби в Советский Союз, подтвердивший подозрения, что он был двойным агентом КГБ с 1930-х годов, а летом 1963 г. еще и дело Профьюмо, – все вело к тому, что росло убеждение в аморальности и некомпетентности правительства. Такие вещи можно игнорировать, когда правительство здорово. Но влияние всех этих событий было более сильным из-за общей болезни.

Европа была одной из главных причин этой болезни. В октябре 1961 г. Гарольд Макмиллан поручил Теду Хиту сложные переговоры по поводу членства Британии в Европейском экономическом союзе. В немалой степени благодаря силе воли Теда большая часть проблем, касающихся, например, того, что делать с британским сельским хозяйством и торговыми связями с Содружеством, казалась решаемой.

Затем в январе 1963 г. генерал де Голль наложил вето на наше вступление в ЕЭС. В то время Британия не питала большой любви к Европе. Было общее чувство, которое я разделяла, что в прошлом мы недооценили потенциальные преимущества Британии при вступлении в Общий рынок, что ни Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), ни наши связи с Содружеством и Соединенными Штатами не могли предложить необходимое нам торговое будущее, и что нам было пора вступить в ЕЭС. Я была активным членом Европейского союза женщин, организации, основанной в Австрии в 1953 г., чтобы способствовать европейской интеграции, и заседала в ее судебной коллегии, где обсуждались вопросы закона и семьи. Но я видела в ЕЭС по существу торговую структуру – Общий рынок – и не разделяла сама и не принимала всерьез идеалистскую риторику, которая окружала «Европу».

По сути, теперь мне ясно, что генерал де Голль был гораздо более проницателен, чем мы были тогда, когда, к нашему огромному недовольству, он заметил: «Англия на самом деле островная, она морская, она привязана своим торговым обменом, своими рынками, своими линиями снабжения к самым разным и часто самым отдаленным странам; она развивает

в основном промышленную и коммерческую сферу, и лишь чуть-чуть сельскохозяйственную... Вкратце, природа, структура, сама ситуация коренным образом отличают Англию от континентальных стран...»

Но еще он сказал: «Если Брюссельские переговоры в скором времени не приведут к успеху, ничто не мешает Общему рынку и Великобритании заключить соглашение о связи между ними, чтобы гарантировать торговый обмен, и ничто не препятствует ни поддержанию близких отношений между Англией и Францией, ни созданию и развитию их прямого сотрудничества в самых разных сферах...»

По сути, то, что де Голль предлагал, более соответствовало интересам Британии, чем те условия, на которых Британия в конце концов вступила в ЕЭС десятилетием позднее. Мы, возможно, упустили лучший европейский автобус, когда-либо проходивший мимо. В то время, однако, столько политического капитала было поставлено Макмилланом на европейскую карту, что этот унижительный проигрыш производил впечатление, что правительство совершенно потеряло ориентиры.

Лейбористская партия пережила трагедию, когда Хью Гейтскелл умер в январе 1963 года. Лидером был избран Гарольд Вильсон. Не завоевав еще того уважения, которое было у Гейтскелла, Вильсон был новой и смертельной угрозой правительству. Он был прекрасным и чрезвычайно остроумным участником парламентских прений, знал, как произвести впечатление на прессу и извлечь из этого пользу, умел бросать двусмысленные фразы, державшие лейбористов вместе (например, «запланированный рост доходов» вместо «политика доходов»), и он умел задеть Макмиллана за живое так, как Хью Гейтскеллу никогда не удавалось. Гейтскелл был скорее государственным деятелем, тогда как Вильсон был законченным политиком.

В результате всех этих факторов популярность консерваторов по данным опросов общественного мнения серьезно упала. В июле 1963 г. лейбористы опережали нас где-то на двадцать процентов, а в начале октября на конференции Лейбористской партии блестящая, но поверхностная речь Гарольда Вильсона о «белом калении» научной революции захватила воображение комментаторов. А потом, лишь несколько дней спустя – бомба: заявление об отставке Макмиллана, находящегося на больничной койке, было зачитано Дугласом-Хьюмом на партийной конференции в Блэкпуле, которая немедленно превратилась в гладиаторскую битву претендентов на лидерство.

Но настоящая битва за лидерство в Консервативной партии шла в другом месте. Незаметность хода событий объяснялась тем, что Гарольд Макмиллан дал понять, что он предпочитает Квинтина Хогга Рэбу Батлеру, таким образом, остановив торжество последнего и подготовив основания для «появления» Алека Дугласа-Хьюма.

В понедельник после конференции мне позвонили из офиса партийного организатора, чтобы узнать мое мнение о претендентах на лидерство. Я сначала сказала, что поддержала бы Рэба против Квинтина, потому что он просто больше подходил из них двух. Затем меня спросили, что я думаю об Алеке. Это открывало возможность, которую я не предвидела. «А это конституционно возможно?» – спросила я. Меня заверили, что да. Я не медлила с ответом: «Тогда я – за Алека».

Когда Алек Дуглас-Хьюм стал министром иностранных дел в июне 1960 г., я выразила свои сомнения в разговоре с Бетти Харви Андерсон (член парламента от Ренфрушир Ист). Я думала, что среди министров Палаты общин должен быть подходящий кандидат на этот пост. Я помнила, что Иден отказался отдать пост министра иностранных дел лорду Солсбери якобы на этих основаниях. Но Бетти сказала мне, что Алек выдающаяся личность и заслуживает эту должность. Тогда я решила прочесть первую речь нового министра иностранных дел в «Хансарде» { Официальный отчет о заседаниях британского парламента. }. Это был мастерский обзор западно-восточных отношений, который придавал особое значение необ-

ходимости сдерживания Советского Союза, а также переговорам с ним и подчеркивал важность наших отношений с Соединенными Штатами. Алек тогда и позже умело совмещал дипломатический талант с ясностью видения, и у него были шарм, лоск и внимание к деталям, качества, необходимые для первоклассного ведения переговоров.

Кроме того, Алек Дуглас-Хьюм был хорошим человеком, а это не следует недооценивать, когда человек претендует на влиятельный пост. Он еще был, в лучшем смысле этого слова, «бесклассовый». Всегда чувствовалось, что он обращается с тобой не как с «категорией», но как с человеком. И он действительно слушал, это я узнала, когда обсуждала с ним большой вопрос о денежном пособии овдовевших матерей.

Но пресса была почти единогласно против него. Его легко было изобразить в карикатурном виде как недоступного аристократа, скачок назад к худшему типу тори-реакционера. К 1964 г. британское общество вошло в большую фазу либерального конформизма, выдаваемого за индивидуальное самовыражение. Только прогрессивные идеи и люди были достойны уважения со стороны все в большей степени самоосознающего и самоуверенного класса журналистов.

Как они смеялись, когда Алек сказал, что он использует спички, работая над экономическими концепциями. Какой контраст с экономическими моделями, к которым был привычен блестящий ум Гарольда Вильсона. Никто не задумался спросить, была ли слабость британской экономики фундаментально простой или лишь поверхностно сложной. На самом деле, если бы политики говорили честно и использовали простые примеры, чтобы люди могли понять их стратегии, мы могли бы избежать упадка.

При этом, несмотря на критику прессы, несмотря на хаотический конец правительства Макмиллана, несмотря на правильную, но несвоевременную отмену системы поддержания розничных цен, которая сильно настроила представителей малого бизнеса против консерваторов, – мы почти победили на парламентских выборах 1964 г. Это произошло потому, что при внимательном взгляде на программу Лейбористской партии было очевидно отсутствие в ней смысла. Но в основном заслуга нашего политического возрождения принадлежала Алеку.

В прессе ходили слухи, что я не смогу удержать Финчли. Либералы мертвой хваткой вцепились в старый городской совет Финчли, хотя в мае 1964 г. они добились гораздо меньшего успеха на выборах в новый муниципальный совет Барнета. Новый энергичный кандидат от либералов Джон Пардоу строил свою кампанию в основном на решении местных вопросов, тогда как я держалась национального масштаба, говоря о том, как обеспечить процветание без инфляции.

Я всегда нервничаю в день выборов, но в 1964 г. меня вопреки предсказаниям о моем поражении, звучавшим с самого начала кампании, волновала не столько моя победа в Финчли, сколько результат консерваторов в целом. Выборы подтвердили мою правоту. Я выиграла у Джона Пардоу большинством голосов с преимуществом почти в 9000. Но моей работе в министерстве на Джон Адам-стрит пришел конец, поскольку лейбористы обеспечили себе большинство, обойдя нас на четыре места. Тринадцать лет у власти для консерваторов кончились, и пришло время фундаментального переосмысления философии Консервативной партии, увы, не в последний раз.

Глава 5 Мир теней

Перевод Резницкая Т.В.

Оппозиция, 1964 – 1970

Консервативная партия всегда предпочитала застрелить пианиста, но не сменить мотив. Это подтвердилось после нашего проигрыша. Всякий озабоченный развитием Консервативной партии задумался бы, не объясняла ли устоявшаяся тенденция сражением на социалистической платформе то затруднительное положение, в котором оказалась партия. Тогда после более или менее неизбежного поражения на следующих выборах, ибо в стране было ощущение, что лейбористам нужен был значительно больший рабочий перевес голосов, если они собирались осуществить свою программу, настало время подумать о смене лидера. Я надеялась и действительно наивно ожидала, что партия сплотится под началом Алека Дугласа-Хьюма. Позднее мне сказали, что сторонники Теда Хита и другие жаждущие сместить Алека активно действовали за кулисами; но я узнала об этих таинственных интригах, когда было слишком поздно. Я была потрясена и расстроена, когда Алек на заседании «Комитета 1922 года» сказал, что намерен уйти в отставку; а еще более того была поражена тем, как очевидно он был несчастен.

Реджи Модлинг и Тед Хит были в целом двумя фигурами, считавшимися серьезными претендентами на лидерство, которое должно было решиться голосованием среди членов парламента. Считалось, что у Реджи больше шансов. Хотя его деятельность на посту канцлера казначейства подверглась серьезной и оправданной критике, не было сомнений в его опытности, блестящем интеллекте и влиянии в Палате. Его главной слабостью была некоторая леность, частый спутник тех, кто знает, что они от природы умнее, чем окружающие.

У Теда был совершенно другой характер. Он был методичным, сильным и в вопросе, стоявшем для него выше всех прочих – Европа, человеком несгибаемой решимости. Будучи министром финансов теневого кабинета, он имел возможность проявить свои способности, энергично взявшись за финансовый законопроект, который в те дни обсуждался в парламенте. Тед считался несколько правее Реджи, хотя оба они были центристами. Реджи более склонялся к Европейской ассоциации свободной торговли, а Тед убеждал парламент, что ЕЭС было жизненно необходимо. Но их подход к специфическому политическому курсу вряд ли влиял на вопрос, кого нужно поддержать.

Я знала Реджи как члена парламента от соседнего избирательного округа Барнет, и мне нравилось сочетание в нем шарма и острого интеллекта. Личность Теда мне казалась во многом превосходной, но он был лишен обаяния. Возможно, он был более естественен в разговорах с мужчинами, нежели с женщинами. Мне казалось, что хоть я и знаю его долгие годы, в некотором смысле я не знаю его вовсе. Я не чувствовала в то время никакой враждебности, просто отсутствие человечности. Ни тогда, ни позже я не считала любезность важным качеством лидера. И все же, приняв во внимание все нюансы, я собиралась голосовать за Реджи Модлинга.

Кит Джозеф убедил меня изменить решение. К тому времени он был моим другом. Мы вместе работали над пенсионной политикой в 1964–1965 гг. Как и на всех, кому доводилось с ним общаться, он производил впечатление силой своего ума и глубиной своего сочувствия. Кит пошел в политику по тем же причинам, что и многие левые: он хотел улучшить долю простых людей, особенно тех, кто вел неполноценную жизнь. Много шуток было сказано,

лучшие из них принадлежали самому Киту, о том, как изменились его отношение и направление его политики относительно жилищных условий, и здравоохранения, и социальных льгот. Но главной нитью оставался его поиск правильного ответа на вопрос, как разрешить проблемы человеческого страдания. Так что я со вниманием выслушала его, когда он позвонил по телефону и сказал, что, поскольку он знает, что я намереваюсь голосовать за Реджи, я должна подумать. Кит видел слабости Реджи, но предпочитал говорить о сильных сторонах Теда. Он обобщил их словами: «Тед страстно желает помочь Британии». И конечно, этого же хотел Кит, и этого хотела я.

Это стало решающим моментом. К разочарованию Реджи Модлинга и его личного парламентского секретаря Нила Мартена, я сказала им, что отдам свой голос Теду Хиту. Так же решили многие. Тед с явным большинством вышел вперед в первом голосовании, Реджи снял свою кандидатуру, что сделало второе голосование ненужным.

Мне было приятно получить новую должность от нового лидера. Я поменяла место представителя теневого кабинета по делам пенсий на такое же в сфере жилищного строительства и земельного управления под руководством моего прежнего босса Джона Бойда-Карпентера. При этом я всегда ценила полученные знания о системе социального страхования как один из самых важных аспектов моего обучения на пути к посту премьер-министра. Теперь, когда мы были в оппозиции, было трудно противостоять увеличению размера пенсий и социальных выплат, которое осуществляло лейбористское правительство: только позднее стали очевидны финансовые последствия этого роста расходов.

Как и ожидалось, Гарольд Вильсон созвал внеочередные выборы в конце марта 1966 г. В результате последовало поражение консерваторов, а большинство лейбористов (с преимуществом в девяносто семь мест) было равно ожидаемым. Мы провели скучную кампанию на основе шаткого предвыборного манифеста «Действия, не слова», который детально обобщал влияние Теда на политику. Все это рассматривалось как продолжение победы Вильсона в 1964 г., и Теда никто не винил. Мне было приятно победить с преимуществом в 9464 голоса, на сей раз Лейбористскую партию, оттеснившую либералов на третье место. Но это было тяжелое время. Дэнис знал о моем настроении и купил мне кольцо вечной любви, чтобы меня подбодрить.

Я сделала еще один шаг вперед, когда Тед Хит назначил меня представителем казначейства по налоговым вопросам под руководством министра финансов теневого кабинета Иэна Маклеода. В прессе ходили слухи, что меня продвинули в теневой кабинет, но я на это не надеялась. Я теперь знаю, прочтя мемуары Джима Прайера {«Равновесие власти» (1986), стр. 42.}, что мою кандидатуру действительно рассматривали, но Тед Хит довольно пророчески выступил против, утверждая, что если бы меня ввели в кабинет, «они бы больше никогда [меня] из него не вывели».

Как адвокат по налогам я уже хорошо ориентировалась на новом месте. Хотя у меня не было формального образования в сфере экономической теории, я легко оперировала понятиями и всегда имела четкое представление о том, как должны расходоваться государственные деньги. Побывав на посту младшего министра, ответственного за пенсии, я обнаружила, что, обладаю тем типом ума, что позволяет схватывать технические нюансы и понимать довольно сложные вычисления. Но это, однако, не означало, что можно позволить себе расслабиться.

Я не просто чувствовала, что подхожу для новой работы, это было очень выигрышное время для ее начала. Непоследовательность и безответственность социалистического управления экономикой стали явными. Оптимистические прогнозы Национальной программы Джорджа Брауна, опубликованной в сентябре 1965 г., стали камнем на шее лейбористов, так как предсказания экономического роста не оправдались. Предвыборные обещания Лейбористской партии «не повышать резко налоги» были нарушены, когда с объявлением бюджета в мае 1966 г. был введен выборочный налог на занятость, по сути, налог на фонд заработной

платы, особенно сильно ударяющий по предприятиям сферы обслуживания. Мне предстояло противостоять этому.

Лейбористское правительство было уверено в своих особых отношениях с профсоюзами, способных обеспечить добровольное ограничение доходов в качестве средства контроля инфляции. Но Декларация о намерении, в декабре 1964 г. представленная под звуки фанфар совместно правительством и Британским союзом тред-юнионов, провалилась. В июле 1966 г. «добровольность» была отменена. Было объявлено, что на полгода заработная плата будет заморожена, а в следующие полгода последует строгое ограничение заработной платы. Планировалось замораживание цен на год, и было выдвинуто прошение о том, чтобы ограничение применялось и к дивидендам на этот срок. Организованное лейбористами Национальное управление по ценам и доходам получало полномочия требовать заблаговременное (за один месяц) извещение о повышении любой цены и любого заработка и полномочия правительственным декретом отсрочивать их увеличение на срок до трех месяцев. Правительство могло наложить запрет на повышение этой цены или заработной платы. Борьба против этой политики была одной важной частью моих задач.

Готовясь к своему первому важному выступлению в Палате общин в новой роли, в библиотеке Палаты общин я прочла все речи касательно бюджета и финансовых законопроектов со времен войны. Таким образом, я смогла продемонстрировать несколько смущенному Джиму Каллагену, тогда канцлеру казначейства, и Джеку Даймонду, его главному секретарю, что это был бюджет, не способный обеспечить даже незначительные концессии в сфере социальных услуг. Затем я атаковала выборочный налог на занятость, полный нелепостей, которые я с удовольствием вытеснила. Попытка противопоставить производство и сферу обслуживания, перенесение налогового бремени на вторую и передача денег в качестве субсидий первому была, очевидно, неэффективной. Вот как я оценила это в своем выступлении: «Чем бы налог на фонд заработной платы ни был, он предстает образцом чрезвычайно плохого управления. Как бы я хотела, чтобы Гилберт и Салливан были живы, чтобы у написать оперу на эту тему».

Нашим в парламенте речь понравилась. Появился хороший отклик в прессе, «Дейли Телеграф» заметила: «Потребовалась женщина, чтобы ткнуть министров казначейства лицом в грязь, а затем их прихлопнуть». В другой газете Иэн Маклеод написал несколько великодушных строк о моем выступлении.

Той осенью я пользовалась заметками, что давало возможность быть спонтанной и вставлять шутки или насмешки под влиянием минуты. Хотя прения касались налогообложения, одобрением было встречено то, что я сказала о манере, в которой правительство подмывало правовую норму дискреционными полномочиями, которые оно применяло в политике доходов и налоговой политике. Надо признать, что я несколько преувеличила, сказав: «Все это в корне неправильно для Британии. Это шаг не просто в сторону социализма, но в сторону коммунизма». Новая и близкая к левым взглядам газета «Сан» заметила: «Яростная блондинка крушит все на своем пути».

В октябре 1967 г. Тед посадил меня на министерскую скамью как представителя Министерства энергетики и сделал членом теневого кабинета. Возможно, мои выступления в Палате общин и рекомендация Иэна Маклеода преодолели сопротивление со стороны Теда. Моей первой задачей стало прочесть все свидетельские показания, данные в ходе расследования о причине ужасной катастрофы в Аберфане в прошлом году, когда сто шестнадцать детей и двадцать восемь взрослых погибли в результате отвала породы, обрушившегося на шахтерский городок в Уэльсе. Родители многих жертв присутствовали в здании парламента во время дебатов, и я им сочувствовала. Национальное управление угольной промышленности подверглось суровой критике, и в результате кто-то, я полагала, должен был уйти в отставку, хотя я не стала озвучивать этого умозаключения прямым текстом в речи, произне-

сенной мной в парламенте в качестве представителя теневого кабинета. То, что раскрывалось в докладе, заставило меня осознать, как легко в большой организации предположить, что кто-то другой предпринял неправильные действия и должен принять на себя ответственность. Эту проблему промышленной цивилизации еще предстоит решить.

Вне парламента мой главный интерес сосредоточился на поиске схемы приватизации производства электроэнергии. С этой целью я посещала электростанции и искала совета у своих знакомых бизнесменов. Но это оказалась бесполезной затеей, я не пришла к приемлемым решениям вплоть до того времени, когда снова сменила портфель, приступив в вопросах транспорта в октябре 1968 г. Парламент только что одобрил важный законопроект по реорганизации железных дорог, национализации автобусных компаний, учреждению нового Национального управления грузовых перевозок. Я выступала против национализации портов. Но, в общем, транспорт оказался задачей с ограниченными возможностями.

Как член теневого кабинета я присутствовала на его еженедельных заседаниях, обычно по средам, в парламентском кабинете Теда. Обсуждения были достаточно спокойными. Мы начинали с обзора парламентских дел на неделю и договаривались, кто и по какому вопросу будет выступать. Могли заслушать доклад, представленный одним из коллег. Но, зная, что наши взгляды сильно разнились, особенно по темам экономической политики, принципиальные вопросы обычно открыто не дискутировались.

Со своей стороны я не делала сколь-либо значительного вклада в работу теневого кабинета. Об этом меня и не просили. Для Теда и, возможно, остальных я была в основном предписанная по уставу женщина, чьей главной задачей было объяснять, что «женщины» – Кири Те Канава, Барбара Картленд, Эстер Рантцен, Стелла Римингтон и все остальные представительницы нашего пола думали по поводу спорных вопросов. Мне, конечно, очень нравился Алек Дуглас-Хьюм, в ту пору теневой министр иностранных дел, и я прекрасно ладила с большинством моих коллег, но при этом у меня было лишь три настоящих друга: Кит Джоузеф, Питер Томас и Эдвард Бойл, хотя Эдвард к тому моменту придерживался противоположного крыла Консервативной партии.

Атмосфера на наших заседаниях, конечно, осложнялась тем фактом, что многие ведущие фигуры были в несколько натянутых отношениях друг с другом. Тед играл роль партийного лидера без настоящей уверенности. Реджи Модлинг, заместитель лидера, так никогда и не оправился от своего поражения в борьбе за лидерство. Иэн Маклеод был самым политически острым среди нас, причем будучи превосходным публичным оратором, он был довольно скрытной личностью. Он к тому же утратил взаимопонимание со своим старым другом Иноком Пауэллом, который все больше вовлекался в вопросы иммиграции, тема, по которой Иэн стоял на противоположной точке зрения. Несомненно, Инок обладал острейшим умом, он был знаток классики, историк, экономист и библист. Совершенно в иной манере, чем Иэн, он был ярким публичным оратором и был способен захватить любую аудиторию своей безупречной логикой и контролируемой страстностью. Но что касается теневого кабинета, на этом этапе он был довольно сильно углублен в себя. Его не любил и, возможно, боялся Тед Хит.

В понедельник 26 февраля 1968 г. теневой кабинет обсуждал законопроект правительства об иммиграционной политике в отношении стран Содружества, предлагавший ввести новые иммиграционные ограничения. Сделанное на предыдущей неделе заявление излагало принципы, на основе которых мы должны оценить законопроект. Тед Хит сказал, что теперь теневому кабинету нужно решить, в достаточной ли мере законопроект соответствует необходимым условиям. Он не предусматривал ни регистрацию иждивенцев, ни апелляцию тех, кому было отказано во въезде, ни финансовую помощь для добровольных репатриантов. Было решено поддержать законопроект, но внести соответствующие поправки. Иэн Маклеод сказал, что он проголосует против законопроекта, и он был верен своему слову.

В среду 10 апреля теневого кабинет обсуждал законопроект о расовых отношениях. Тед открыл дискуссию. Он сказал, что, хотя законопроект имеет много недостатков, но необходим некоторый юридический механизм, дабы улучшить перспективы цветных иммигрантов в Британии. Квинтин Хогг, министр внутренних дел теневого кабинета, изложил свои взгляды. Он полагал, что закон необходим, но следует внести поправки. Однако он отметил, что рядовые члены парламента были очень враждебно настроены к этому законопроекту. Реджи Модлинг согласился с Квинтином по обоим пунктам. В последующем обсуждении, в котором я не принимала участие, главным в ходе полемики стал вопрос, может ли, при всех недочетах законопроекта, голосование против него на втором чтении быть воспринято как расизм. Точка зрения теневого кабинета заключалась в том, что наилучшей гарантией хороших расовых отношений будет уверенность, что число будущих иммигрантов не будет слишком велико и что существующее земельное право будет сохранено. В конце было принято решение, что будут созданы аргументированные поправки. Кит Джозеф, Эдвард Бойл и Роберт Карр, представители либерального крыла, воздержались изложить свою точку зрения до ознакомления с поправками. В конечном итоге они поддержали законопроект.

В воскресенье 21 апреля 1968 г., за два дня до дебатов, я обнаружила, что первые полосы газет посвящены речи по вопросу иммиграции, которую Инок Пауэлл произнес накануне в Бирмингеме. Это было резкое выступление. Но я поддерживала суть его аргументов о масштабе иммиграции из стран Содружества в Британию. Я полагала, что она угрожает не просто общественному порядку, но и образу жизни некоторых населенных пунктов, которые и так переживали трудные времена из-за зависимости от системы социального страхования и зарождения «общества вседозволенности». Я была также убеждена, что, как бы ни звучали вырванные цитаты из его речи, Инок не был расистом.

Примерно в одиннадцать утра позвонил телефон. Это был Тед Хит. «Я обзваниваю всех, кто состоит в теновом кабинете. Я пришел к выводу, что Инок должен уйти». Это было скорее утверждение, чем вопрос. Но я сказала, что лучше дать делу остыть, нежели обострять кризис. «Нет, нет, – сказал он. – Он обязательно должен уйти, и большинство думает, что он должен уйти». И в самом деле, как я узнала позже, несколько членов теневого кабинета подали бы в отставку, если бы не ушел Инок. Долговременные последствия ухода Инока оказали влияние на гораздо большее, чем иммиграционная политика. Инок был свободен развивать философский подход по ряду политических вопросов, не будучи связанным коллективной ответственностью.

То, что Инок проповедовал в полной изоляции, одновременно давало преимущества и ставило в невыгодное положение тех из нас, кто держался правого крыла в теновом кабинете и позднее кабинете министров. С одной стороны, он сдвинул основу политических дискуссий вправо и таким образом дал возможность озвучивать доктрины, которые без этого было бы обвинены в экстремальности. С другой стороны, такой жестокой была вражда между Тедом и Иноком, что сомнение по поводу любого политического курса, предложенного лидером, вероятнее всего, было бы заклеено как предательство.

Кроме того, сам факт, что Инок выдвигал все свои взгляды как часть целой системы, делал еще более трудной возможность выразить согласие с одним или двумя из его положений. Например, аргументы против политики цен и доходов, интервенции и корпоратизма были бы встречены гораздо лучше, если бы не были связаны с взглядами Инока на иммиграцию или Европу.

В это время другие консерваторы фактически независимо друг от друга двигались в одном направлении, за явным исключением европейского вопроса. Тед дал мне возможность наметить план действий. Ежегодная лекция Политического центра партии проводится, дабы дать пищу для размышлений участникам партийной конференции тори. Выбор оратора обычно осуществляет партийный лидер. Несомненно, либо тот, кто проводил опросы

общественного мнения, либо партийный советник предположил, что хорошей идеей было бы дать мне выступить на тему, вызывающую к «женщинам». К счастью, я сама могла выбрать тему, и я остановилась на той, что касалась думающих людей обоего пола: моим докладом стало «Что не так с политикой?».

Я начала с перечисления причин, почему возникло разочарование в политике. Кое-что можно было объяснить ростом критической настроенности под воздействием образования и средств массовой информации, но в основном проблемы были на совести самих политиков. Среди политических программ преобладали серии обещаний, чье влияние было тем более велико из-за роста «государства всеобщего благоденствия». Конкуренция между партиями, стремящимися предложить все более высокий уровень экономического роста, и вера, что правительство сможет его обеспечить, дали социалистам возможность повсеместно распространить государственный контроль. Это, в свою очередь, заставило простых людей чувствовать, что их жизнь и жизнь их семей от них не вполне зависят.

Левые уверяли, что решение лежит в создании структур, которые обеспечили бы более демократическое «участие» в принятии политических решений. Но реальная проблема была в том, что политика вторгалась во все, даже туда, что было за ее пределами. В то же время увеличение роли государства развило политическую одержимость размерами, веру в то, что крупные компании обеспечивают эффективность. На самом деле все было наоборот. Малый бизнес, семейный и индивидуальный, должен был оказаться в центре внимания. Помимо этих общих размышлений, моя лекция в Политическом центре Консервативной партии также содержала раздел о политике цен и доходов. Хотя я придерживалась линии теневого кабинета, который порицал политику принудительного сдерживания, я включила абзац, который гласил: «Сегодня мы придаем так много значения контролю доходов, что слишком мало внимания уделяем ключевой роли государства *в контроле денежной массы* и управлении спросом. Больше внимания к этой роли и меньше пристального контроля, направленного вовне, достигнут лучших результатов для экономики. Это будет означать, конечно, что правительство должно применить к себе некоторые ограничения на расходы, которые оно так старательно возлагает на других. Это будет означать, что расходы в огромном государственном секторе будут не больше, чем суммы, полученные из фонда налогов плюс реальная экономия».

В ретроспективе мне очевидно, как далеко простиралось мое понимание вопроса и как далеко мне еще надо было идти. Я пришла к пониманию, что для контроля инфляции денежная масса была центральным моментом при любой политике. Я не видела ни того, что это делало любой род политики доходов неуместным, ни что кредитно-денежная политика сама была методом, с помощью которого нужно было управлять спросом.

К тому моменту (1968 г.) смещенное к левым взглядам единодушие по экономической политике было неэффективным. Но новый либеральный консенсус по моральным и социальным проблемам таковым не был. То есть люди на влиятельных постах в правительстве, СМИ и университетах сумели навязать либеральные столичные взгляды обществу, которое все еще придерживалось в значительной степени консервативной морали. 1960-е застали Британию у истоков процесса, разделившего традиционные христианские ценности и власть государства. Для подавляющего большинства, включая меня, это был вопрос реформ, необходимых, чтобы справиться со специфическими проблемами, в некоторых случаях жестокими и несправедливыми.

Так что в 1966 г. я проголосовала за законопроект Л. Эбса, отменяющий уголовную ответственность за гомосексуальное поведение наедине при обоюдном согласии между людьми старше двадцати одного года. В том же году я проголосовала за законопроект Д. Стила о легализации аборт в случае, если велик риск того, что ребенок родится физически или умственно неполноценным и, если для женщины стать матерью физически и мате-

риально трудно. В обоих случаях я исходила из собственных практических наблюдений. Например, когда я была адвокатом, меня потрясло унижение, которому подвергся на скамье подсудимых вполне солидный мужчина, когда были обнаружены его гомосексуальные связи.

С другой стороны, некоторые аспекты либеральной программы, как мне казалось, шли слишком далеко. Реформа закона о разводе была таким случаем. Общаясь с избирателями в своем округе, я разговаривала с женщинами, жизнь которых превратилась в мучение из-за жестокости мужей. Для них замужество было тюрьмой, из которой они не могли вырваться. В таких ситуациях развод мог быть единственным ответом.

Но если бы развод стал легко достижим, это повлияло бы на прочность браков. Если люди смогут легко отказаться от своих обязательств, они, вероятнее всего, будут менее серьезны, изначально принимая на себя эти обязательства. Меня беспокоила судьба покинутого супруга. Еще больше меня беспокоило то, что станет с детьми от распавшегося брака, если мужчина (или женщина) решит завести вторую семью. Так что в 1968 г. я была среди меньшинства, проголосовав против законопроекта, облегчающего процедуру развода.

Развод становился возможным в случае «неразрешимых противоречий» в браке в широком смысле. Я поддержала две поправки, первая из которых делала возможной особую форму брака, который был нерасторжим (за исключением судебного решения). Вторая гарантировала, что в случае конфликта интересов между законной женой и детьми от первого брака и гражданской женой и ее детьми первые получали приоритет.

Кроме того, в 1965 г. я голосовала против законопроекта С. Силвермана об отмене смертной казни за убийство. Как и все другие законопроекты, перечисленные выше, этот прошел в парламенте, но с поправкой консерваторов относительно того, что время действия закона истекает к концу июля 1970 г., в случае если парламент не проголосует иначе. В декабре 1969 г. я голосовала против того, чтобы закон стал постоянным.

Я верила, что государство имеет обязанность сдерживать и наказывать насильственные преступления и защищать законопослушных граждан. Как ни скупое ее нужно использовать, сила лишать индивидуума свободы и при определенных обстоятельствах самой жизни неотделима от верховной власти государства. У меня никогда не было ни малейшего сомнения, что почти во всех случаях высшая мера наказания может оказать влияние на потенциального убийцу. И смертная казнь оказывает устрашающее воздействие. По моему мнению, сложность вопроса заключается в возможности казни невинного человека, что иногда имело место. Эти трагические случаи необходимо соотносить с судьбами возможных новых жертв осужденного преступника, который по выходе на свободу может вновь совершить преступление. Убеждена, что потенциальная жертва заслуживает защиты, которую дает лишь существование смертной казни.

Что касается аборт, гомосексуализма и реформы закона о разводе, очевидно, что все обернулось не так, как планировалось. Можно сказать, что эти реформы проложили путь к более черствому, эгоистичному и безответственному обществу. Реформа закона об абортах была главным образом направлена на то, чтобы остановить молодых женщин от совершения подпольных аборт, но это не означало, что аборт должен стать просто «выбором». И все же вопреки всеобщей доступности контрацептивов количество аборт продолжает расти.

Гомосексуальные активисты, отстаивавшие права на свой образ жизни, теперь требовали общественного признания стиля жизни геев, равного статуса по отношению к гетеросексуальной семье и даже легального права эксплуатировать сексуальную неуверенность подростков. Реформа закона о разводе внесла свой вклад в увеличение числа разрушенных семей, в результате чего так много детей растет без постоянной опеки и любви обоих родителей.

Проголосовала ли бы я по-другому за эти законопроекты? Сейчас я вижу, что мы смотрели на вещи слишком узко. Как адвокат, я полагала, что главным является то, что закон

должен быть осуществимым, а его применение справедливым. Но законы имеют и символическое значение: это указательные столбы на дороге общественной жизни, то, как законодатели определяют направление их развития. Если собрать все «либеральные» реформы 1960-х вместе, они предстанут как новая система взглядов, которая определяет поведение новых поколений.

Наиболее ярко это проявилось в Соединенных Штатах. Я впервые посетила США в 1967 г., приехав туда по одной из программ «лидерства», проводимой американским правительством с целью собрать перспективных молодых политических и деловых лидеров. В течение шести недель я объехала страну вдоль и поперек. Радостное волнение, которое я тогда испытала, не утихло. На каждой остановке меня встречали и предоставляли жилье дружелюбные, открытые, щедрые люди, приглашавшие меня в свои дома и с очевидной гордостью показывавшие мне свои города и поселки.

Кульминацией стал мой визит в космический центр НАСА в Хьюстоне. Я познакомилась с программой подготовки астронавтов, которая уже два года спустя помогла человеку шагнуть на Луну. Как живой образец «утечки мозгов», от которой страдала чрезмерно контролируемая, задавленная налогами Британия, я встретила человека из Финчли, который уехал работать в НАСА, где мог реализовать свои таланты. Я не видела в этом ничего плохого и действительно была рада, что британский ученый делает такой важный вклад. Но Британия теряла возможность конкурировать даже в более скромных сферах технологии, раз мы не были готовы научиться экономике свободного предпринимательства.

Я посетила Москву с любезным Полом Ченноном и его женой. Наша насыщенная программа включала достопримечательности не только Москвы, но и Ленинграда (бывшего, ныне опять Санкт-Петербурга) и Сталинграда (Волгограда). Но хотя названия городов могли меняться, пропаганда оставалась прежней. Это был неослабевающий, бесконечный поток статистики, доказывающей промышленное и социальное превосходство Советского Союза над Западом. Возле картинной галереи, которую я посетила, стояла скульптура кузнеца, выковывавшего молотом меч. «Это символ коммунизма», – с гордостью сообщил мне гид. «Вообще-то нет, – ответила я. – Это из Ветхого Завета: «И перекуют мечи свои на орала, и копья свои на серпы». Воскресная методистская школа приносила свои плоды.

И все же, несмотря на официальную пропаганду, серые улицы, пустые магазины и плохо содержавшиеся блочные дома для рабочих, в общении проглядывала человечность русских. Я не сомневалась в подлинности слез, когда пожилые люди в Ленинграде и Сталинграде рассказывали мне о своих страданиях во время войны. Молодые люди из Московского университета, с которыми я общалась, хоть и чрезвычайно осторожные в выражениях, ибо, конечно, знали о том, что находятся под наблюдением КГБ, были в восторге от возможности узнать о жизни на Западе.

По возвращении в Лондон я была переведена в департамент образования теневого кабинета. Эд. Бойл оставлял политику, чтобы стать вице-канцлером Лидского университета. К этому моменту усилилась оппозиция рядовых членов на партийных конференциях против его слабой защиты классических школ. Хотя наши взгляды не совпадали, мне было жаль, что он уходит, я знала, что мне будет не хватать его ума, сердечности и честности. Но для меня это было продвижением, даже при том, что я была запасным кандидатом после Кита Джозефа. Я получила пост.

Я была рада новым обязанностям. Сама я достигла всего благодаря бесплатному (или почти бесплатному) хорошему образованию, и я хотела, чтобы у других был такой же шанс. Политика социалистического образования, ведущая равнение на низкие стандарты и отказывающаяся одаренным детям в возможности делать успехи, была главной тому преградой. Еще я была в восторге от близости к науке, ибо в те дни это было Министерство образования и науки.

Образование на тот момент стало главным предметом споров в политике. С момента прихода к власти в 1964 г. Лейбористская партия делала все, чтобы превратить школьную систему среднего звена в единую общеобразовательную, и ввела ряд мер, чтобы заставить местные органы образования утвердить планы для осуществления этих перемен. Сложности обоснования нашей позиции скоро стали для меня очевидными.

Теневой кабинет и Консервативная партия резко разделялись во мнении относительно средней школы и в особенности по поводу экзамена «11-плюс», благодаря которому дети проходили отбор в возрасте одиннадцати лет. Сразу следует признать, были те, кто не имел интереса к государственному образованию, потому что они сами и их дети ходили в частные школы. Эта группа была склонна прислушаться к доводам политической целесообразности. Но были и такие, кто сам или их дети не могли поступить в классическую школу и были разочарованы уровнем образования, полученным в средней современной общеобразовательной школе. И наконец, были люди, которые подобно мне учились в классической школе, были сильно настроены против ее уничтожения и несколько не смущались, выступая за экзамен «11-плюс».

Но к тому времени, когда я получила свой портфель, группа, вырабатывающая политику партии, уже представила доклад, и сама политика была в основном утверждена. Она содержала два основных аспекта. Мы решили сконцентрироваться на улучшении начальных школ. Чтобы максимально облегчить дебаты об экзамене «11-плюс», мы сделали акцент на автономности местных органов образования в принятии решения о сохранении классических школ или введении общеобразовательных.

Убедительными доводами в пользу этой программы было, во-первых, то, что улучшения в образовании младших детей были жизненно необходимы, поскольку требовалось остановить очевидную тенденцию к росту тех, кто не умел читать и считать, и, во-вторых, то, что сохранение классических школ позволяло противостоять централизации. В то же время не было смысла тратить крупные суммы на детские сады и начальные школы и их преподавательский состав, если образовательные методы и установки были неверными. Не могли мы в долгосрочной перспективе защищать классические школы – или, если на то пошло, частные школы, дотационные школы и даже дифференцированные общеобразовательные школы, не отстояв основной принцип.

В пределах согласования политики и реальности, я пошла так далеко, как могла. Для многих это было слишком далеко, как я узнала, когда вскоре после моего назначения была приглашена на встречу с журналистами по вопросам образования в отель «Камберленд» в Лондоне. Я изложила, как обстоят дела с классическими школами и современными общеобразовательными. Те дети, что не блистали в академических дисциплинах, могли научиться многому в отдельной средней современной школе, чего они никогда бы не добились, находясь в постоянной конкуренции с более одаренными детьми.

Я была абсолютно готова к тому, что экзамен «11-плюс» может быть заменен или модифицирован более поздним тестированием ребенка в процессе его обучения. Я знала, что можно перевести тех, кто позднее будет успешно учиться в современной общеобразовательной школе, в местную классическую школу, чтобы должным образом развить их способности, но признавала, что многие современные общеобразовательные школы обеспечивали второсортное образование. Для исправления этого нужно было повысить их стандарты, а не понизить стандарты классических школ. Только двое из присутствующих в отеле «Камберленд» журналистов были согласны со мной. В целом я столкнулась с враждебностью и непониманием. Это сделало для меня очевидным господство социалистического мышления среди тех, чья задача была обеспечивать общественность информацией об образовании.

Надо было решить и менее важные вопросы в образовательной политике консерваторов. Я старалась, чтобы в предвыборный манифест вошло безоговорочное обязательство

поднять возрастную планку окончания школы до шестнадцати лет, и преодолела некоторые сомнения со стороны департамента казначейства. Столкнулась я и с сильной оппозицией со стороны Теда Хита, когда во время нашей дискуссии в парке Сэлсдон в начале 1970-х я утверждала, что манифест должен поддержать новый независимый Букингемский университет. Я проиграла эту битву, но получила-таки разрешение упомянуть университет в своей речи.

Политический уик-энд в отеле «Сэлсдон Парк» в конце января – начале февраля был успешным. Мысль, что «Сэлсдон Парк» привел к радикальному смещению партийных взглядов вправо, неверна. Основные линии политического курса уже были согласованы и внедрены в черновой проект манифеста, который мы прорабатывали в деталях. Наша позиция об иммиграции также была подробно разъяснена. Наше предложение по реформе профсоюзов было опубликовано в докладе «Честная сделка на рабочем месте». Политика доходов, слегка запутанная, находилась в процессе разработки. Лейбористы фактически отказались от своей собственной политики. Не было необходимости, таким образом, затрагивать большой вопрос относительно введения некоего рода «добровольной» политики доходов. Но было ясно, что Р. Модлинг был недоволен тем, что у нас не было предложений по поводу все еще существующей «инфляции доходов». Манифест избегал и монетаристского подхода, и кейнсианского и просто гласил: «Главной причиной поднятия цен является ущербная политика лейбористов по увеличению налогов и девальвации. Принудительный контроль заработной платы, введенный Лейбористской партией, был неудачей, и мы этого не повторим».

Позднее это привело нас к неприятностям. Во время предвыборной кампании ложная уверенность в том, что высокие налоги послужили причиной инфляции, стала частью информационной записки из Центрального офиса. Эта записка позволила Лейбористской партии впоследствии заявить, что мы сказали, что снизим цены «одним ударом» посредством снижения налогов. Благодаря широкому освещению происходящего в отеле «Сэлсдон Парк» в прессе мы, посвятившие себя долгим размышлениям о стратегиях развития будущей Британии, выступили серьезной альтернативой правительству. Нам также на руку сыграло нападение Гарольда Вильсона на «сэлсдонца». Это придало нам некий ореол практичного популизма правого крыла, который пересилил несколько отчужденный образ Теда Хита. Кроме того, и сессия в «Сэлсдон Парке», и манифест Консервативной партии «Лучшее завтра» благоприятно контрастировали с блужданием, непоследовательностью и торгашеством, которые к тому моменту характеризовали правительство Вильсона.

Между нашим отъездом из «Сэлсдон Парка» и открытием предвыборной кампании в мае, однако, результаты опросов общественного мнения перевернулись с ног на голову. Трудно точно сказать, почему случилось это радикальное изменение. С парламентскими выборами в перспективе всегда есть тенденция разочарованных сторонников возвращаться к своей партии. Но правда и то, что в годы оппозиции мы всерьез не старались победить в битве идей. И на самом деле пересмотр нашего политического курса не был таким фундаментальным, каким должен был быть.

Сама кампания в значительной степени состояла из нападков лейбористов на наши политические стратегии. Со своей стороны мы, как любая оппозиция, выдвигали на первый план длинный список нарушенных лейбористами обещаний: «постоянный и стабильный промышленный рост», «отказ от политики попеременного стимулирования и сдерживания экономики», «не будут увеличиваться налоги», «не вырастет безработица», «фунт в кармане не потеряет цену», «экономическое чудо» и многие другие. Это было моей главной темой в предвыборных речах. Кроме того, я выступила с речью на ужине, организованном Национальной ассоциацией директоров школ, где обрисовала наши планы в сфере образования.

Трудно сказать, что же изменило ход событий. Довольно парадоксально, но основной вклад принадлежал двум персонам, смертельно враждовавшим между собой, Т. Хиту и И. Пауэлли. Никто не назвал бы Теда великим мастером общения, но время шло, о нем сложилось впечатление, как о любезном человеке, прямом и знающем, чего он хочет для Британии. Как сказал мне Кит пятью годами ранее: «он страстно желает помочь Британии». Это было подчеркнуто во впечатляющем предисловии Теда к предвыборному манифесту, где он критиковал «дешевый и банальный стиль управления» лейбористов и «правительство уловок». Финальное выступление Теда на телевидении показало его как честного патриота, озабоченного судьбой страны и желавшего ей служить.

Он провел хорошую избирательную кампанию. И. Пауэлл со своей стороны произнес три сильные речи о провале лейбористского правительства, побуждая людей голосовать за консерваторов. Есть статистическое подтверждение того, что вмешательство Инока помогло склонить чашу весов в нашу сторону в Уэст-Мидлендс.

Мой собственный результат был встречен бурным одобрением в Хендонском технологическом колледже, я завоевала большинство, увеличив разницу между мной и лейбористами до 11 000 голосов. Когда я пошла на прием «Дэйли Телеграф» в «Савой», очень скоро стало ясно, что опросы общественного мнения были не правы и что мы были на пути к абсолютному большинству. Пятницу я провела в своем округе, наводя порядок и рассылая обычные благодарственные письма. Я думала, что, наверное, Тед оставит в кабинете министров меня, поскольку он ко мне привык за время работы в теновом кабинете. Согласно той же логике, я, возможно, смогу остаться в Министерстве образования.

В субботу утром с Даунинг-стрит позвонил личный секретарь. Тед хотел меня видеть. Когда я зашла в его кабинет, то начала с поздравлений по поводу его победы. Тед был, как всегда, резким и деловым и предложил мне пост министра образования, который я приняла. Мы с Дэнисом вернулись в квартиру на Вестминстер Гарденс и поехали в Ламберхерст { Мы купили «Маунт», дом в псевдотюдоровском стиле с большим садом в Ламберхерсте вблизи Танбридж-Уэллс в 1965 г. В 1972 г. мы его продали и купили дом на Флуд-стрит (Челси), в котором мы жили вплоть до 1979 г., когда я переехала на Даунинг-стрит, 10. }.

К несчастью, мой отец уже умер и не мог порадоваться вместе со мной. Незадолго до его смерти в феврале я поехала в Грэнтем, чтобы навестить его. Моя мачеха Сисси, на которой отец женился несколько ранее и с которой он был очень счастлив, была постоянно возле его кровати. Пока я была в Грэнтеме, друзья по церкви, бизнесу, местной политике, клубу «Ротари» и боулинг-клубу заходили «просто поведать Альфа».

Знаю, что мой отец слушал мое выступление по радио в качестве члена правительственной комиссии как раз перед смертью. Он не успел узнать, что я стану министром, и я уверена, что не мог и предположить, что я стану премьер-министром. Он хотел этого для меня, потому что политика была такой большой частью его жизни и потому что я так сильно была на него похожа. Но он никогда не считал политическую власть самой важной или даже самой действенной вещью в жизни. Перебирая свои бумаги, чтобы собрать материал для этой книги, я наткнулась на черновые записи проповеди, принадлежавшие моему отцу и случайно сохранившиеся в моем учебнике по химии за шестой класс: «Люди, нации, расы или отдельные поколения не могут быть спасены ритуалами, властью, законом. Мы переживаем из-за всего этого, и наша вера становится слабой и нетвердой. Но все эти вещи стары, как человеческая раса... Вот почему Иисус должен был прийти». Мой отец пронес эти убеждения до самого конца.

Глава 6

Учительская лихорадка

Перевод Резницкая Т.В.

Министерство образования, 1970 – 1974

В понедельник 22 июня 1970 г. я приехала в Министерство образования и науки, располагавшееся в великолепной старой штаб-квартире на Керзон-стрит. Меня встретили постоянный заместитель министра Билл (позднее сэр Уильям) Пайл и уходящий в отставку постоянный заместитель министра сэр Герберт Эндрю. Они тепло приветствовали меня и провели в мой роскошный кабинет. Было легко оказаться в теплых волнах почитания со стороны чиновников по отношению к министру, но я сознавала, сколько работы предстоит впереди. В целом я была довольна министерской командой, которая мне досталась: один дружелюбный, один враждебный и один нейтральный. Мой старый друг лорд Экклс, генеральный казначей, был ответственным за гуманитарные науки. Билл Ван Страубензи, близкий друг Теда, имел дело с высшим образованием. Лорд Белстед представлял министерство в Палате лордов. Я была особенно рада тому, что Дэвид Экклс, бывший министр образования, был всегда готов дать мне личный совет, основанный на его знании министерства.

Мои сложности в министерстве не были связаны с конкретными персонами или в моем стиле принятия решений, отличавшемся от совещательного стиля, к которому привыкли сотрудники. На самом деле к тому времени, когда я покинула этот пост, я была в курсе, что завоевала несколько сердитое уважение, потому что знала, чего хочу, и ожидала, что мои решения будут исполнены быстро и результативно. Реальной проблемой была политика.

В Министерстве образования царил дух самодовольного социализма. По большей части здесь работали люди, сохранившие почти рефлексивную веру в способность централизованного планирования и социальных теоретиков создать лучший мир. И годы спустя после того, как люди из Лейбористской партии начали сомневаться, педагоги-теоретики все еще осознавали себя миссионерами. Равенство в образовании было не просто высшим благом вне зависимости от практических результатов уравнительной политики в конкретных школах; это был краеугольный камень в достижении равенства в обществе, что само по себе признавалось неоспоримым благом. В общем, скоро мне стало ясно, что я нахожусь не среди друзей. Мои сложности с государственной службой дополнялись тем фактом, что мы были избраны в 1970 г. вместе с принятием образовательных стратегий, которые, возможно, были менее понятными, чем казались. Во время предвыборной кампании я озвучивала семь пунктов: 1. Смещение акцента на начальные школы; 2. Развитие дошкольного образования (что согласовывалось с идеей Кита Джозефа о прекращении «цикла лишений»); 3. В среднем звене местные органы образования могли решать, что лучше для их региона, и предостережение против внесения «бесповоротных изменений в хороших школах, кроме случаев, когда... альтернатива была лучше»; 4. Поднятие минимального возраста выпускников до шестнадцати лет; 5. Поддержка дотационных и сохранение частных школ { Дотационные школы, включавшие несколько самых знаменитых и успешных средних школ Британии, имеющие высокий конкурс при поступлении, получали дотации напрямую из Министерства образования и науки и не контролировались местными органами образования. }; 6. Развитие высшего и последующего образования; 7. Проверка уровня преподавания.

Но эти обещания не выражали ясной философии. Разные люди и разные группы внутри Консервативной партии имели совершенно разные подходы к образованию, в особенности

к среднему звену и классическим школам. С одной стороны, были тори, которые поддерживали общеобразовательную систему, что мало отличало их от умеренных социалистов. С другой стороны, авторы так называемой Черной книги по образованию начали в деталях излагать радикально отличный подход, основанный на дисциплине, выборе и стандартах (включая сохранение существующих классических школ и их высоких стандартов).

В тот первый день в министерстве я принесла с собой план действий примерно из пятнадцати пунктов, который я набросала за уик-энд в старой тетрадке. После того как я подробно их изложила, я вырвала страницы и отдала их Биллу Пайлу. Первоочередным действием была отмена циркуляра 10/65 Тони Кросленда, согласно которому местные органы власти были обязаны предоставить планы реорганизации среднего образования согласно политике всеобщего образования, и циркуляра 10/66, изданного в следующем году, который не предоставлял финансирования местным органам образования, отказавшимся от единых общеобразовательных школ.

В министерстве, должно быть, знали, что это было частью нашего предвыборного манифеста, но думали, что его реализация может быть отсрочена. Я со своей стороны знала, что обещание прекратить давление на местные органы образования по вопросу преобразования частных школ в общеобразовательные имело огромное значение для наших избирателей и что было важно действовать быстро, чтобы покончить с неопределенностью. В результате даже до того как я отдала Биллу Пайлу мой план из пятнадцати пунктов, я сообщила прессе, что немедленно отменяю лейбористские циркуляры. Я даже упомянула, что это случится до королевской речи. Тревога, вызванная этим заявлением, видимо, дошла до Даунинг-стрит, поскольку мне напомнили, что политику следует согласовывать с кабинетом министров.

Что было более серьезно, я не знала, что отмена одного циркуляра требует издания другого. Мои служащие не делали секрета из того факта, что они полагали, что циркуляр должен содержать большое количество материала, излагающего взгляды министерства на предпочтительную форму среднего образования в стране в целом. Это могло занять вечность, и в любом случае я смотрела на это иначе. Сутью нашей политики было поддержать разнообразие и выбор, а не «спланировать» систему. Кроме того, поскольку необходимо было из центра представить критерий, согласно которому оценивались бы предложения по реорганизации местных органов власти, это можно было сделать сейчас в общих чертах, оставив возможность более полной разработки на потом. Было чрезвычайно трудно убедить их, что я настроена серьезно. В конце концов, я сумела сделать черновой вариант сама, после этого они решили, что сотрудничество – лучшая доблесть. В итоге короткий циркуляр – циркуляр 10/70 – был издан во вторник 30 июня: как раз вовремя, до начала дискуссии об образовании, после королевской речи в среду 8 июля.

Теперь я попала под огонь со стороны образовательного истеблишмента, потому что не созвала «нормальное совещание», которое проходит прежде, чем издается циркуляр. Я не считала необходимым извиняться. В своей речи в парламенте я сказала, что мы «просто созвали самое большое совещание из всех возможных» – парламентские выборы. Но это мало что значило для тех, кто провел последние двадцать пять лет в убеждении, что они знают, как лучше. Тед Шорт, представитель лейбористов от образования, бывший школьный учитель, зашел так далеко, что предложил, чтобы в знак протеста учителя отказывались проверять экзаменационные работы «11-плюс». Ко мне пришла делегация Национального союза учителей, чтобы выразить недовольство тем, что я сделала. Примечательно, что самым главным в их критике было то, что я «сняла с себя ответственность за формирование образовательной системы». Если бы на самом деле это было в моих силах, я не думаю, что Национальному союзу учителей понравилась бы та форма, которую бы я ей придала.

По сути, осуществляемая мной политика имела гораздо больше нюансов, чем карикатуры, создание которых она спровоцировала, хотя многое могло бы быть сказано по поводу

высмеиваемых положений. Циркуляр 10/70 отменял важные циркуляры лейбористского правительства и гласил: «Министр ожидает соображений по поводу образования в целом, местных нужд и пожеланий в частности, и надеется, что мудрое использование ресурсов будет главным принципом, определяющим местные образовательные структуры». Также прояснялось, что допущение было в основном против беспорядка: «там, где конкретная схема организации работает хорошо и заслуживает общей поддержки, министр не имеет намерения провоцировать дальнейшие изменения без достаточных оснований».

Как ни странно, но хотя местные органы образования обычно посылали планы по реорганизации контролируемых ими школ, ни эти планы, ни комментарии министра образования, на них наложенные, не имели юридической силы. Закон выходил на сцену, только когда документы были изданы в соответствии с параграфом 13 Закона об образовании 1944 г. Это требовало от местных органов образования посылать извещение в министерство об их намерении закрыть или открыть школу, существенно изменить ее характеристики или сменить возрастной диапазон учеников. На местах это давало право родителям, школьным управляющим и жителям в течение двух месяцев выразить свой протест. В национальном масштабе это давало мне, министру образования, возможность вмешаться. Закон гласил: «Любое предложение, представленное министру образования в соответствии с этим параграфом, может быть им одобрено после осуществления изменений в нем, если таковые покажутся необходимыми».

Использование этой силы для защиты конкретных хороших школ от огульной реорганизации было не только уходом от лейбористской политики, но также сознательным уходом от курса, предпринятого Эд. Бойлом, который описал параграф 13 как «резервная сила». Но как адвокат и человек, веривший, что решения об изменении и закрытии школ должны учитывать мнение местной общественности, я думала, что лучше будет основывать мою политику на параграфе 13, нежели на циркулярах. Я знала, что мои действия были предметом судебной проверки и что основания, на которых я могла вмешаться, были ограничены. И к тому времени, когда я произнесла речь в ходе дебатов, я была уже в состоянии более ясно изложить, как будет реализован общий подход.

В то время, когда даже консервативные органы просвещения были заражены вирусом общеобразовательности, мой подход давал реальную возможность спасти хорошие местные классические школы. С точки зрения управления невыгодно было то, что изучение многочисленных индивидуальных предложений означало отсрочку в ответе министерства. Меня критиковали за то, что я задерживаю намеренно, чтобы отсрочить закрытие многих классических школ, но это было несправедливо. Я была заинтересована в скором ответе.

При всей шумихе, вызванной из-за изменения политики, практические результаты были ограничены. За все время моей работы министром образования мы рассмотрели где-то 3600 предложений по реорганизации – большая часть из них была предложениями по трансформации школы в общеобразовательную, – из которых я отвергла только 325, то есть примерно девять процентов. Летом 1970 г. казалось возможным, что большее число администраций решит изменить или отменить свои планы. Например, Бирмингем, который контролировали консерваторы, представлял один из первых органов просвещения, одоббивших циркуляр 10/70. Там велось жестокое сражение, чтобы спасти тридцать шесть городских классических школ. Но в 1972 г. лейбористы захватили контроль и продвинули свои собственные планы по общеобразовательности. Я отвергла шестьдесят из 112 предложений в июне 1973 г., сохранив восемнадцать городских классических школ.

Похожим образом совет Ричмонда в Суррее отказался работать по программе, изложенной в циркуляре 10/65 лейбористского правительства, но в сентябре 1970 г. большинство проголосовало за отмену отличий между школами. У меня не было выбора, и я одобрила изменения на следующий год.

Должно быть, самые трудные решения я должна была принять по поводу совета Барнета. Там провели опрос среди родителей, из которых семьдесят девять процентов явно хотели отменить отличия между школами. Барнетский проект наткнулся на жесточайшее сопротивление, и в январе 1971 г. я получила 5400 писем протеста. В следующем месяце я одобрила проект, согласно которому закрывались две классические школы, но оставила третью. В апреле я спасла еще одну классическую школу, а в июне заблокировала еще два плана по реорганизации, сохранив среднюю современную и еще одну классическую школу.

Большая часть городских средних школ в сентябре превратилась в общеобразовательные. Местные органы власти продолжали реализовывать свои планы. Крайст Колледж и классическая школа Вудхаус были главной костью раздора. Они оставались классическими, когда я стала лидером оппозиции в 1975 г., и вошли в единую общеобразовательную систему (Вудхаус в качестве подготовительного колледжа) лишь в 1978 г., после того как лейбористский Закон об образовании 1976 г. вычеркнул параграф 13 и утвердил единую общеобразовательную систему в центре Англии и Уэльсе.

В ретроспективе очевидно, что почти одержимая озабоченность образовательными структурами характеризовала 1960-е и 1970-е гг. При этом теоретики образования демонстрировали самонадеянность, когда заявляли, что есть только одна система, которая при любых обстоятельствах и для всех будет лучше прочих.

Для меня Министерство образования стало отличной подготовкой к премьерству. Я попала под непрерывную атаку, которая лишь отдаленно была связана с моими преступлениями.

Споры вокруг классических и общеобразовательных школ приносили лишь часть неприятностей, надо признать, что многие, не только консерваторы, поддерживали меня. А кроме того, я добивалась положительных результатов. Например, я была скромно названа спасителем Открытого университета. В оппозиции И. Маклеод и Эд. Бойл публично выступали против него. И хотя его закрытие не было частью предвыборного манифеста, многие люди ждали его исчезновения. Но я была искренне увлечена идеей «Университета на радиоволнах», будучи уверенной, что это недорогой способ обеспечить широкий доступ к высшему образованию, а учителя-практики получают от него значительную пользу. Это давало людям второй шанс в жизни. При условии, что я сокращу число принимаемых студентов и найду другие способы экономии, мои коллеги по кабинету министров позволили Открытому университету продолжить работу.

Были и другие дискуссии по поводу государственных расходов осенью 1970 г. У казначейства был небольшой список по сокращению образовательного бюджета, включая сюда расходы на библиотеки, музеи, школьные обеды и молоко для учеников. Я убедила кабинет отказаться от введения оплаты за пользование библиотеками, но вынуждена была согласиться на платное посещение музеев, сохранив один день для свободного посещения.

Следующей уступкой экономии стала ликвидация бесплатных завтраков. Казалось, не было причины, по которой семьи, могущие себе это позволить, не могли бы делать чуть большие взносы в оплату школьных обедов. Я полагала, что смогу защитить эту меру, если продемонстрирую, что часть сэкономленных денег пойдет на более важные цели, нами поставленные, а именно: на осуществление строительной программы начальных школ. И в рамках бюджета Министерства образования казалось логичным, что расходы на образование важнее, чем расходы на «благополучие», которые в основном попадали под деятельность департамента социального обеспечения, которым руководил К. Джозеф.

Что касается молока, существуют разные взгляды по поводу того, насколько оно полезно для здоровья. К тому же к 1970 г. было мало малоимущих детей, для которых школьное молоко являлось существенной частью рациона. Тони Барбер, ставший канцлером казначейства в июле 1970 г., после смерти Иэна Маклеода, хотел, чтобы я вообще отменила

бесплатное школьное молоко. Но я сумела защитить политику увеличения цен на школьное питание и отмену бесплатного молока в начальных школах. Эти меры означали: дети, нуждавшиеся в молоке по медицинским показаниям, продолжали получать его вплоть до перехода в среднюю школу. В общем и целом, я эффективно отстояла образовательный бюджет.

Это обстоятельство не осталось незамеченным и в прессе. «Гардиан» отмечала: «Школьные обеды и молоко стали главными жертвами в высшей степени незначительного покушения на образовательный бюджет. Миссис Тэтчер одержала победу, сохранив важную программу по постройке школ и повернув ее в сторону замены старых начальных школ». Было приятно это читать.

Но шесть месяцев спустя мы должны были представить законопроект, отменяющий обязанность местных образовательных органов обеспечивать учащихся молоком и позволяющий им продавать его по низким ценам. Это дало парламентариям-лейбористам возможность сеять панику. Однако и до того газеты извлекли скандальные возможности из историй о школьных обедах. В частности, в одной заметке прозвучало, что некоторые местные органы образования собираются брать деньги с детей, приносящих с собой в школу бутерброд на обед. «Дети с бутербродами под угрозой штрафа» – так это выразила «Сан».

Я издала циркуляр, запрещающий такую практику. Но эта история вновь привлекла внимание к увеличению стоимости школьных обедов. Старые доводы о «позорности» льгот по нуждаемости, с которыми я познакомилась в качестве парламентского секретаря в 1960-е, снова всплыли на поверхность. Было заявлено, что дети из бедных семей, получающие право на бесплатные школьные обеды, будут унижены, когда более состоятельные дети будут платить за свои. Возможно, непродуманно я выступила по телевидению с предложением, чтобы матери посылали в школу деньги в конвертах. Учителя могли бы класть сдачу обратно в конверты. Ребенок, имевший право на бесплатный обед, приносил бы конверт с монетами, который бы ему учитель просто возвращал. Это лишь дало истории новый толчок.

В любом случае уже скоро «молочная склока» положила конец дебатам об обедах. «Гардиан» описывала образовательный «молочный» законопроект как «карательный, не имевший права быть озвученным в парламенте». «Дэйли Мэйл» посоветовала мне «подумать еще раз». «Сан» вопрошала: «А человек ли миссис Тэтчер?» Кажется, это был выступивший на партийной конференции лейборист, который подарил прессе броский заголовок «Миссис Тэтчер – воровка молока».

Когда журналисты натываются на богатую жилу, они, естественно, высасывают ее до конца. Каждый день всплывала какая-нибудь вариация на эту тему. Например, выяснилось, что лейбористский городской совет подумывал купить свое собственное коровье стадо, чтобы обеспечить детей молоком. Местные органы образования старались обойти закон, подавая на стол молочные напитки, а не молоко. Городские советы, не являвшиеся образовательными органами, предпринимали шаги, чтобы обеспечить бесплатным молоком детей в возрасте от семи до одиннадцати лет согласно закону 1963 г. А вот в Шотландии и Уэльсе действия местных советов сопровождались противозаконными актами, и разбираться с ними пришлось моим коллегам по кабинету в шотландском и уэльском департаментах. Но не было сомнений, на кого падала вина за все это. Кампания против меня достигла чего-то вроде пика в ноябре 1971 г., когда «Сан» провозгласила меня «Самой непопулярной женщиной Британии».

Я навлекла на себя максимум политической ненависти при минимуме политической выгоды. Мои коллеги и я погрязли в битвах с местными органами, и все это – за сбережение девяти миллионов фунтов, которые могли быть фактически незаметно урезаны из общего бюджета. В будущем если мне предстояло быть повешенной, то за овцу, а не ягненка.

Образ бессердечного человека, покушающегося на благополучие маленьких детей, который создали мои оппоненты и пресса, причинял мне глубокую боль, ведь я никогда

не была счастливее где-либо, чем в компании детей. Но любой политик, желающий занять высокий пост, должен быть готов пройти через нечто похожее. Некоторых это может сломать, другие становятся сильнее. Дэнис, являвший воплощение здравого смысла, великолепно прошел через это. Я выжила благодаря его любви и поддержке. Позднее я выработала привычку не читать, а просматривать все статьи и обзоры обо мне в газетах. Вместо этого я старалась полагаться на брифинги и резюме. Если то, что писала пресса, было ложным, я могла это проигнорировать, а если правдой, то я ее уже знала.

В течение 1971 г., когда меня распинали из-за ситуации со школьным молоком, я сражалась внутри кабинета по вопросу о государственных расходах. Для оправдания моего решения о школьных обедах и молоке было политически важно, чтобы программа строительства начальных школ шла, согласно плану. Внутри министерства я отвергла предложения о компромиссе с казначейством по поводу сокращения бюджета. В записке Б. Пайлу в апреле 1971 г. я изложила нашу позицию: «Нельзя согласиться на меньшее, чем в прошлом году, в данных обстоятельствах».

Я не смогла достичь соглашения с М. Макмилланом, тогдашним главным секретарем Министерства финансов, так что я обратилась, к кабинету. Но, к своему негодованию, узнала, что на Даунинг-стрит решили, что мне не будет позволено представить документы. Я написала Теду резкое письмо, указывая на давление, под которым я находилась из-за желания объявить программу школьного строительства в 1973–1974 гг., и добила согласия на представление документов в июне 1971 г. и достигла своего. Тогда в кабинете министров я добила почти всего, что хотела, для программы школьного строительства. И как раз вовремя: я смогла объявить об этом на ежегодной конференции Ассоциации образовательных комитетов в Исборне, что вызвало такие заголовки в прессе: «Рекордная программа по улучшению старых начальных школ».

Что касается моего пребывания в Министерстве образования и науки, для меня это действительно было приоритетом. Я должна была принимать решения (или соглашаться с ними) о расходах, которые делали жизнь чрезвычайно трудной. Я полагала, что в 1970-е гг. в школах не должны уже протекать крыши, не должны стоять примитивное оборудование и туалеты на улицах. Кроме того, теперь, когда мы более или менее приспособились к демографическому взрыву и количеству детей возраста начальной школы, а пик пришелся на 1973 год, появилась некоторая финансовая свобода, позволяющая улучшить качество многих очень старых школ, находящихся в эксплуатации.

Было или не было оправданным шумное одобрение того, что я защитила программу строительства начальных школ, оно скоро стихло, так как начались новые волнения по поводу финансирования студенческих союзов. В отличие от разногласий по поводу школьного молока это была целая кампания, организованная крайне левыми. Она была менее опасной с политической точки зрения, но была очень злой. Моей дочери Кэрол, изучающей право в лондонском Юниверсити-Колледже, тоже пришлось несладко.

И в Европе, и в США в это время был пик «студенческой революции». Оглядываясь назад, я удивляюсь, что столько внимания приходилось уделять детсадовскому марксизму и эгоцентрическим требованиям, его характеризующим. Частично это было результатом молодежного культа 1960-х, в соответствии с которым молодые люди воспринимались как источник чистого проникновения в суть человеческой природы.

Левые сумели захватить контроль над многими студенческими союзами, а, значит, государственными средствами, их финансировавшими, и использовали эту позицию, чтобы организовать подрывную кампанию, приводя в ярость рядовых налогоплательщиков и даже многих студентов, которые просто хотели учиться. Следует различить два аспекта: первый – финансирование студенческих организаций, и второй – что эти организации делали. По первому вопросу основным финансовым источником для студенческих союзов были

дотации из обязательных грантов, выдаваемых местными органами образования. Членство в союзе было обязательным, взносы шли в студенческий союз. Некоторые студенческие союзы использовали это, чтобы расходовать деньги на партийные нужды, часто не считаясь ни с конституцией союза, ни с желаниями его членов.

В июле 1971 г. я представила Комитету по внутренним делам и социальным вопросам кабинета министров предложение о реформе. Я предложила, чтобы в будущем дотации для союзов не входили в суммы, выдаваемые колледжам и университетам. Грант на содержание студентов был бы слегка увеличен, чтобы дать студентам возможность вступать в конкретные клубы или сообщества на добровольной основе. Ответственность за обеспечение работы студенческого союза ложилась бы на сами образовательные учреждения. Услуги союза были бы доступны всем студентам, вне зависимости от того, были они членами союза или нет. Помимо решения вопроса о подотчетности государственных денег, эти изменения также аннулировали элемент закрытости в студенческих союзах, который я находила нежелательным. Сначала комитет не был согласен со мной, но я вернулась к этому вопросу и добилась одобрения комитета.

Билл Ван Страубензи был министром, отвечающим за совещания по поводу предложений. Но я была отмечена как объект ненависти и не могла на них рассчитывать. В начале ноября в Лидсе, где я закладывала первый камень в знак начала строительства новых зданий, около пятисот студентов старались заглушить мое выступление своими выкриками. Позднее две тысячи кричащих студентов пытались помешать мне во время официального представления университета Саут Банк Политекник в концертном зале «Куинн-Элизабет-Холл». Дюжине конных полицейских пришлось защищать мою машину. В декабре протестующие студенты нашли время оторваться от занятий, чтобы организовать общенациональный день протеста. Мое чучело сожгли в нескольких университетах.

Многие вице-канцлеры и главы колледжей негласно одобряли протесты. Эд. Бойл даже выступил на огромном студенческом митинге в Лидсе, чтобы выразить свое неприятие моих предложений. Поскольку мои предложения были лишь выставлены для обсуждения, была возможность дать накалу страстей остыть и отсрочить действия, что я и сделала. Главной проблемой было то, что пока руководители университетов сами не выработали определенной позиции. К тому же часть студентов заявили об ограничении свободы слова, и им потакали нервные руководители университетов. Университетская нетерпимость переживала пик своей интенсивности в начале семидесятых.

1971 г. был решающим для правительства и меня лично. Растущее давление становилось непереносимым. Я бы сказала, уверенность правительства в себе рухнула в начале 1972 г., а вот каким-то образом, хотя и при сильном напряжении, моя устояла. Многие комментаторы с разнообразной смесью удовольствия и сожаления думали, что мне конец. После возвращения с рождественских каникул в Ламберхерст, я имела возможность прочесть, как моя судьба открыто обсуждалась в газетах. В одной газете меня охарактеризовали как «леди, которую никто не любит», а другая опубликовала аналитическую статью под названием «Почему миссис Тэтчер так непопулярна». Но я отодвинула все это в сторону и сконцентрировалась на своих «красных чемоданчиках» { «Красный чемоданчик» используется высшими правительственными чиновниками для хранения документов во время поездок, а также для пересылки официальных бумаг монарху. }.

На самом деле недолго осталось до того, как лично для меня, хотя и не для правительства, ветер сменил направление. Более серьезные вопросы 1972 г. были впереди: забастовка шахтеров и разные элементы разворота на сто восемьдесят градусов. Все это остановило кампанию против меня лично. Я не собиралась сдаваться или уходить в отставку, по крайней мере добровольно. А еще я обязана выразить свою благодарность Теду Хиту.

Тед попросил меня и моих сотрудников приехать в Чекерс в среду 12 января, чтобы провести общее совещание об образовании. Я взяла с собой памятную записку, подытоживающую ситуацию и предлагающую планы на будущее. Вопреки всем сложностям оставалось только одно предвыборное обязательство, которое все еще не было выполнено: развитие дошкольного образования. Нужны были деньги, чтобы достичь чего-то существенного.

Другим вопросом была организация средней школы. Здесь проблема заключалась в том, что я изложила таким образом: «Многие наши местные органы власти идут в русле общеобразовательной школы. Вопрос стоит в том, какого рода равновесие должно быть между защитой существующих классических школ и предоставлением местным образовательным органам права на принятие собственных решений?» Мы обсудили оба этих пункта в Чекерсе. Тед был заинтересован в дошкольном обучении, он настаивал на предпринятии действий по поводу студенческих союзов, и он очень разумно спросил, не лучше ли не использовать наши аргументы для оправдания политики образования, а просто озвучивать нашу позицию по поводу автономии местных властей.

С моей точки зрения, однако, не менее важным, чем сама дискуссия, был тот факт, что, приглашая меня и моих сотрудников, Тед давал понять, что у него не было намерения снимать меня с поста министра образования в обозримом будущем. Это было жизненно важно для упрочения моего авторитета. Он пошел еще дальше, перечислив в парламенте список моих достижений. Почему он так сильно меня поддержал? Некоторые думали, что ему нужна была женщина в составе кабинета, и было трудно найти надежного альтернативного кандидата на эту роль. Но мне хочется думать, что он знал, что те политические меры, за которые на меня так резко набросились, были в основном меры, на которые я неохотно согласилась под давлением казначейства и требований со стороны государственных финансов. Он также знал, что я не пыталась переложить вину на других. Хотя и нельзя было рассчитывать на его согласие по поводу отдельных стратегий, он всегда стоял за людей, которые делали все возможное для него и его правительства. Это было одной из важнейших причин, почему кабинет отвечал ему взаимностью, оставаясь объединенным под его началом. С весны 1972 г. ледяной политический климат, в котором я жила, начал заметно теплеть.

Белая книга об образовании, опубликованная в декабре 1972 г., вернула престиж нашей образовательной политике. Решение опубликовать ее было принято при обсуждении трех докладов Обзора и анализа программ { Система Обзора и анализа программ стала нововведением в правительстве Хита, амбициозной попыткой оценить существующие министерские программы, чьим намерением было радикально уменьшить роль правительства, но эффект которой был малым или нулевым. }, которые мы подготовили в министерстве. Изначально она называлась «Образование: Структура для продвижения», но в итоге название было изменено (и в ретроспективе оно кажется типичным для тех чрезмерно амбициозных лет) и стало звучать «Образование: Структура для экспансии». Белая книга предлагала десятилетний план по увеличению затрат и лучшему обеспечению.

Белая книга получила восторженный прием. «Дэйли Телеграф», критикуя отсутствие предложений по поводу студенческих займов или ваучеров, сказала, что Белая книга утвердила меня «как одного из самых выдающихся наших реформаторов – и самых расточительных – среди министров образования». «Дэйли Мэйл» описала ее как «тихую революцию» и добавила, что «ничего похожего не было со времен войны». Более тревожащими были похвала «Гардиан» за «прогрессивную программу» и комментарий, надеюсь, иронический, что «за исключением оставленного отборочного экзамена «11 плюс» миссис Тэтчер больше чем на полпути к достойной социалистической образовательной политике».

Кроме нескольких споров с Роем Хатгерслеем, чрезвычайно красноречивым лейбористским представителем, по поводу уровня увеличения расходов на образование, первые месяцы 1973 г. прошли в Министерстве образования довольно тихо. Но вскоре пришлось

столкнуться с последствиями налоговой и валютной политики правительства. Первая часть предполагала ряд сокращений государственных расходов для «охлаждения» перегревшейся экономики. Расходы на образование стали ее мишенью. Уменьшение бюджета Министерства образования на 1974–1975 гг. составляло 182 миллиона из 1200 миллионов общего сокращения государственных расходов. Я сумела спасти программу детских садов и программу строительства специальных школ.

К этому моменту мое внимание было сосредоточено на событиях, обрушившихся на правительство. Уже мало времени оставалось до того момента, как я должна была взойти на трибуну и защищать политику, которую осуществляла на посту министра образования. Я не видела в этом большой трудности, ибо почти по всем направлениям мы продвинулись вперед. И если единицами измерения, с помощью которых в то время оценивалось «продвижение», были задействованные ресурсы, нежели достигнутые результаты, то это свидетельствовало об улучшении. Почти 2000 старых начальных школ в Англии и Уэльсе были отремонтированы, увеличилось число детских садов. Я продвигала идею увеличения минимального возраста при окончании школы, которую Лейбористская партия старалась отсрочить. Меньше стало переполненных классов. Но слишком много времени было потрачено на споры о структурах и ресурсах, слишком мало посвящалось работе над проблемой о *содержании* образования.

В равной степени к началу парламентских выборов было ясно, что и цифры, и, более фундаментально, подход «Структуры для экспансии» не соответствовали требованиям. Программа дошкольного образования явно была не по средствам. Школьные крыши продолжали протекать долгие годы, пока уменьшение числа учеников и закрытие школ не позволили лучше использовать ресурсы. Принцип доклада Роббинса о том, что «курсы высшего образования должны быть доступны всем, у кого есть достаточно способностей и знаний, чтобы его получить» (параграф 31), отошел на второй план в условиях финансовой напряженности.

Большим разочарованием было видеть, как сокращаются мои планы и программы, но я сейчас понимаю, что это было неизбежно. Побочным явлением этого стало то, что мы вынуждены были творчески подойти к вопросу о том, как добиться результатов при внезапно ограничившихся ресурсах. В экономической сфере кризис 1973–1976 гг. вызвал скептицизм по поводу кейнсианского управления спросом и возрождение классической либеральной экономик. В образовании и других областях социальной политики появилось осознание того, что должны быть найдены иные средства, нежели увеличение государственных расходов. Возник вопрос о том, может ли образовательная система в том виде, в котором она существует, привести к ожидаемым результатам. Не существует ли она лишь ради выгоды тех, кто ею управляет? Очевидной становилась необходимость пересмотреть эту политику, и нам вскоре было подарено много времени на размышления.

Глава 7

Урок не окончен

Перевод Резницкая Т.В.

Правительство Хита, 1970 – 1974

Около 11 часов утра во вторник 23 июня 1970 г. моя новая министерская машина привезла меня на Даунинг-стрит, 10, где вместе с другими коллегами я протолкнулась сквозь группу газетных и телевизионных журналистов, толпившихся возле дома. В приемной стояли радостный гвалт и смех. Мы бодро зашли в кабинет премьер-министра, где нас ждали Тед Хит и секретарь кабинета министров сэра Берк Тренд. Я заняла свое место за столом, но мысли мои витали отчасти вокруг моего министерства, отчасти вокруг стратегических задач, стоявших перед правительством. Я чувствовала, и думаю, что мы все так чувствовали, что это был решающий момент в жизни нашей страны.

Это было чувство, которое сам Тед изо всех сил хотел оправдать. Говоря с той же энергией, которой было полно его предисловие к предвыборному манифесту, благодаря которому мы только что победили на выборах, он объявил о намерении установить новый стиль управления. Особое значение придавалось продуманности решений. Были обещаны новый старт и новая метла. Тон был именно таким, какого мы все ожидали от Теда. Он твердо верил в способность политиков с широкими взглядами решать фундаментальные проблемы. Этот подход лег в основу решения, принятого той осенью, учредить Штаб центральной политики под руководством Виктора Ротшильда, деятельность которого была направлена на то, чтобы перевести работу правительства на более «рациональные» рельсы (включая учреждение гигантского Министерства по вопросам охраны окружающей среды) и организовать систему Обзора и анализа программ. Этот подход ориентирован на твердую уверенность в способность правительства контролировать ход событий.

Эта глава содержит значительную долю ретроспективной оценки. Я не была членом ключевого Комитета экономической политики (КЭП) кабинета, хотя иногда присутствовала на заседаниях, когда шел разговор о заработной плате учителей или расходах на школы. Чаще я участвовала в подкомитете Т. Хиггинса по вопросам заработной платы, и внесла некоторый вклад в его работу. И естественно, я не была членом внутреннего круга Теда, откуда исходили все главные решения. Роль самого кабинета значительно уменьшалась.

Сказанное должно объяснить, а не обвинить. Как член кабинета министров я сполна принимаю на себя ответственность за то, что было сделано этим правительством. Имея возможность взглянуть на события этого периода задним числом, я более ясно вижу, как Тед Хит, был ли он прав или не был, взял этот курс. И, как показало время, он не был прав, и не просто однажды, а неоднократно. Его ошибки, наши ошибки, нанесли огромный вред Консервативной партии и всей стране. Некоторые из нас (хотя, боюсь, никогда сам Тед) учились на этих ошибках.

Понимаю, как после того как я стала лидером Консервативной партии, Ин. Пауэлл, который вместе с небольшим числом других мужественных парламентариев-тори протестовал против следующих один за другим разворотов на сто восемьдесят градусов, заявил: «Если вы ищете кого-нибудь, кто подберет втоптаные в грязь принципы, не стоит искать его среди тех, кто их туда втоптал». Но Инок был не прав. Выражаясь словами Редьярда Кипплинга, Кит Джозеф и я «не окончили урок»: «Урок не окончен, и в том, что принес он,

мы много пользы встретим»} «Урок» (1902). Имеется в виду англо-бурская война, во время которой Британия пережила много военных неудач.}

В определенном смысле последующим успехам мы обязаны нашему пониманию ранних ошибок. Правительство Хита показало, в частности, что социалистический курс, осуществляемый политиками-тори, был более катастрофичен, чем социалистический курс, проводимый лейбористами. Коллективизм без единой капли эгалитарного идеализма, его искупающего, невозможен.

Как это случилось? Вопреки восторженному приему манифеста, созданного в «Сэлсдон Парке», мы продумали нашу политику гораздо менее тщательно, чем казалось, особенно это касалось нашей экономической политики. У нас не было ясной теории инфляции или роли соглашения о ставках заработной платы. Мы дрейфовали, полагая, что инфляция была прямым результатом увеличения заработной платы и власти профсоюзов, и двигались по пути регулирования доходов и цен.

К тому же Тед был нетерпелив, я страдаю от этого. Но я сознавала, что необходимо терпение, чтобы политика долговременных перемен начала приносить плоды. Это особенно важно, если, как в правительстве Теда в 1970 г. и моем в 1979 г., придерживаться политики невмешательства, основанной на установке концептуальной основы, а не на разработке плана. Смена курса, предпринятая из-за того, что результатов, как кажется, долго нет, дает разрушительный эффект. А тут правительство, пришедшее к власти, проникнутое гордостью и логичностью принципов, дало повод к многочисленным издевкам по поводу «поворота на сто восемьдесят градусов».

Слова самого Теда из его предисловия к предвыборному манифесту 1970 г. вернулись бумерангом: «Когда решение принято, когда политика определена, премьер-министр и его коллеги должны иметь мужество ее придерживаться. Ничто в мире не принесло Британии большего вреда, чем бесконечное колебание, которое мы наблюдаем в последние годы».

На уровне ежедневного общения в правительстве объяснение случившегося заключается в том, как нас атаковали и как мы реагировали на это. Мы оказались не готовы. Шаг за шагом мы сбивались с курса, пока, в припадке отчаяния, не порвали карту, не выбросили за борт компас и не пустились в путь под новым флагом, но с тем же кормчим по направлению к незнакомым скалистым берегам.

Уже через несколько недель после прихода к власти правительство было вынуждено объявить чрезвычайное положение { Чрезвычайное положение может быть провозглашено верховной властью, фактически министрами, если возникнет угроза, нарушающая поставку и распространение предметов первой необходимости, электричества, коммуникаций. Возможно использование вооруженных сил. Если парламент не заседает, когда объявлено ЧП, оно должно быть заново объявлено в течение следующих пяти дней. Статус ЧП истекает к концу месяца, но может быть продлен. }, поскольку началась забастовка в государственных доках. В то же время была создана следственная комиссия, и хотя забастовка утихла на следующий день, это был сомнительный успех.

Затем начался международный кризис. В воскресенье 6 сентября террористы из Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) угнали четыре самолета и потребовали, чтобы они летели в Иорданию. Три похищения были успешными, но в четвертом случае с израильским самолетом, летевшим в Лондон, охранники взяли верх над террористами. Выжившая террористка Лейла Халед была арестована в аэропорту Хитроу.

НФОП потребовал ее освобождения, и как раз перед встречей кабинета министров в среду 9 сентября террористы похитили английский самолет, чтобы усилить давление. Самолет был на пути в Бейрут, когда мы совещались. Кабинету объяснили, что мы уже отказались отпустить Лейлу Халед в обмен на освобождение заложников. В течение нескольких недель, пока шли переговоры, кабинет обсуждал этот вопрос много раз. Тем временем Иор-

дания оказалась в состоянии гражданской войны, когда Кинг Хуссейн атаковал палестинцев, чтобы захватить контроль над страной, и сирийцы вторглись в страну и оккупировали большую территорию на севере. Тед противился любому английскому вмешательству и был уверен, что мы были правы, что ведем переговоры с НФОП. Хотя мы и не хотели освободить Халед, обмен состоялся. Все заложники были отпущены, хотя похищенный самолет был взорван террористами, а король Хуссейн пережил события Черного сентября с трудом, но с триумфом.

Но к тому моменту правительство уже пострадало от удара, который уже не позволил нам полностью оправиться. В середине июля Иэн Маклеод лег в больницу для проведения несложной операции в брюшной полости. Она прошла удачно, и он вернулся в дом 11 на Даунинг-стрит, чтобы отдохнуть в течение нескольких дней. Где-то в полночь в понедельник 20 июля мне позвонил Фрэнсис Пим, «главный кнут» { Кнут – парламентский партийный организатор, который следит за партийной дисциплиной в парламентской фракции, обеспечивает присутствие членов своей партии на заседаниях парламента и их участие в голосовании. (*Прим. ред.*)}. Той ночью у Иэна случился сердечный приступ, и он умер. Ему было всего пятьдесят шесть лет.

Я была потрясена, Иэн всегда был щедрым и добрым человеком, под началом которого я работала. Но также я осознала, что мы потеряли наш самый пронизательный ум. Каким бы Иэн оказался канцлером, я не знаю. Но если согласиться, что худшие ошибки в экономической политике шли от верховенствующего казначейства Теда, резонно предположить, что положение сложилось бы лучше, если бы Иэн был жив. Его пост занял Тони Барбер, человек значительного ума, которому, в общем и целом, приходилось в казначействе нелегко. Экономические проблемы последующих лет основывались на этой перемене.

Заседание кабинета после смерти Иэна Маклеода было мрачным. Вокруг стола уже сидели почти все, кто был моими коллегами на протяжении следующих четырех с половиной лет. Всех нас ожидала серьезная проверка. Тони Барбер был моим старым, хоть и не особенно близким другом, талантливый адвокат по налогам, но он не мог противостоять Теду. Реджи Модлинг, министр внутренних дел вплоть до своей отставки из-за дела Пулсона в 1972 г. { Джон Пулсон был архитектором, осужденным в 1974 г. за дачу взяток с целью выиграть контракт. Р. Модлинг был членом совета директоров в одной из компаний Пулсона. }, все еще интересовался экономической политикой. Он был вовсе не в восторге от своего нового поста и вряд ли бы возражал против любого поворота в направлении к большему государственному вмешательству в экономику, которое он на самом деле всегда предпочитал.

Алек Дуглас-Хьюм вернулся в свое старое Министерство иностранных дел, где, однако, вскоре потребовалось много усилий, чтобы выполнить наши обещания отменить эмбарго на поставки оружия в Южную Африку и попытаться найти возможный способ сохранить присутствие британских войск к востоку от Суэца. Вряд ли теперь он мог отдавать много времени внутренней политике. Квинтин Хэйлшем получил идеальную для себя роль лорда-канцлера, начав свое долгое пребывание там, сначала при Тедде, потом при мне, совмещая свою любовь к озорству и театру со степенными традициями верхней палаты.

Питер Кэррингтон получил пост министра обороны, для которого он отлично подходил и который с апломбом занимал. Я знала, что он был близок к Теду. Несомненно, он стал еще ближе, когда позднее, будучи председателем партии и министром энергетики, Питер сыграл решающую роль в принятии мер по поводу последней забастовки шахтеров, которая ускорила парламентские выборы 1974 г. Он был одним из членов «внутреннего круга» Теда.

Кит Джозеф, наоборот, хоть и являлся в кабинете руководящей фигурой и человеком, чье мнение всегда учитывалось со всей серьезностью, не входил в этот круг. Назначение Кита на пост министра социального обеспечения привело к тому, что его сострадательная душа взяла верх над его более консервативными экономическими убеждениями, хотя он

сохранял глубокое недоверие к корпоратизму во всех формах. Как и я, Кит получил высоко-расходный «социальный» департамент, где шла, естественным образом, борьба между тем, чего он (как и я) хотел для своих программ, и требованиями о жестком контроле государственных расходов. Случайно или в том был его расчет, но Тед сделал так, что два самых экономически консервативных члена кабинета оказались в стороне от принятия экономических решений, а принимали их те, на кого он имел максимальное влияние.

Джон Дэвис, бывший генеральный директор Конфедерации британской промышленности (КБП), ничего не знал о политике, когда после смерти Иэна Маклеода был назначен министром технологии, и он, конечно, вошел в эту категорию. Джон мне нравился, но даже его самому горячему обожателю было бы трудно примириться с турбулентной промышленной политикой.

Наряду с Т. Барбером и Дж. Дэвисом Роберт Карр, министр по вопросам трудоустройства, был третьей ключевой фигурой, ответственной за экономическую стратегию в правительстве. Он был порядочным и трудолюбивым, хотя и не очень ярким человеком. Перед ним стояла сложная, возможно, невыполнимая, задача попытаться заставить работать ущербный Закон о трудовых отношениях. Его репутация «левого» по консервативным меркам была скорее вредна; профсоюзы смотрели на левых консерваторов, как на менее искренних. В качестве министра по вопросам трудоустройства во время первой забастовки шахтеров (1972) и в качестве министра внутренних дел во время второй (1974), он был одним из немногих в те годы, кто столкнулся с такими трудностями.

Среди этих немногих был Уилли Уайтлоу, бывший последовательно лидером Палаты, министром по делам Северной Ирландии, и, наконец, министром по вопросам трудоустройства во времена трехдневной рабочей недели. У нас было мало общего, и ни один из нас не подозревал, как близко сойдутся наши политические судьбы. Но я уже знала, что Уилли был надежным человеком, чьи манеры, голос и фигура делали его превосходным лидером Палаты общин. Кроме того, он обладал острым политическим умом и талантом руководства людьми.

После преждевременной смерти Маклеода переговоры об условиях нашего вступления в Европейское экономическое сообщество были поручены Джеффри Риппону. Хотя Джеффри и я формально происходили из одного круга, мы никогда не были близки. Мне всегда казалось, что он старался поразить оппонента скорее силой своей личности, нежели силой аргументов. Возможно, это было потому, что Тед дал ему задание добиться наилучшего из возможных соглашений в переговорах с ЕЭС, а это соглашение не всегда соответствовало нашим долгосрочным интересам.

У меня было впечатление, что среди членов кабинета Тед доверял больше всех Джиму Прайеру и Питеру Уокеру. Оба доказали свою преданность. Джим был личным парламентским секретарем Теда в оппозиции, а Питер организатором его кампании в борьбе за лидерство в 1965 г. Джим стал министром сельского хозяйства и соответствовал занимаемому посту с своим фермерским происхождением и румяными щеками.

Стремление Питера Уокера «модернизировать» британские учреждения, должно быть, помогло ему стать ближе к Теду. Он вскоре стал главой нового Министерства по вопросам охраны окружающей среды, где со всей энергией запустил самую непопулярную реформу местных органов власти, завершившуюся введенной уже в годы моего правления системой районных налогов. Позднее он перешел в Министерство торговли и промышленности (МТП). Джим и тем более Питер были младше меня, но оба имели гораздо большее влияние на общее направление деятельности правительства. Хотя их политические взгляды отличались от моих, я уважала их преданность Теду и их политическую эффективность.

Другие члены кабинета, Гордон Кэмпбелл, министр по делам Шотландии, Джордж Джеллико, лорд-хранитель малой печати и лидер Палаты лордов, Питер Томас, близкий

сосед по парламентскому округу и друг, министр по делам Уэльса и председатель Консервативной партии, и Майкл Нобл, не участвовали в совещаниях. Так что у меня в кабинете был лишь один политический друг Кит.

С самого начала Тед Хит, Тони Барбер, Роберт Карр и Джон Дэвис с впечатляющим напором взялись определять курс радикальных реформ, а остальные члены кабинета с энтузиазмом их поддерживали. Правительство приступило к работе, желая сократить государственные расходы. Обсуждения начались в конце июля. Запланированный бюджет на 1974–1975 гг. было решено сократить в целом на 1,700 миллионов, и Тед издал документ об экономии, демонстрируя свою приверженность избранной стратегии.

Большая часть сокращений падала на промышленные расходы, хотя, в моем министерстве тоже велись споры о расходах. Инвестиционные субсидии были отменены, корпорация по промышленной реорганизации (КПР) закрыта. Авиационные и космические проекты подверглись тщательной проверке. Даже при отсрочке чрезвычайно дорогостоящего проекта «Конкорда», в целом из-за европейской политики, это была впечатляющая экономическая программа свободного рынка. Благодаря этому в октябре стал возможным бюджет, в котором базовая ставка подоходного налога в 8 шиллингов 3 пенни с фунта (чуть больше 41 пенса) была понижена на 6 пенни, были уменьшены корпоративные налоги, вступающие в силу в начале следующего финансового года.

Безотлагательно был выдвинут ключевой элемент нашей экономической программы: законопроект о промышленных отношениях. Структура законопроекта была понятна, ее мы тщательно прорабатывали, находясь в оппозиции, и опубликовали наши предложения в 1968 г. Главное заключалось в том, что коллективные договоры должны иметь обязательную юридическую силу, исключая случаи, когда обе стороны решат иначе; а исторически сложившаяся юридическая неприкосновенность профсоюзов должна быть ограничена и сведена к тем профсоюзам, чьи должностные инструкции соответствуют минимальным стандартам («зарегистрированным профсоюзам»).

В соответствии с этим законопроектом дела должны были рассматриваться новой системой промышленных судов и трибуналов, под представительством Национального суда по вопросам отношений в промышленности (НСВОП). Законопроект давал новые полномочия министру по вопросам трудоустройства, такие как возможность применить НСВОП в случае провала переговоров, или издать приказ отсрочить забастовку на срок до шестидесяти дней («время, чтобы остыть»), или организовать тайное голосование среди рабочих, участвующих в забастовке.

В этом законопроекте многое отвечало интересам профсоюзов, но при этом он был враждебно встречен левыми. В первый раз в английском законодательстве вводилось юридически обеспеченное право принадлежать (или не принадлежать) к профессиональному союзу. Была запланирована защита против несправедливого увольнения. Наконец, законопроект отменял условия, согласно которым забастовки рабочих из сферы обеспечения газом, водой и электричеством во время действия их контрактов считались криминальным преступлением. В то время я была сторонником законопроекта, хотя у меня были сомнения по поводу некоторых его частей. Мы все осознавали, что предыдущее лейбористское правительство в своем «Месте раздора» отступило от своих предложений о реформе профсоюзов под совместным давлением профсоюзов и партии. Поэтому мы были обязаны внести необходимые изменения.

Философия законопроекта была путаной. Подразумевалось, что если профсоюзы будут утверждены в своих полномочиях, они будут дисциплинировать своих членов, уменьшая число несанкционированных забастовок, например, и используя свою промышленную силу регламентированным и мирным образом. Но законопроект также усиливал позицию отдельных личностей, он был смешанным по своему характеру.

Тогда мы наивно полагали, что наши оппоненты будут играть по тем же правилам, что и мы. Так, мы полагали, что не будет ни массовой оппозиции по отношению к законопроектам, принятым демократически избранным правительством, ни массовых нарушений закона, как в случае с шахтерской забастовкой 1972 г. Мы не осознавали, что оказались вовлечены в борьбу с беспринципными людьми, чьи главные цели лежали не в сфере промышленных отношений, но в сфере политики. Лишь позднее, когда я была лидером оппозиции, я осознала, как глубоко экстремистски настроенные левые проникли в руководящие круги профсоюзов и почему эта «гигантская сила», о которой памфлет тори говорил в конце 1950-х, была теперь использована таким образом. Коммунисты знали, что они не могут вернуться в парламент, и решили продвигать свои идеи, пробравшись в руководство движением профсоюзов. И тот факт, что оба правительства, Вильсона и Хита, противостояли профсоюзам и проиграли, усиливало их влияние больше, чем если бы мы не оспаривали их силу с самого начала.

Роберт Карр сказал Британскому конгрессу тред-юнионов в октябре 1970 г., что главные аспекты законопроекта о промышленных отношениях обсуждению не подлежат. Второе чтение законопроекта было назначено на декабрь, в феврале и марте 1971 г. прошли массовые протесты и забастовки против него. Лейбористы использовали все средства, чтобы противостоять законопроекту, но в августе 1971 г. он должным образом вошел в свод законов. Британский конгресс тред-юнионов направил резолюцию, приказывая профсоюзам «зарегистрироваться». Таким образом, оставалось увидеть, когда закон вошел в силу в конце февраля 1972 г., каким будет его практический результат. Нам скоро предстояло это узнать.

Тем временем нас занимали другие проблемы. Некоторые полагают, что решение в феврале 1971 г. взять под контроль аэрокосмический департамент компании «Роллс-Ройс» обозначило первый разворот на сто восемьдесят градусов. Это не так. Незадолго до того, как компания сообщила правительству о непреодолимых финансовых проблемах, с которыми она столкнулась, мой избиратель сказал мне, что он обеспокоен судьбой компании. Я попросила Дэниса взглянуть на цифры. Однажды, приехав домой, я застала его зарывшимся в счетах за последние шесть лет. Он сказал мне, что «Роллс-Ройс» рассматривает расходы на исследование и развитие как капитальные вложения, вместо того чтобы относить их на счет прибылей и убытков. Это создавало проблему.

Несколько дней спустя я была внезапно вызвана на заседание кабинета и встретила ожидающего в приемной Фреда Корфилда, министра авиации. «Ты здесь зачем, Фред?» – спросила я. Он мрачно ответил: «Роллс-Ройс». Выражение его лица сказало все. На заседании мы услышали всю историю. К удивлению моих коллег, я подтвердила анализ, основываясь на том, что сказал мне Дэнис. Мы решили дать компании обанкротиться, но национализировать аэрокосмический департамент. На протяжении нескольких месяцев мы вели переговоры по поводу оригинального контракта с компанией «Локхид», которая и сама испытывала финансовые трудности. Можно было спорить об условиях и сумме, которую необходимо было обеспечить. Но думаю, что никто из нас не сомневался, что из оборонных соображений было важно сохранить мощностные характеристики авиационного мотора. А в долговременном ключе, конечно, это была «хромая утка», которая нашла силу улететь обратно в частный сектор, когда я была премьер-министром.

Это было за год до того, как начались серьезные экономические развороты на сто восемьдесят градусов – рефляция, промышленные субсидии, политика доходов и цен, – и отчуждение правого крыла консерваторов в парламенте и многих сторонников-тори за его пределами. Неспособность этих разворотов привести к успеху еще сильнее разделила партию и имела другие последствия. Возник инфляционный бум, ставший причиной подъема цен на недвижимость и огромного количества сомнительных финансовых спекуляций, порочащих капитализм и вместе с ним Консервативную партию. Позднее я вернусь к экономиче-

ским событиям. Важно учесть влияние на партию двух неэкономических вопросов: Европы и иммиграции.

Я всем сердцем была за вход Британии в ЕЭС, отъезд генерала де Голля из Елисейского дворца в апреле 1969 г. изменил наши перспективы. Его преемник Жорж Помпиду желал видеть Британию членом ЕЭС, и никто по эту сторону Английского канала не желал этого больше, чем премьер-министр Тед Хит. Многие политики, такие сильные парламентарии, как Майкл Фут, Питер Шор и Инок Пауэлл, – были против. Но деловой мир, пресса и общественное мнение были в целом за.

Формальные переговоры начались в Брюсселе в конце октября 1970 г. Джеффри Риппон давал отчеты Теду и комитету, а иногда и всем остальным членам кабинета. Не было сомнений, что стоимость вступления в ЕЭС будет высокой. По оценкам, лучшим, на что мы могли надеяться, были валовой взнос Британии в размере 17 процентов от совокупных расходов ЕЭС, пятилетний переход и три года так называемых корректив после этого. Чтобы ослабить неизбежную критику, Дж. Риппон надеялся договориться об особом условии пересмотра, который можно было бы осуществить, если бремя наших взносов в бюджет будет слишком обременительно. Но казалось, он не придавал этому большого значения, полагая, что мы сможем заново поднять этот вопрос вне зависимости от того, будет ли создан формальный механизм пересмотра.

Тогда Тед решил вопрос о стоимости вступления, сказав, что очевидно, что бремя будет настолько невыносимым, и нам следует прервать переговоры. Но весь этот вопрос о финансах следовало бы рассмотреть более тщательно. Европейский вопрос доминировал в отношениях Британии и ЕЭС на протяжении более десятка лет, и оказалось непросто снова его поднять.

Хотя Европейское сообщество сделало заявление во время переговоров о том, что «в случае возникновения неприемлемой ситуации в настоящем сообществе или в возросшем сообществе само выживание сообщества потребует, чтобы организации нашли справедливые решения», общие взносы Британии быстро росли. Лейбористское правительство 1974–1979 гг. не добились никакого прогресса в их сокращении. Это пришлось позднее сделать мне. Кабинет вновь обсуждал эту тему в начале мая 1971 г., к тому времени переговоры явно «зашли в тупик». Оставались неразрешенные трудности по вопросу о льготных соглашениях относительно новозеландских продуктов (масла и баранины) и сахара из стран Содружества. Продолжался «бой с тенью» о роли фунта стерлингов в качестве международной валюты.

Реальной проблемой оставался бюджет. У нас было представление о том, что нам могут предложить: обещание уменьшить стоимость единой сельскохозяйственной политики и создание Фонда регионального развития, от которого Британия не имела бы выгоды. Это еще не было соглашением, которого мы хотели (обещания не положишь в банк), но в тот момент никто из нас не мог предсказать, какой тяжелой окажется ноша. Тед закончил дискуссию, сказав, что он планирует саммит с президентом Помпиду в Париже, чтобы прийти к соглашению.

Переговоры Теда с французским президентом шли два дня. Принимая во внимание все прошлые трудности с Францией, саммит воспринимался как настоящий его триумф. Вскоре после этого переговоры были завершены, открытыми оставались вопросы общей политики в области рыболовства, и в следующем месяце условия были одобрены кабинетом. Трудно было предположить, что решит парламент, ибо обе партии были глубоко разделены, ведь лейбористы отказались от своей прежней поддержки вступления Британии в ЕЭС. В конце концов, правительство решило провести свободное голосование среди консерваторов по вопросу о вступлении. Это смутило лейбористов, особенно когда шестьдесят девять парламентариев от их партии проигнорировали своего партийного организатора и проголосовали за, обеспечив большинство в 112 голосов. Но когда дело дошло до условий вступления,

до победы было далеко. Законопроект прошел второе чтение о Европейском сообществе в феврале 1972 г. лишь при соотношении 309 к 301.

В то время вопросом, на который едва ли обращали внимание, был суверенитет, как национальный, так и парламентский, который с годами обретал все большую важность. По этому вопросу в июле 1971 г. в кабинете было проведено заседание, но лишь в контексте общего представления вопроса. Окончательные формулировки документа, параграфы 29–32 сегодня можно видеть как замечательный образец искусной путаницы, скрывающей фундаментальные вопросы. Особенно шедеврально два предложения: «Никоим образом невозможно размытие неотъемлемого национального суверенитета; предлагается разделение и укрупнение индивидуального национального суверенитета в общем интересе». И это: «Общее право останется основой нашего законодательства, и наши суды продолжают функционировать так же, как они функционируют в данный момент».

Я могу заявить, что не была способна тогда глубоко проникнуть в суть этих вопросов. Тогда мне, как и моим коллегам, казалось, что доводы о суверенитете, продвигаемые Иноком Пауэллом и другими, были теоретическими и использовались как риторические приемы.

В дебатах о статье 2 законопроекта Дж. Хау, генеральный стряпчий, дал, казалось, удовлетворительные гарантии по этому вопросу в ответ на критику со стороны Д. Уокера-Смита, сказав, что «в конце концов, если будет предложена отмена [закона о Европейском сообществе] целиком и полностью, исходный суверенитет парламента должен остаться неприкосновенным». Задав самому себе вопрос «Что случится, если в будущем парламентский законопроект непреднамеренно, в большей или меньшей степени, окажется в конфликте с законами Сообщества?», Джеффри сказал: «Суды... постараются в соответствии с традиционным подходом интерпретировать свод законов в соответствии с нашими международными обязательствами». Но что, если они не смогут прийти к согласию? Он витиевато продолжил:

«Это максимум того, что мы можем сделать, чтобы примирить неизбежный и постоянный суверенитет парламента в конечном итоге с предложением о том, что нам следует осуществлять наши договорные обязательства, чтобы обеспечить главенствующую роль закона Сообщества... Если по неосторожности возникнет любой конфликт такого рода, вопрос предстанет на рассмотрение перед правительством и парламентом...» {«Хансард», 13 июня 1972 года, том 838, статьи 1319–1320.}

Однако не эта проблема делала вопрос об Общем рынке таким для правительства трудным. Главной политической ошибкой было раздутие преимуществ, которые, как ожидалось, принесет членство в Сообществе. Что касается самого правительства, эта тенденция вынуждала министров принять и извинить ошибочную политику. Чтобы британская промышленность соответствовала требованиям Европы, нужны субсидии и государственное вмешательство в экономику, – таковы были аргументы в поддержку бюджета 1972 г.

А еще ослабленная валютная и налоговая политика оправдывалась тем, что высокий уровень роста экономики (примерно пять процентов) теперь был устойчивым в рамках нового европейского рынка с охватом 300 миллионов человек. Предполагалось, что конкуренция с Европой заставит профсоюзы действовать более ответственно. Что касается ответственности, ожидания выгоды от членства в сообществе росли, а затем рухнули, когда экономические условия ухудшились, а нарушения в работе промышленности усилились.

Успех переговоров о вступлении Британии в ЕС и их ратификация парламентом оказали психологический эффект на Теда Хита. Его энтузиазм по поводу Европы перерос в страсть, превратившуюся с годами в одержимость, разделяемую большинством. Все меньше и меньше было разговоров о том, что было лучше для Британии, и все больше и больше – о важности быть хорошими европейцами.

В январе и феврале 1972 г. случились три события, требовавшие от правительства решения, но его не получившие: забастовка шахтеров, финансовые проблемы судостроительной компании «Аппер Клайд Шипбилдерс» и уровень безработицы, достигшей миллиона. Это всегда шок, когда безработица достигает такой драматичной цифры, как миллион.

Увеличение безработицы в 1971 г. стало результатом жесткой налоговой и валютной политики Роя Дженкинса в 1969–1970 гг. Поскольку валютная политика была значительно облегчена в 1971 г., во многом в результате отмены государственного контроля, мы могли бы тихо сидеть и ждать снижения уровня безработицы, начиная с 1972 г.

Тед никогда не верил в этот подход и недооценивал стимулирующий эффект отмены кредитного контроля. Он полагал, что были необходимы срочные финансовые меры, чтобы повысить спрос и уменьшить безработицу. И это убеждение влияло на все его решения без исключения. По иронии судьбы именно это вело к повышению инфляции, главные последствия которой проявились при следующем лейбористском правительстве, и, поскольку инфляция ликвидирует рабочие места, это вело к повышению уровня безработицы.

В частности, подход правительства к решению проблем компании «Аппер Клайд Шипбилдерс» вытекал из боязни последствий безработицы. Но это еще было уступкой активистам левого крыла. Когда мы впервые обсуждали проблемы компании в декабре 1970 г., кабинет согласился, что поддержка группе компаний «АКШ» больше оказываться не будет, хотя сохранялись кредитные гарантии при условии, что управление компании согласится закрыть «Клайдбанк ярд» и отделить «Ярроу Шипбилдерс» от остальной группы.

«Ярроу», бывшего важным поставщиком Королевских ВМС, казалось, можно было восстановить. Но к июню 1971 г. «Аппер Клайд Шипбилдерс Групп» обанкротилась, и было объявлено о ликвидации компании. Последовала забастовка протеста. В июле профсоюзы захватили четыре верфи «АКШ».

Новое совещание состоялось в кабинете осенью 1971 г. Правительство позволило втянуть себя в переговоры с профсоюзами. Экономический комитет кабинета согласился предоставить средства, чтобы не закрывать верфи, пока ликвидатор ищет решение, но только при условии, что профсоюзы обязуются организовать переговоры о новых методах работы. Некоторые мои коллеги критиковали это решение, обеспокоенные явной опасностью уступки на основе ничего не стоящих обязательств. Но деньги были предоставлены, и переговоры продолжились.

К этому моменту проблемы судостроения отступили на второй план, на первый вышла перспектива безработицы. В ноябре Тед Хит подтвердил в своем публичном выступлении, что «правительство намерено всецело и безусловно развивать экономику и снизить уровень безработицы». В январе 1972 г. безработица достигла роковой цифры в один миллион. 24 февраля на заседании кабинета экономический комитет согласился предоставить 35 миллионов, чтобы оставить три верфи открытыми. Дж. Дэвис признал, что у новой группы мало шансов преуспеть, и если бы уровень безработицы был ниже, он бы не рекомендовал предпринимать эти действия. Напряжение нарастало, но кабинет одобрил проект, и в конце февраля Джон объявил о решении правительства. Это был маленький, но незабываемо бесславный эпизод. Я частным образом обсудила это с Джоком Брюсом-Гардайном, который высказался очень язвительно по поводу этого решения. Он считал его непростительным поворотом на сто восемьдесят градусов. Я была очень обеспокоена.

Но у нас были и другие причины для волнений. При подготовке закона о промышленных отношениях мы уделили слишком много внимания достижению возможно лучшей правовой структуры и недостаточно тому, как мы будем отражать атаки в адрес наших предложений. Тот же подход доминировал и по отношению к угрозе, которую Национальный профсоюз горняков (НПГ) представлял для правительства и страны. Мы, конечно, знали, что в переговорах у шахтеров и работников энергетической промышленности на руках

был козырь: они просто могли прекратить поставку электричества и промышленным предприятиям и населению. Забастовка работников энергетической отрасли в декабре 1970 г. была проведена после организации следственной комиссии под руководством лорда Уилберфорса, рекомендовавшего значительное увеличение зарплат с февраля следующего года.

В НПП, однако, была большая группа активистов, столь же сильно желавшая свалить консервативное правительство, сколько и поиграть промышленными мускулами, чтобы увеличить заработную плату шахтеров. НПП провел голосование о забастовке в октябре 1970 г. и отверг предложения Национального управления угольной промышленности (НУУП). Опасаясь несанкционированных действий, кабинет уполномочил НУУП предложить выплату премий за производительность труда в середине 1971 г. НПП снова отверг предложение, после чего Дерек Эзра, председатель НУУП, без консультации с министрами предложил выплатить премию немедленно и без привязки к производительности труда. Кабинет одобрил уже свершившийся факт. Возможно, министры продолжали следить за событиями, но, если они это делали, я ничего об этом не знала.

Только в начале декабря 1971 г. вопрос о заработной плате шахтеров снова возник в кабинете, и, как тогда казалось, довольно случайно. Ежегодная конференция НПП в том году значительно пересмотрела правила, необходимые для проведения официальной забастовки, так что теперь было необходимо набрать лишь 55 % голосов, а не две трети, как было раньше. Голосование НПП, которое все еще продолжалось, завершилось большинством голосов в 59 % за проведение забастовки. И все-таки никто не был обеспокоен всерьез, казалось, что наши запасы угля велики.

Такая самонадеянность оказалась неоправданной. На последнем перед Рождеством заседании кабинета Роберт Карр подтвердил нам, что НПП действительно созывает общенациональную забастовку, которая начнется 9 января 1972 г. Кроме того, возникли проблемы по поводу зарплат в газовой и электрической промышленности. Нужно было лишь выглянуть наружу, чтобы узнать, что зима заканчивается, со всеми вытекающими из этого последствиями потребления энергии. Но мы не провели серьезного обсуждения и ушли на рождественские каникулы.

Было еще предположение, что после Рождества забастовка может не состояться, но два дня спустя после ее начала стало очевидно, что она стала всеобщей. Тогда в кабинете прошло обсуждение, нужно ли нам прибегнуть к отсрочке – «времени, чтобы остыть», упомянутой в Законе о промышленных отношениях. Но было решено, что будет трудно доказать ее юридическую правомерность, ибо приказ об отсрочке забастовки мог быть выдан судом, лишь если была серьезная перспектива, что она облегчит достижение соглашения, что в данном случае было сомнительным. Оставалась возможность прибегнуть к голосованию, но не было оснований полагать, что голосование, проведенное в НПП, приведет к иному результату, нежели требование продолжения забастовки. Это было неприятной демонстрацией слабости основных рычагов, которыми нас снабдил Закон о промышленных отношениях. Кроме того, отдельные составляющие закона должны были еще только войти в силу, а мы знали, что значительная часть общественности сочувствует шахтерам.

Давление на правительство с требованием прямого вмешательства усилилось. Оглядываясь назад и сравнивая события 1972 г. с забастовкой, которой шахтеры угрожали в 1981 г., с годовой забастовкой 1984–1985 гг., удивительным кажется, как мало внимания мы уделяли «сопротивляемости», учету времени, в течение которого мы могли поддерживать электростанции и экономику в рабочем режиме при ограниченном использовании угля. Удивительно, как легко кабинет обманывался уверениями, что запасы угля велики, не задумываясь, были ли эти запасы расположены в доступном для использования месте, то есть на электростанциях.

Возможность массового пикетирования, которое бы не позволило доставить уголь на электростанцию, просто не стояла на повестке дня. Вместо этого нашим ответом было обсуждение перспектив Роберта Карра на улаживание конфликта и использование аварийных мощностей, которые позволили бы нам сохранить запасы электростанций на несколько недель дольше при введении энергетических ограничений. Было много бессмысленных разговоров о том, «как удержать общественное мнение на нашей стороне». Но какое отношение общественное мнение имело к окончанию забастовки?

Это еще один важный урок, который я извлекла из работы в правительстве Хита. И в любом случае общественное мнение *не было* на нашей стороне. Еще одним уроком из того периода, когда пять раз было объявлено чрезвычайное положение, стало то, что при всей безотлагательности решения, которое выражает фраза «аварийная мощность», на нее нельзя полагаться, чтобы изменить ключевые факты промышленного конфликта.

Критический момент настал утром во вторник 10 февраля, когда мы все были в кабинете министров. Накануне было объявлено чрезвычайное положение. Джон Дэвис принес взрывоопасную новость. Он сказал нам, что пикетчики заблокировали большую часть оставшихся запасов угля, а доступных запасов не хватит и до конца следующей недели. При сокращении производства электричества до 25 % общее отключение электричества было неизбежно, большая часть промышленных предприятий прекратила бы работу. Генеральный атторней сообщил, что меры, предусмотренные Законом о промышленных отношениях в отношении вторичных бойкотов, блокирование поставок и побуждение других рабочих принять участие в акции, приводящей к срыву коммерческого контракта, не войдут в силу вплоть до 28 февраля. Он считал, что большая часть имевшего места пикетирования была законной. Что касается уголовного права, некоторые были арестованы, но при этом он признал, что «деятельность пикетчиков ставила полицию перед очень трудными и щепетильными решениями».

Это было мягко сказано. Лидер левого крыла йоркширских шахтеров Артур Скаржилл, организовавший политическую забастовку шахтеров, с которой я столкнулась в 1984–1985 гг., уже был на пути к лаврам признанного профсоюзного активиста. В ходе заседания кабинета пришло сообщение министру внутренних дел Реджи Модлингу. Начальник полиции Бирмингема просил закрыть коксовый склад Солтли управления газовой промышленности Уэст Мидленд, поскольку дорогу грузовикам преградили 7000 пикетчиков, тогда как полиция имела пятьсот человек. Это была победа ценой насилия.

Тед объявил отступление. Он назначил следственную комиссию под началом вездесущего лорда Уилберфорса. К этому моменту энергетический кризис достиг таких размеров, что мы в кабинете обсуждали, есть ли у нас время ждать, пока пройдет голосование среди членов Национального профсоюза горняков об окончании забастовки; организация голосования могла занять больше недели. Поэтому никто и не подумал возразить, когда Уилберфорс порекомендовал увеличение заработной платы, значительно превосходящее уровень, предписанный вступившим в силу параграфом о заработной плате Закона о промышленных отношениях. Но мы были ошеломлены, когда активистское большинство исполнительного комитета НПП отклонило рекомендацию следственной комиссии, требуя еще денег и прочих уступок.

Тед собрал нас вечером в пятницу 18 февраля, чтобы решить, что делать. Конфликт нужно было быстро разрешить. Позднее той ночью Тед вызвал НПП и НУУП к себе на Даунинг-стрит, 10, и убедил профсоюз отказаться от дополнительного увеличения зарплаты, согласившись на все условия. Исполнительный комитет НПП согласился, и уже через неделю то же сделали шахтеры путем голосования. Конфликт был завершён. Но разрушительный эффект, который он произвел, остался.

Растущая безработица в сочетании с событиями в «Аппер Клайд Шипбилдерс» и унижение, нанесенное правительству шахтерами, вылилось в фундаментальную переоценку политики. Не то чтобы Тед полностью отверг сэлдонский подход, но скорее отказался от отдельных его аспектов и усилил государственный экономический контроль, что, возможно, соответствовало его симпатиям в адрес континентальной Европы. Мне это мне не нравилось. Наша неспособность противостоять силе профсоюзов была очевидной. Закон о промышленных отношениях уже казался пустым: вскоре он был дискредитирован полностью. Как многие консерваторы, я была готова дать шанс политике, которая сохраняла некоторые из целей, которые мы поставили перед собой в 1969–1970 гг. Я была готова примириться с официально установленными ценами и политикой доходов, чтобы попытаться уменьшить урон, причиненный злоупотреблением силой профсоюзов. Но я была не права. Государственное вмешательство в экономику в конечном итоге не шло вразрез с закрепленными имущественными правами, ибо скоро оно вошло с ними в сговор.

Заседания кабинета обычно не проводятся по понедельникам, на понедельник 20 марта 1972 г. у меня была запланирована встреча по научным вопросам, так что я не присутствовала на заседании, где обсуждались бюджет и новая промышленная Белая книга. Обе темы, дополняя друг друга, демонстрировали смену стратегии. Бюджет был рефляционным, значительно сокращал подоходный налог и налог на покупку, увеличивал пенсии и пособия социального страхования и инвестиции, стимулирующие развитие промышленности.

Ходили слухи, что Тони Барбер и казначейство были недовольны бюджетом, полагая, что он навязан Тедом. Тот факт, что в докладе о бюджете эти меры были представлены, как запланированные, чтобы помочь Британии удовлетворить требования, возникшие в связи с вопросом о членстве в ЕЭС, некоторым образом это подтверждает. В планах открыто стояло сильное увеличение спроса, которое, как утверждалось, не повлечет повышения инфляции в условиях высокой безработицы и неиспользованных ресурсов. Валютная политика была упомянута, но только для того, чтобы подчеркнуть ее «гибкость», цифры о росте денежной массы не были представлены.

В среду 22 марта Джон Дэвис опубликовал свою Белую книгу «Промышленное и региональное развитие», на которой основывался закон о промышленности 1972 г. Сторонники консерваторов и их оппоненты сочли ее разворотом на сто восемьдесят градусов. Некоторое члены кабинета были недовольны, кое-что из этого попало в прессу.

Следовало ли мне уйти в отставку? Возможно. Но те из нас, кому не нравилось происходящее, все еще не определили свою позицию. Говоря по правде, моя отставка мало бы что изменила. Я была слишком незначительной фигурой, чтобы мою отставку охарактеризовали иначе, нежели маленькое «затруднение». При том я считаю себя обязанной воздать должное таким людям, как Дж. Брюс-Гардайн, Дж. Биффен, Н. Ридли и, конечно, Ин. Пауэлл, который обнажал безрассудство происходящего в своих речах в Палате общин и в газетных статьях.

Еще один удар по политическому курсу, принятому в 1970 г., был впереди. Им стала фактическая ликвидация Закона о промышленных отношениях. Закон не предусматривал, что отдельные члены профсоюза попадут в тюрьму. Конечно, ни одно юридическое положение не может быть гарантией против перспективы того, что некоторые нарушители порядка намеренно стремятся к мученичеству. Между работодателями и работниками судостроительной верфи шел долгий спор о «контейнеризации», ставший причиной случившегося.

В марте 1972 г. Национальный суд по промышленным отношениям оштрафовал Профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих (ПТНР) на 5000 фунтов за отказ подчиниться приказу о предоставлении доступа к ливерпульским докам. В следующем месяце профсоюз был оштрафован на 50000 фунтов за неповиновение властям при вторичном коллективном протесте на верфях. ПТНР утверждал, что не несет ответственности за действия своих цеховых организаторов, но в мае суд решил дело иначе.

Совершенно неожиданно апелляционный суд пересмотрел судебные решения и вынес вердикт, что профсоюз не был ответственным, таким образом, цеховые организаторы несли личную ответственность. Это грозило для них тюремным заключением. В следующем месяце три докера, вовлеченные в протесты, оказались перед угрозой ареста за отказ предстать перед Национальным судом по промышленным отношениям; теперь бастовали 35 000 членов профсоюза. В последний момент официальный солиситор подал на апелляцию, чтобы предотвратить арест докеров. Но в июле еще пять докеров попали в тюрьму за неповиновение власти.

Левые были безжалостны. Выступление Теда в парламенте было заглушено криками. Проводились забастовки в знак поддержки, в том числе приведшие к закрытию общенациональных газет на пять дней. Британский конгресс тред-юнионов (БКТ) призвал к общей однодневной забастовке. 26 июля Палата лордов отменила решение апелляционного суда и подтвердила, что профсоюзы несли ответственность за действия своих членов. Национальный суд по промышленным отношениям отпустил пятерых докеров.

Это означало конец Закона о промышленных отношениях, но не привело к завершению проблем в доках. Последовала общенациональная забастовка на верфях, было объявлено еще одно чрезвычайное положение. Все это закончилось, по большей части на условиях докеров, только в августе. В сентябре Генеральный конгресс БКТ насыпал соли в рану, исключив тридцать два малых профсоюза, отказавшихся вопреки директиве БКТ зарегистрироваться. Я была в шоке.

Летом 1972 г. нам представлен был третий вариант нового экономического подхода, представлявший собой попытку прийти к соглашению о ценах и доходах в ходе трехсторонних переговоров с Конфедерацией британской промышленности (КБП) и БКТ. Хотя у нас не было четкой политики оплаты труда, мы жили в мире «норм» с осени 1970 г., в надежде, что «текущая ставка» будет понижена в последующих платежных раундах. Шахтерское соглашение пробило явную брешь в этой политике, но Тед решил, что нам лучше идти вперед, нежели отступить.

С лета 1972 г. нашей целью стала еще более детальная политика цен и доходов, центр принятия решений удалялся от кабинета министров и парламента. Поэтому я могу лишь частично представить, как развивались события. Кабинет просто получал отчеты от Теда о том, какого политического курса он придерживается, тогда как отдельные министры завязли в деталях переговоров об оплате труда. Этот почти одержимый интерес к нюансам выдачи вознаграждения сопровождался в значительной степени бессилием по поводу договоров, которые были заключены. Самым главным результатом было то, что министры отвлеклись от больших экономических вопросов и были заняты не относящейся к делу информацией, тогда как мы должны были смотреть вперед, чтобы быть готовыми к надвигающимся угрозам.

За время трехсторонних переговоров с БКТ и КБП (июль – октябрь) мы не могли контролировать инфляцию путем сдерживания заработной платы. Более того, мы встали на более скользкий путь. В обмен на предложение КБП обеспечить «добровольное» сдерживание цен при участии 200 крупнейших компаний Британии, обязующихся ограничить рост своих цен пятью процентами в следующем году, мы запустили дорогостоящую и обреченную на провал политику удержания цен национализированной промышленности на том же уровне, что означало, что они продолжают работать в убыток.

БКТ со своей стороны использовал свою роль в трехсторонних переговорах с целью установления собственной экономической политики. Они хотели понижения цен на аренду муниципальных жилых домов (что саботировало бы закон о жилищном строительстве, ориентированном на уровень рыночных цен). Они стремились к контролю прибылей, дивидендов и цен с целью обеспечить перераспределение доходов и благосостояния (другими словами, к реализации социализма) и отмене Закона о промышленных отношениях.

Тед довольно серьезно воспринял эти требования и согласился рассмотреть способы, позволявшие улучшить оплату труда низкооплачиваемых рабочих, не приводя к пропорциональному увеличению заработной платы других рабочих. Другими словами, мы безоговорочно перешли на социалистическую почву, где «низкая заработная плата», как бы она ни называлась, была «проблемой», которую должно было решать правительство, а не рабочие механизмы рынка. Правительство предложило ограничить увеличение заработной платы в размере двух фунтов в неделю на протяжении следующего года, тогда как КБП согласилась увеличивать цены не больше чем на 4 % в течение того же периода.

Этого было недостаточно. БКТ не желал, а возможно, не мог обеспечить ограничение роста заработной платы. В конце октября у нас прошло долгое совещание о доводах в пользу введения установленных законом ограничений, начиная с замораживания заработной платы. Из этого можно понять, в каком умонастроении мы пребывали, ибо, насколько я помню, никто в кабинете не отрицал, что это была именно та политика, которую мы отвергали в своем предвыборном манифесте в 1970 г. С огромной неохотой Тед признал, что БКТ переубедить не удастся. В пятницу 3 ноября 1972 г. кабинет министров принял роковое решение ввести курс установленных законом ограничений, начиная с замораживания цен и зарплат сроком на девяносто дней. Тед был прав, когда он завершил встречу предупреждением, что нас ждет трудное время.

Изменение экономической политики сопровождалось перестановкой в кабинете министров. Морис Макмиллан, сын Гарольда, в июле 1972 г. занял место Роберта Карра в Министерстве по вопросам трудоустройства, когда последний заменил Реджи Модлинга на посту министра внутренних дел. Теперь Тед продвигал своих молодых приверженцев. Питер Уокер сместил Джона Дэвиса в Министерстве торговли и промышленности, а Джим Прайер стал лидером Палаты общин. Джеффри Хау, по настроению экономический либерал, был принят в кабинет, но получил отравленную чашу ответственности за политику цен и доходов.

Для большинства парламентариев новая политика выглядела слишком очевидным поворотом на сто восемьдесят градусов. Когда Инок Пауэлл спросил в парламенте, не «распроцался ли с разумом» премьер-министр, Палата отреагировала молчанием, но многие были с ним согласны. Показательно, что такие ярые оппоненты нашей политики, как Ник Ридли, Джок Брюс-Тардайн и Джон Биффен, были избраны в руководство важных парламентских комитетов, а Эдвард дю Канн, представитель правых сил партии и противник Теда, стал председателем «Комитета 1922 года».

Вслед за первой стадией замораживания зарплат правительство разработало вторую. Она продлевала существующий уровень оплаты труда и цен до конца апреля 1973 г., а в оставшийся период 1973 г. рабочие могли ожидать прибавки в один фунт в неделю и 4 %, с максимальным увеличением зарплаты до 250 фунтов в год. Эта формула была создана, чтобы поддержать низкооплачиваемых рабочих.

Для управления всем этим были организованы Совет по оплате труда и Комиссия по ценам. Наши парламентские критики были проницательнее, чем большинство комментаторов, полагавших, что все это здравый и прагматичный ответ на безответственность профсоюзов. Вначале казалось, что комментаторы правы. Вызов, брошенный рабочими газовой промышленности, потерпел поражение в конце марта. Шахтеры после увеличения их зарплат в прошлом году отказались от участия в забастовке (вопреки совету исполнительного комитета их профсоюза) в ходе голосования, проведенного 5 апреля. Резко уменьшилось число рабочих дней, потерянных из-за забастовок. Безработица была на самом низком уровне в период с 1970 г. Правительство несколько расслабилось. Тед был явно счастливее, надев свою новую коллективистскую шляпу, нежели когда прятался за сэлдонским костюмом.

Вместе с тем казначейство беспокоило рост экономики, который превышал пять процентов. Денежная масса, как показывал МЗ (совокупная денежная масса), росла слишком быстро, хотя М1, который предпочитало правительство, рос медленнее { М1 включает наличность в обращении, счета до востребования в коммерческих и взаимно-сберегательных банках; МЗ – показатель денежной массы, включающий агрегат М1 и банковские депозиты частного сектора и депозитные сертификаты, включая показатели в иных валютах, нежели фунт стерлингов. }. Мартовский бюджет 1973 г. не уменьшил перегрев экономики, он не был сбалансирован из-за необходимости удерживать рост цен и расходов, что называлось «противоинфляционной политикой».

В мае были приняты сокращения в государственных расходах. Но этого было слишком мало и слишком поздно. Хотя инфляция росла в течение первых шести месяцев 1973 г., минимальная ставка ссудного процента постоянно сокращалась и была введена временная ипотечная субсидия. Премьер-министр также приказал подготовить меры, чтобы взять под государственный контроль ипотечные ставки, на случай если строительным организациям не удастся их удержать по истечении срока субсидий.

Эти фантастические предложения лишь отвлекали нас от необходимости решить растущую проблему слабости фунта. Лишь в июле минимальная ставка ссудного процента выросла с 7,5 % сначала до 9 %, а затем до 11,5 %. Мы вообще-то опережали лейбористов по опросам общественного мнения в июне 1973 г., впервые за период с 1970 г. Но в июле на дополнительных выборах либералы отняли у нас Илай и Рипон. Экономически и политически мы уже начали сталкиваться с последствиями урагана.

Летом 1973 г. Тед провел новые переговоры с БКТ в поисках соглашения по стадии 3. Детальная работа была проделана группой министров под председательством Теда, а остальные из нас мало что об этом знали. Не знала я и того, что значительное внимание было уделено проблеме, которая могла возникнуть с шахтерами. Как многие мои коллеги, полагаю, я верила, что они уже получили свое. Мне кажется, что меня больше других беспокоила проблема увеличения запасов угля на случай еще одной шахтерской забастовки. С шахтерами нужны были либо кнут, либо пряники. Правительству явно не хватало осмысленной стратегии. Как мы теперь знаем, Тед провел секретную встречу с шахтерским президентом, Джо Гормли, в саду возле дома № 10 и думал, что нашел формулу согласия с шахтерами в виде дополнительной оплаты за «неудобные часы» { Работа поздней ночью, ранним утром, в выходные и дни общенародных праздников. }. Но, как оказалось, это был просчет. Требования шахтеров не были удовлетворены на стадии 3.

В октябре кабинет утвердил Белую книгу «Стадия 3». Она была чрезвычайно сложной и представляла собой кульминацию коллективизма правительства Хита. Все возможные случайности, которые только можно вообразить, были учтены. Но как показал прошлый опыт политики оплаты труда, вы бы все равно ошиблись. Мое непосредственное участие в работе над этой новой политикой оплаты труда состояло в том, что я заседала в соответствующем подкомитете кабинета министров по экономике, обычно под председательством Теренса Хиггинса, министра казначейства. Даже те, кому нравилась концепция политики доходов, основанная на принципах «справедливости», усомнились, когда увидели, как эти принципы применяются в конкретных случаях. Мое присутствие на заседаниях Хиггинса обычно объяснялось необходимостью решить вопросы об оплате труда учителей.

Был, например такой случай: мы обсуждали, какой должна быть норма зарплаты у парламентских секретарей. Я сказала, что пришла в политику не затем, чтобы обсуждать такие решения, и что я бы сама платила своему секретарю столько, сколько нужно, чтобы удержать ее на рабочем месте. Другие министры согласились. Но дело в том, что они знали своих секретарей; они не знали других людей, о заработной плате которых принимали решения.

В любом случае реальность скоро стала очевидной. Два дня спустя после объявления «Стадии 3» Национальный профсоюз горняков отверг предложение Национального управления угольной промышленности стоимостью в 16,5 процента в обмен на соглашение о производительности. Правительство немедленно взяло на себя переговоры. (Дни нашего «невмешательства» давно прошли.) Тед встретился с представителями Национального профсоюза горняков на Даунинг-стрит, 10, но к соглашению они не пришли. В начале ноября Национальный профсоюз горняков наложил запрет на сверхурочную работу.

Морис Макмиллан сказал нам, что хотя скорое голосование о забастовке кажется маловероятным и, даже если будет проведено, не обеспечит необходимого большинства для проведения забастовки, все равно запрет на сверхурочную работу резко снизит производство угля. Общим чувством в кабинете было то, что правительство не могло пойти на уступки в свете недавно введенного кодекса оплаты труда. Вместо этого нам следовало сделать особое усилие, чтобы продемонстрировать, чего можно добиться в его рамках. Шахтеры не были единственной угрозой. Пожарники, электрики и инженеры выставляли свои требования.

Общеизвестно, что угроза эмбарго на ввоз нефти и рост цен на нефть, последовавшие за арабо-израильской войной, очень сильно ухудшили ситуацию. Когда последствия забастовки шахтеров усилились, возникло чувство, что мы больше не контролируем происходящее. Как-то надо было прорываться. Поэтому скорые парламентские выборы выглядели привлекательными. Что бы мы делали, если бы нас переизбрали, это сложный вопрос. Тед, возможно, пошел бы дальше по пути контролируемой экономики. Другие захотели бы найти способ выплатить шахтерам их дань. Кит и я, а также большая часть членов парламентариев-консерваторов постарались бы избавиться от атрибутов корпоративного и государственного контроля и постарались бы вернуться к свободному рынку, от которого позволили себе уйти в 1972 г.

Заседание кабинета во вторник 13 ноября было мрачным, поскольку кризис усилился на всех фронтах. Тони Барбер сказал нам, что октябрьская торговая статистика в тот день снова продемонстрировала большой дефицит. Дальновидным шагом со стороны Теда в начале декабря стало то, что он перевел Уилли Уайтлоу из Министерства по делам Северной Ирландии на пост министра по вопросам трудоустройства, заменив Мориса Макмиллана. Уилли был способен к соглашательству, качество необходимое, когда нужно найти выход из сложной ситуации с шахтерами. Сила правительства держалась на том, что по опросам общественного мнения мы опережали лейбористов, так как общественность была возмущена действиями шахтеров. Тогда все, кроме самых агрессивных профсоюзных активистов, убоялись бы конфронтации, могущей ускорить парламентские выборы.

В четверг 13 декабря Тед объявил о введении трехдневной рабочей недели с целью экономии энергии. Тем вечером он также выступил по телевидению. Это создавало впечатление сложившейся кризисной ситуации. Сначала объем промышленного производства оставался более или менее таким же, что само по себе было признаком неэффективности и раздутости штатов на столь многих предприятиях британской промышленности. Но мы этого тогда не знали. Мы не знали, как долго мы продержимся даже на трехдневной неделе. Консерваторы поддерживали предпринятые меры. Также с пониманием была воспринята необходимость сокращения государственных расходов на 1,2 миллиарда, о котором было объявлено несколько дней позже.

На этом этапе мы верили, что можем положиться на лидеров делового мира. Незадолго до Рождества Дэнис и я пошли на вечеринку в доме друга в Ламберхерсте. У них были перебои с электричеством, так что, чтобы подняться по лестнице, дорогу освещали свечками, помещенными внутрь банок из-под варенья. Это создавало впечатление военного времени. Все присутствующие бизнесмены говорили в один голос: «Нужно противостоять. Ведите

борьбу до конца. Выпроводите их. Мы не можем так продолжать». Это очень воодушевляло. В тот момент.

Казалось невозможным найти достойный или удовлетворительный выход из этого конфликта. Предложение правительства о немедленном расследовании проблем горной промышленности и вопросов о зарплате шахтеров при условии, что Национальный профсоюз горняков вернет шахтеров на работу, приняв сегодняшнее предложение, было категорически отвергнуто.

Было ясно, что, если и когда мы сможем пройти через данный кризис, нужно будет ответить на фундаментальные вопросы о направлении политики правительства. Шахтеры, в разной степени поддерживаемые другими профсоюзами и Лейбористской партией, попирали закон, принятый парламентом. Профсоюзные активисты явно хотели свалить правительство и продемонстрировать раз и навсегда, что Британией можно управлять лишь с согласия профсоюзного движения. Это было невыносимо не только для меня, как члена консервативного кабинета министров, но и для миллионов других людей, которые видели, что фундаментальные свободы страны находятся под угрозой. Дэнис и я, наши друзья и большая часть моих партийных коллег чувствовали, что теперь мы должны поднять перчатку и что единственным способом это сделать было созвать и выиграть парламентские выборы. С этого момента именно к этому я призывала при каждом удобном случае.

Я была удивлена и разочарована отношением Теда Хита. Он, казалось, утратил ощущение реальности, погрузившись в будущее «Стадии 3» и в нефтяной кризис, нежели в насущные вопросы о выживании правительства. Заседания кабинета министров концентрировались на тактике и деталях и никогда на фундаментальной стратегии. Такие обсуждения, должно быть, проводились на других совещаниях, но я даже в этом сомневаюсь. Странным образом ему это не казалось срочным. Подозреваю, что Тед тайно и отчаянно хотел избежать выборов и не хотел серьезно о них думать. В конце концов, как некоторые из нас думали, потому что его внутренний круг разошелся с ними во мнении по этому вопросу. Тед наконец пригласил некоторых из нас прийти к нему, несколькими маленькими группами, в понедельник 14 января в его кабинет на Даунинг-стрит.

Несколько дней оставалось до 7 февраля, наиболее удобной «ранней даты» выборов. На встрече нашей группы в доме номер 10 в основном говорили Джон Дэвис и я. Мы стремились заставить Теда признать тот факт, что мы не можем позволить профсоюзам попиравать закон и политику демократически избранного правительства. Нам следует организовать досрочные выборы и открыто сражаться под девизом «Кто правит Британией?». Тед мало что сказал. Я ушла в подавленном состоянии, до сих пор верю, что, если бы он согласился на внесрочные выборы, мы бы выкарабкались.

В следующую среду, 30 января, все еще под угрозой голосования о забастовке, было созвано заседание кабинета. Тед сказал, что получил доклад комиссии по оплате труда. Вопрос был в том, стоит ли нам принять доклад и запустить новый механизм расследования заявлений об «относительности». Шахтеры всегда требовали улучшения своей относительной зарплаты, отсюда их отказ от предложения оплаты «неудобных часов», которая применялась ко *всем* шахтерам, работающим посменно.

Комиссия по оплате труда могла бы предоставить основание для их урегулирования в рамках политики о доходах, потому что это четко подтверждало идею, что изменения в промышленности также могли быть приняты в расчет благодаря «внешним событиям», когда будет решено платить. Быстро растущие цены на нефть были как раз таким «внешним фактором». Мы знали, что у правительства нет иного выбора, кроме как запустить механизм. Если мы этого не сделаем, это будет выглядеть так, как будто мы стараемся избежать соглашения с шахтерами. А в связи с грядущими выборами следовало иметь в виду общественные настроения. Выборы стали неизбежными, когда во вторник 5 февраля мы узнали, что 81 % при-

нявших участие в голосовании Национального профсоюза горняков поддержал забастовку. Слухи о выборах достигли крайней точки, откуда уже не было пути назад. Два дня спустя Тед сказал кабинету, что он решил распустить парламент. Выборы были назначены на четверг 28 февраля.

Уилли предложил направить требования шахтеров Комиссии по оплате труда для исследования требований. Он сформулировал свои доводы так: это даст нам возможность что-то сказать во время выборов в ответ на неизбежный вопрос: «Как вы решите конфликт с шахтерами, если победите?» Тогда кабинет принял роковое решение согласиться на предложение Уилли. Из-за того, что выборы проходили в такой спешке, я не принимала участия в создании черного проекта манифеста даже по разделу образования. Трудно было сказать нечто новое, а главная тема документа – необходимость твердого и честного правительства во время кризиса – была очевидна. Главным обещанием было изменить систему, в соответствии с которой семьям бастующих выдавались пособия социального страхования.

Почти все время кампании я надеялась, что мы победим. Сторонники Консервативной партии, отвернувшиеся от нас из-за разворота на сто восемьдесят градусов, стали возвращаться. Разочарование в нашей слабости заставило их вернуться к нам теперь, когда, как они видели, мы восстали против воинственности профсоюзов. Гарольд Вильсон представлял подход Лейбористской партии в контексте «общественного договора» с профсоюзами. Те, кто стремился к тихой жизни, могли на это польститься. Думаю, что если бы не уходили от главной темы, которую можно выразить вопросом «Кто правит?», мы бы выиграли выборы.

С трудом я поверила, когда услышала по радио об утечке данных, рассматриваемых Комиссией по оплате труда. Там прозвучало, что шахтеры смогут получать больше в рамках «Стадии 3», а значит, выборы были не нужны. Попытки правительства это отрицать были сбивчивыми и никого не убедили. С того момента все покатило вниз.

Два дня спустя Пауэлл призвал людей голосовать за лейбористов, чтобы гарантировать референдум по вопросу об Общем рынке. Я могла понять его логику, основанную на том, что членство в Общем рынке аннулировало британский суверенитет, а потому важнейшим политическим вопросом было его восстановление. Но меня шокировала его манера поведения.

Кэмпбелл Адамсон, генеральный директор Конфедерации британской промышленности, публично призвал аннулировать Закон о промышленных отношениях. Это был жест, типичный для лидеров британской промышленности: храбриться до начала битвы и не иметь мужества в бою.

Ко дню выборов мой оптимизм сменился предчувствием беды. Это чувство росло, когда в то утро из Финчли и других мест по всей стране стали приходить новости о неожиданно большой явке избирателей на избирательные участки. Мне бы хотелось верить, что это все были рассерженные консерваторы, вышедшие продемонстрировать свой протест против силы и шантажа профсоюзов. Но было вероятнее, что это были избиратели из округов, где преобладали лейбористы, которые вышли, чтобы преподать тори урок. Результаты показали, что нам нечему было радоваться. Мы потеряли тридцать три места и получили «подвешенный» парламент, где ни у одной партии не было подавляющего большинства голосов. Лейбористы получили 301 место, им не хватило семнадцати до большинства. Нам досталось 296 мест, либералы завоевали почти 20 процентов голосов и четырнадцать мест, а маленькие партии заняли двадцать три места. Мое собственное преимущество упало с 11000 до 6000 голосов, что отчасти объяснялось изменениями границ избирательного округа.

В пятницу вечером мы собрались, измученный и подавленный остаток правительства, и Тед Хит спросил наше мнение о том, что следует делать. Было несколько мнений. Тед мог посоветовать королеве обратиться к Г. Вильсону, лидеру партии, набравшей большее число

голосов. Или правительство могло созвать парламент, чтобы узнать, может ли оно рассчитывать на поддержку своей программы. Еще Тед мог попытаться договориться с маленькими партиями о совместных действиях по преодолению проблем страны. Из-за нашей политики в Северной Ирландии «Юнионистская партия Ольстера» с нами бы сотрудничать не стала, но мы могли бы вступить в союз с либералами, хотя это не дало бы нам большинства.

Мне казалось, что партия, занявшая в Палате большинство мест, имела все права ожидать, что им предложат сформировать правительство. Но Тед возразил, что, поскольку Консервативная партия завоевала большинство голосов, он обязан использовать возможность коалиции. Так что он предложил лидеру либералов Джереми Торпу место в коалиционном правительстве и обещал созвать конференцию о реформе избирательной системы. Торп ушел совещаться со своей партией. Мне не хотелось, чтобы Консервативная партия лишалась возможности сама формировать правительство, ведь введение пропорционального представительства, которое потребовали бы либералы, могло к этому привести. К тому же я думала, что из-за этого торга мы выглядели нелепо. Британия не любит тех, кто не умеет проигрывать. Пришла пора уйти.

Когда мы снова собрались в понедельник утром, Тед дал нам отчет о своих переговорах с либералами. Они не согласились с предложением Дж. Торпа. Было очевидно, что Теду придется подать в отставку. Последнее заседание кабинета было созвано в 16.45 тем же днем. К тому моменту был получен ответ от Торпа. Становилось ясно, что возникла идея создания национального правительства, где были бы представлены все партии. Мне, конечно же, это совершенно не нравилось. В любом случае либералы не собирались участвовать с нами в коалиционном правительстве. Я покинула Даунинг-стрит с грустью, но и с некоторым облегчением, не думая о будущем. Но в глубине души я знала, что пришло время не только для смены правительства, но и для перемен в Консервативной партии.

Глава 8 Уловить момент

Перевод Резницкая Т.В.

Парламентские выборы в октябре 1974 года и кампания за лидерство в Консервативной партии

Всегда нелегко уйти из правительства в оппозицию. По ряду причин это было особенно трудно для консерваторов правительства Теда Хита. Во-вторых, сам Тед отчаянно хотел остаться на посту премьера. Он был бесцеремонно выставлен с Даунинг-стрит и в течение нескольких месяцев вынужден был жить на квартире старого друга и личного парламентского секретаря Тима Китсона, поскольку своего дома у него не было. Несколько лет спустя я приняла решение: когда придет мое время покинуть Даунинг-стрит, у меня должен быть дом, куда уйти. Страстное желание Теда остаться премьер-министром объясняло разговоры о коалиции и национальном правительстве, так обеспокоившие партию. В-третьих, и это хуже всего, наследством разворота на сто восемьдесят градусов было то, что у нас не было твердых принципов и достижений, на которых мы могли бы строить свои аргументы. А в оппозиции аргументы, – это все.

Я была рада, что Тед не предложил мне место в департаменте образования, а дал пост теневого министра по вопросам окружающей среды. Я была убеждена, что проблема налогов и жилищных условий – в особенности последнее, способствовала нашему поражению. Меня привлекала задача разработать здравую политику в этой сфере. Многие были неясны из-за досрочных выборов, способных дать Лейбористской партии значительный перевес голосов, потому едва ли имело смысл теперь менять лидера.

Но были и другие причины. Тед все еще провоцировал нервозность, резкие повороты проводимого им политического курса создавали некую ауру вокруг него. Парадоксальным образом и те, кто поддерживал подход Теда, и те, кто думал совершенно иначе, были согласны, что политика подкупа избирателей, проводимая теперь Лейбористской партией, неизбежно ведет к экономическому краху. Но было много мечтателей-тори, веривших, что это может каким-то образом вернуть Консервативную партию к власти в роли «доктора», Тед не сомневался в своих «медицинских полномочиях».

Однако он не пошел на уступки своим критикам в партии. А между тем он защитил бы себя от неопределенности своей позиции, изменив подход к некоторым вещам. Он мог бы продемонстрировать стремление правительства признать ошибки, мог бы пригласить критиков из числа рядовых членов парламента присоединиться к нему и участвовать в пересмотре курса, мог бы изменить состав теневого кабинета.

Но он ничего этого не сделал. Он заменил Э. Барбера Р. Карром, человеком еще более преданным политике экономического вмешательства, принесшей нам столько проблем. В течение года он привел в теневой кабинет таких членов парламента, как М. Хезелтайн и П. Ченнон, которые были его последователями и не представляли мнение большинства парламентариев. Только Джон Дэвис и Джо Годбер, ни один из которых не был идеологически яркой фигурой, вышли из состава кабинета. Тед отказался признать, что экономическая политика, осуществляемая его правительством, была ошибочной.

Когда Кит Джозеф сказал, что не хочет никакого поста, но намерен сконцентрироваться на поисках новой политики, это оказалось опасным для Теда и плодотворным для партии. Электорат явно желал чего-то нового. Исполнительный комитет теневого кабинета мини-

стров был сформирован в угоду Теду. Меня и тех, кто подобно Дж. Хау, могли противостоять желаниям Теда, туда не пригласили.

Вплоть до октябрьских выборов 1974 г. большую часть времени я занималась проблемами жилищных условий и ипотечных ставок. В этих вопросах я сотрудничала с Хью Росси, соседом по избирательному округу, оказавшимся прекрасным экспертом по жилищным вопросам, а также с Майкл Лэтхем и Джон Стэнли, хорошо разбиравшимися в строительной промышленности. У Найджела Лоусона, нового члена парламента, всегда были собственные идеи. Нам помогали люди из строительных обществ и строительной промышленности. Этими яркими людьми приятно было руководить.

В качестве приоритета мы избрали, конечно, низкие ипотечные ставки. Технической проблемой было, как их можно достичь. В правительстве мы ввели ипотечные субсидии, и шли разговоры о том, чтобы захватить контроль над ипотечными ставками. Лейбористское правительство быстро предложило свою собственную схему, разработанную Гарольдом Левером, предложившим давать большие и дешевые краткосрочные займы строительным обществам. Наша задача состояла в том, чтобы придумать что-либо более привлекательное. Я всегда верила в демократию собственников и свободное домовладение. Гораздо дешевле помочь людям покупать дома в ипотеку, субсидируя ли ипотечные ставки или помогая с депозитными вкладами, или просто делая налоговые послабления на ипотечный процент, нежели строить новые муниципальные жилые здания или покупать частные дома и передавать их в собственность муниципалитетов.

Я часто цитировала результаты исследования, проведенного Исследовательским фондом по жилищным вопросам: «В среднем каждое новое муниципальное жилое здание сегодня обходится приблизительно в £900 в год в виде налоговых субсидий и ставок (включая субсидии для очень старых муниципальных жилых зданий)... Налоговая скидка на обычный ипотечный кредит, если рассматривать его как субсидию, в среднем составляет £280 в год». Моя группа по жилищным вопросам регулярно собиралась по понедельникам. Эксперты жилищного строительства и представители строительных обществ давали свои советы.

Было очевидно, что Тед был настроен сделать наши предложения по жилищным вопросам и, возможно, ипотечным ставкам центральным пунктом на следующих выборах. Поэтому на заседании теневого кабинета в пятницу 3 мая мы целый день обсуждали политические стратегии нашего предвыборного манифеста. Я сделала доклад о жилищных вопросах, и мне поручили создать группу для работы над политикой ипотечных ставок. Но самым важным на этом заседании было большое и безрезультатное выступление Кита о широком «монетаристском» подходе к решению проблем инфляции.

Вопрос о налогах был сложнее любого аспекта жилищной политики, там мне помогала другая группа. Реформа налогов намечала серьезные последствия для отношений между центральной и местной властью и для разных служб местных органов власти, особенно в сфере образования. Я полагалась на советы экспертов. Тут муниципальные казначейства оказались наилучшим их источником. Но работать из-за нехватки времени и под внимательным взглядом Теда и других, ожидавших чего-то радикального, доступного и способного обеспечить защиту, было нелегко.

Группа по жилищной политике провела уже свое седьмое заседание, наши предложения были хорошо разработаны к моменту, когда группа по ипотечным ставкам только начала работу. Я знала, что Тед и его советники ждут обещания, что мы отменим налоги. Но я не хотела давать такого обещания, пока не будет ясно, чем их заменить. В любом случае, если осенью пройдут выборы, было мало шансов найти жизнеспособную идею для представления в предвыборном манифесте.

В течение лета 1974 г. меня как никогда часто упоминали в прессе. Иногда это получалось случайно. Предварительный доклад о работе группы по жилищным вопросам, который я направила в теневого кабинет, появился на первой полосе «Таймс» в понедельник 24 июня. Перед этим теневой кабинет обсудил четвертый вариант черновика предвыборного манифеста, и главные линии предлагаемой мной жилищной политики были согласованы. Ипотечная ставка понижалась на некий неопределенный уровень за счет уменьшения составной ставки налога, выплачиваемого строительными обществами на счета вкладчиков, другими словами, субсидия представляла в виде налоговой скидки. Субсидия выдавалась бы людям, купавшим жилье впервые и хранившим деньги на счету в банке, хотя и здесь цифры не были определены. Планировалось проведение серьезного исследования в строительных обществах, эту идею я смоделировала для моего предыдущего исследования по поводу тренингов для учителей. Я надеялась, это станет долговременным ответом на проблему высоких ипотечных ставок и при этом уберезет нас от бессрочной субсидии.

Последний пункт касался права жильцов покупать дома, находящиеся в собственности муниципалитета. Из всех предложений это могло стать самым популярным. Предвыборный манифест 1974 г. предлагал жильцам муниципальных домов возможность покупать свое жилье, но сохранял право муниципалитетов отказаться от продажи и не предлагал скидки. Мы все хотели пойти дальше этого. Питер Уокер настаивал, что «право на покупку» должно распространяться на жильцов муниципальных зданий при максимально низкой цене. Я старалась быть осторожной.

Я опасалась отчуждения семей, уже находящихся в затруднительной финансовой ситуации, экономивших ради покупки дома по рыночным ценам в новых частных владениях и наблюдавших рост ипотечных ставок и падение цен на жилье. Эти люди составляли фундамент, на котором стояла Консервативная партия и к которым я испытывала естественную симпатию. Они, мне казалось, будут возражать, что жильцы муниципальных домов, не пройдя через трудности, которые пришлось преодолеть им, получили бы от правительства то, что, по сути, стоило крупной суммы денег. В итоге мы бы потеряли их поддержку.

В конечном итоге предвыборный манифест 1974 г. предлагал жильцам муниципальных зданий, проживавших в этих домах от трех и более лет, право купить дом на треть ниже рыночной цены. Если жилец продавал этот дом в течение ближайших пяти лет, он возвращал часть выгоды. Также мы определили размер материальной помощи, оказываемой тем, кто впервые покупал в частное владение дом или квартиру. Мы предлагали дотировать один фунт за каждые два фунта, сохраненные на депозитном вкладе, до определенной суммы.

Оставался, однако, вопрос, какую максимально низкую ипотечную ставку мы можем пообещать в предвыборном манифесте, именно он стоил мне больших хлопот. Когда в среду 28 августа я ехала в машине по пути из Лондона в Тонбридж на запись предвыборного политического выступления от имени партии, пришло сообщение на пейджер, требующее, чтобы я срочно позвонила. Тед подошел к телефону. Он попросил меня по телевидению объявить цифры снижения ипотечных ставок. Я сказала, что понимаю психологический эффект цифры ниже 10 %. Эта необходимость была бы удовлетворена цифрой в 9,5 %, при всем желании я не могла сделать ее меньшей. Снизить ее еще больше было бы ошибкой. Мне не нравилась тенденция брать цифры с потолка ради политического результата. Так что я остановилась на 9,5 %.

Сходной была история с налогами. Когда мы обсуждали этот вопрос на заседании теневого кабинета в пятницу 21 июня, я старалась избегать твердых обещаний и предложила, чтобы нашей линией были реформы, установленные для всех партий посредством специального комитета. В этой сфере нельзя было давать торопливых обещаний. Тед категорически не согласился и сказал, что мне нужно еще раз подумать.

Весь июль Чарльз Беллерс из исследовательского отдела Консервативной партии и я работали над черновиком раздела по налогам для нашего манифеста. Мы мыслили в терминах схемы облегчения налогов. Я вынесла наши предложения на обсуждение в исполнительном комитете теневого кабинета. Я высказалась за перевод учительской заработной платы, основного расхода местного бюджета, из муниципальных органов в казначейство. Можно еще было заменить налоги системой целевых субсидий, при этом местные органы сохраняли свободу действий по поводу расходов в рамках, установленных центральным правительством. Ни один из вариантов не был привлекательным.

В субботу 10 августа в речи, произнесенной в Сент-Стивенс на конференции кандидатов в парламент, я обнародовала нашу политику. Я выступала за всеобщую реформу налоговой системы, принимающей во внимание индивидуальную платежеспособность, и предложила перевод заработной платы учителей и временное ослабление налогов как пути к ее достижению. Это было хорошее время года – период новостного затишья, – чтобы выдвинуть новые предложения, и мы завоевали благосклонное внимание прессы. Казалось, это доказывало, что мы можем провести удачную кампанию, *не* представляя более конкретной информации. На самом деле, оглядываясь назад, я вижу, что мы *уже* были слишком конкретны.

Я надеялась провести отпуск с семьей в Ламберхерсте вдали от политики, но этому не суждено было случиться. Телефон беспрестанно звонил, и Тед и другие побуждали меня еще подумать над новыми схемами. Затем меня вызвали на еще одно совещание в пятницу 16 августа. Тед, Роберт Карр, Джим Прайер, Уилли Уайтлоу и Майкл Волфф из Центрального офиса – все были там. Было ясно, что их целью было силой заставить меня озвучить в предвыборном манифесте отмену налогов на время работы парламента.

Я возражала против этого по все той же причине, что выступала против обещания 9,5 % в ипотечных кредитах. Но контуженные своим неожиданным февральским поражением Тед и его окружение так хотели быть переизбранными, что хватались за любые соломинки, точнее, «изюминки» манифеста.

Было несколько способов увеличить доходные статьи расходов на местные нужды. Нам всем очень не хотелось смещаться к системе, посредством которой центральное правительство просто обеспечивало местное правительство целевыми субсидиями. Поэтому я сказала нашему кабинету, что реформированный налог на недвижимость будет наименьшим из всех зол. Но из глубины сознания родилась еще одна идея о сопровождении налога на недвижимость местным налогом на бензин. Конечно, было много возражений против обоих, но это было лучше, чем повышение подоходного налога.

Для моих коллег первостепенное значение имело обещание отменить налоги, и Тед на этом настаивал. Я была расстроена и возмущена тем, что меня снова толкали к непродуманной политике. Но я подумала, что если совместить осторожность в деталях с репрезентативной бравадой, на которую я способна, то я смогу заставить нашу программу налоговой и жилищной политики завоевать голоса. На этом я и сосредоточилась.

Вечером в среду 28 августа на пресс-конференции я представила пакет мер, основанных на ипотечных ставках в 9,5 % и отмене налогов, который, как описал бывалый журналист «Ивнинг Стандарт» Роберт Карвел, «был принят третьими репортерами почти так же хорошо, как и шерри», предоставленное Центральным офисом. По общему мнению, это был лучший эффект, произведенный партией в период после провала на февральских выборах.

Ассоциация строительных обществ приветствовала ипотечные ставки в 9,5 %, но сомневалась в моих расчетах. Я возмущенно сказала, что это их расчеты неверны, и они отступили. Среди рядовых членов партии, которых мы должны были заново завоевать, наше ипотечное предложение было чрезвычайно популярно. То же было и с обещанием по налогам. Лейбористская партия была в замешательстве, и, что было для него необычно, Тони

Кросланд отреагировал эмоционально, назвав эти предложения моим «Безумием в летнюю ночь». Вся эта шумиха была хороша и для меня лично. Хотя я не знала об этом тогда, этот период и кампания в октябре 1974 г. позволили мне произвести благоприятное впечатление на всех консерваторов, без чего моя будущая карьера, несомненно, была бы совершенно другой.

Хотя обязанности представителя теневого кабинета по вопросам окружающей среды отнимали большую часть моего времени и энергии, с конца июня я стала частью проекта, имевшего серьезные последствия для Консервативной партии, страны и меня лично. Организация Центра политических исследований (ЦПИ) – это скорее дело рук Кита Джозефа. После краха правительства Хита Кит был уверен в необходимости основательно переосмыслить нашу политику. Для этого Кит подходил идеально. Он глубоко интересовался экономической и социальной политикой, имел опыт работы в правительстве. При этом у него была удивительная способность завоевывать дружбу и уважение людей с разными взглядами. Он производил сильное впечатление своей убежденностью и мог смело высказывать непопулярные взгляды враждебной аудитории, хотя от природы был очень застенчив. Он был почти слишком хорошим человеком для политики, а ведь без некоторого числа таких людей политика была бы просто невыносима.

Я бы не стала лидером оппозиции и не достигла бы многого в качестве премьер-министра, если бы не Кит. Справедливости ради надо сказать, что и Кит не смог бы достичь многого, если бы не ЦПИ и Альфред Шерман. Помимо того, что Альфред был евреем, он и Кит имели очень мало общего, и на первый взгляд трудно было поверить, что они в принципе могут работать вместе. Альфред был по-своему очень ярок. Он внес свой пыл новообращенца (сначала он был коммунистом), свою начитанность и свой талант азартного спорщика в дело создания нового типа консерватизма свободного рынка. Как мне казалось, он больше интересовался философией, лежащей в основе политики, нежели в самой политике. Ему лучше удавалось опровергать небрежно построенные аргументы, нежели разрабатывать оригинальные идеи. Сила и ясность ума, полное безразличие к тому, что люди о нем думают, делали его совершенным дополнением и антиподом Кита. Альфред помог Кита превратить ЦПИ в электростанцию, производящую альтернативный консервативный образ мышления по экономическим и социальным вопросам.

Вначале я не принимала участия в этой работе. В марте Кит добился одобрения Теда на создание группы по исследованию экономики других стран Европы, особенно так называемой социально-рыночной экономики, существовавшей в Западной Германии. Тед посадил в совет директоров ЦПИ Адама Ридла, своего советника по экономике со времен Департамента консервативных исследований, но в остальном Кит был предоставлен самому себе.

Я была впервые непосредственно вовлечена в деятельность ЦПИ в конце мая 1974 г. Не знаю, планировал ли Кит когда-либо пригласить других членов теневого кабинета присоединиться к его Центру. Позиция Кита была уязвимой, существовал страх спровоцировать гнев Теда и насмешки комментаторов левого крыла. Но я ухватилась за шанс стать вице-председателем Кита.

ЦПИ был чрезвычайно небюрократическим учреждением. Альфред Шерман ухватил его главную суть, сказав, что он был «вдохновителем, агентом перемен и политическим ферментом». Изначально предложенный подход социального рынка не принес особых результатов, хотя памфлет под названием «Почему Британии нужна социально-рыночная экономика» был опубликован.

То, что Центр стал разрабатывать после, было обусловлено желанием выставить на всеобщее обозрение недалекость и обреченность на провал вмешательства правительства в экономику. Он продолжил привлекать политические аргументы в открытых дебатах

на самом высоком интеллектуальном уровне. Целью было подтолкнуть изменения. Чтобы этого добиться, использовалась еще одна фраза Альфреда: «вообразить невообразимое».

Кит решил выступить с циклом речей летом и осенью 1974 г., в которых он представлял анализ того, что пошло неправильно и что следует делать. Первая речь, целью которой, помимо прочего, было вызвать интерес среди тех, кто организовывал сбор средств на благотворительные нужды, была произнесена в Апминстере в субботу 22 июня. Черновик написал главным образом Альфред. Но, как всегда, Кит добавил бесчисленное количество комментариев. Все его замечания были внимательно рассмотрены, а текст сокращен, чтобы избежать многословия. В речах Кита строгий анализ и точность языка всегда преобладали над стилем.

Апминстерская речь вызвала ярость Теда и партийного истеблишмента, потому что Кит осветил ошибки и консервативного, и лейбористского правительства, говоря о «тридцати годах социалистического образа действий». Он прямо сказал, что государственный сектор «откачивал богатства, созданные частным сектором», и поставил под сомнение ценность государственных «инвестиций» в туризм и развитие университетов. Он осудил социалистическую вендетту против прибылей и отметил вред, который контроль в сфере арендной платы и муниципального жилья нанес трудовой активности. Наконец, он сказал об «унаследованных противоречиях... смешанной экономики». Это была короткая речь, но она произвела мощный эффект, не в последнюю очередь потому, что люди знали, что это только начало.

Я многому научилась у Кита и Альфреда. Я стала регулярно обедать в Институте экономических отношений, где Ральф Харрис, Артур Сэлсдон, Алан Уолтере и другие, те, кто был прав, когда мы в правительстве были так ужасно не правы, были заняты разработкой несоциалистической экономики и общественного развития Британии. Я иногда обедала с профессором Дугласом Хэйгом, экономистом, который позднее стал одним из моих неофициальных советников по экономике.

Примерно в это время я познакомилась с изысканным и забавным Гордоном Рисом, бывшим телепродюсером, который консультировал консерваторов по вопросам телевыступлений и который, как мне кажется, обладал почти сверхъестественным пониманием возможностей средств массовой информации. По сути, накануне парламентских выборов в октябре 1974 г. я обрела много новых знакомых, ставших моей опорой в годы моего пребывания на посту лидера партии.

Еще одну речь Кит произнес в Престоне в четверг 5 сентября. После обсуждения в теновом кабинете различных идей Кита Тед отказался от общей экономической переоценки и дискуссии, которой хотел Кит. Кит решил, что не готов ни замолчать, ни смириться с тем, что его игнорируют, и предупредил, что он намеревается сделать большое выступление об экономической политике. В результате Джеффри Хау и я поспешили убедить Кита отказаться от этой идеи или смягчить то, что он намеревался сказать. Кит показал мне черновик. Это был один из самых сильных и убедительных анализов, которые я когда-либо читала. Я не предложила никаких изменений. Насколько я знаю, не сделал этого и Джеффри. Престонская речь и сегодня воспринимается как одна из немногих, оказавших фундаментальное влияние на образ мысли целого политического поколения.

Начиналась она мрачным прогнозом: «Инфляция угрожает разрушить наше общество». В другие времена это бы показалось гиперболой, но в тот момент, когда инфляция составляла 17 % и продолжала расти, люди воспринимали это буквально. Это делало еще взрывоопаснее утверждение Кита, что следующие одно за другим правительства несли ответственность за то, что позволили ей так разрастись. Он отверг идею, принятую теновым кабинетом, что инфляция была «импортирована» и стала результатом резкого роста мировых цен. На деле она была результатом чрезмерного роста денежной массы. Он также обвинял правительство Хита в инфляции, которая обещала вырасти до разрушительных размеров в

следующем году. Он предлагал отказаться от использования доходов как средства сдерживания инфляции. Анализ был острым, детальным и разрушительным.

Затем Кит коснулся проблемы, толкнувшей нас на разворот в сто восемьдесят градусов: страх безработицы. Но пояснял, что статистика по безработице скрывала столько же, сколько и показывала, потому что она включала людей, которые были временно нетрудоустроены, потому что меняли место работы, и людей, которые были более или менее нетрудоспособны по той или иной причине. На деле, уверял Кит, реальная проблема заключалась не в избытке рабочей силы, а в ее нехватке. Он сказал, что мы должны признать, что контроль над денежной массой, направленный против инфляции, может на время несколько увеличить безработицу. Но если мы хотим снизить инфляцию, которая разрушает рабочие места, денежный рост должен быть остановлен. Кит не утверждал, что, если мы разберемся с денежной массой, все остальное придет в порядок. Но *без* денежно-кредитного контроля мы никогда не сможем осуществить все остальное.

Эти разоблачения были очень неудобны для Теда и партийного истеблишмента. Некоторые еще надеялись, что сочетание угрозы наступления социализма, возможность создания национального правительства и наша ипотечная и налоговая политика позволят нам снова войти в кабинет министров. Эта иллюзия базировалась на том, что в день, когда Кит выступил с речью, опросы общественного мнения показали, что мы на два пункта обходим лейбористов.

Престонская речь начисто лишила эту стратегию шансов, было ясно, что такого рода переоценка, за которую выступал Кит, была невозможна, если консерваторы вернуться в правительство с Тедом Хитом в роли премьера. Кит сам рассудительно решил проводить больше времени в Центре политических исследований на Уилфред-стрит, нежели в Вестминстере, где некоторые его коллеги рвали и метали. Сама я не думала, что у нас есть серьезные шансы победить на выборах. В ближайшее время я была настроена сражаться изо всех сил за политику, которую я обязана была защищать. В долгосрочной перспективе, по моему мнению, мы должны будем развернуть партию в направлении того образа мыслей, что представлял Кит, и желательно под его лидерством.

Вскоре, во вторник 10 сентября, за неделю до объявления выборов из-за утечки информации предвыборный манифест Консервативной партии появился в прессе. Я была захвачена врасплох вопросом о нем, когда открывала Антикварную ярмарку в Челси. Издание манифеста не было удачным началом для кампании, особенно потому, что нам особо нечего было сказать.

Никогда прежде пресса не уделяла мне столько внимания, сколько получила я в ходе той кампании. Лейбористская партия осознала, что наши предложения по жилищным вопросам и налоговой политике были фактически единственными привлекательными моментами в нашем манифесте, и соответственно взялась критиковать их. Во вторник 24 сентября Тони Кросланд окрестил их «пачкой лжи». (Это случилось на той же самой пресс-конференции, на которой Дэнис Хили сделал свое знаменитое заявление о том, что инфляция составляет 8,4 %, выведя эту цифру из расчета за три последних месяца, тогда как годовой рост инфляции на самом деле составлял 17 %). Я немедленно сделала заявление, опровергая это обвинение, и чтобы поддержать эту дискуссию, ибо это выдвигало на первый план нашу политику, в тот вечер я сказала в Финчли, что уменьшение ипотечных ставок будет одним из первых действий нового консервативного правительства.

Преследуя ту же цель и предупредив Теда и Роберта Карра, теневого канцлера, я объявила на утренней пресс-конференции в Центральном офисе в пятницу, что уменьшение ипотечных ставок произойдет «к Рождеству», если мы победим. Утренние газеты на следующий день рассказывали эту историю, называя меня «Санта Тэтчер». Было отмечено, что впервые с начала кампании мы проявили инициативу. В следующий понедельник я озву-

чила это в ходе телевизионных дебатов как «твердое, нерушимое обещание». Теперь вопреки моим сомнениям по поводу разумности раздачи обещаний мы должны были выполнить их фактически любой ценой.

Именно в этот момент манера, в которой я представляла нашу жилищную и налоговую политику, оказалась противостоящей подходу, предлагаемому Тедом в этой кампании. По его настоянию я сделала наши предложения максимально твердыми и конкретными. Но предвыборный манифест создавал впечатление, что Консервативная партия предлагает создание национального правительства и потому будет гибкой при осуществлении продвигаемой политики.

На пресс-конференции Консервативной партии в пятницу 2 октября Тед подчеркнул свое желание в качестве премьер-министра ввести неконсерваторов в правительство, «всех талантов». Это соотношение твердых обещаний и предполагаемой гибкости грозило внести путаницу в нашу кампанию и вызвать разногласия среди теневого правительства.

В четверг я продолжила свою кампанию в Лондоне, решительно защищая нашу жилищную политику и дополняя ее критикой «социализма, проникшего» вместе с муниципализацией. Вечером я была вызвана на разговор с Тедом на Уилтон-стрит. Его советники, очевидно, побуждали его к серьезному разговору о возможности коалиционного правительства. Поскольку было известно, что я категорически против этого одновременно по стратегическим и тактическим причинам, и поскольку завтра я должна была появиться в радиопрограмме «Любой вопрос» в Саутхэмптоне, я была вызвана, чтобы ознакомиться с новой линией.

Тед сказал, что теперь он готов создать правительство национального единства, которого, очевидно, хотели «люди». Я была возмущена. В конце концов, он сам настоял, чтобы наша жилищная и налоговая политика, которую я представляла, была максимально конкретной. Теперь, в конце кампании, он фактически отказывался от обещаний, представленных в манифесте, потому что это давало ему большой шанс вернуться на Даунинг-стрит.

Почему он полагал, что ему предложат лидерство в коалиционном правительстве, оставалось не понятным. Тед в тот момент был фигурой, олицетворяющей разногласия, а он убедил себя, что представляет «консенсус», это не соответствовало ни его репутации, ни его темпераменту, ни оценке его другими людьми. Со своей стороны я не собиралась отступать от политики, которую по его настоянию я представляла. Я ушла рассерженной.

В течение последних дней кампании возникало немало неудобных вопросов о коалиции. Я стояла на своем, повторяя обещания предвыборного манифеста, сидя рядом с Тедом Хитом на последней конференции Консервативной партии во вторник 7 октября. Результаты выборов два дня спустя показали, что вопреки естественному желанию избирателей дать лейбористскому правительству возможность действительно управлять страной к ним еще сохранялось недоверие. Лейбористы вышли к финалу с преимуществом в три места, что вряд ли означало, что они продержатся полный срок. Но результат Консервативной партии в 277 мест по сравнению с 319 местами лейбористов показал, что мы не добились поддержки нашего подхода.

Потеряв в Финчли некоторое количество голосов, я все же считала, что удачно провела кампанию. Возникли слухи о том, что я могу стать лидером партии. Эта тема, волновавшая некоторых журналистов, не казалась значимой для меня. Мне лично было жаль Теда Хита. У него была его музыка и небольшой круг друзей, но политика была его жизнью. В том году, кроме того, он пережил серию личных несчастий. Утонула его яхта «Утреннее облако», и его крестник был среди погибших. Поражение на выборах было еще одним ударом. Тем не менее, у меня не было сомнений, что Тед должен уйти. Он проиграл трое из четырех выборов. Он не мог измениться и занял оборонительную позицию, защищая свое прошлое, не желающий видеть, что политический курс нуждается в изменениях. К концу недели я фак-

тически стала неформальным менеджером его кампании. Соответственно я отрицала собственные претензии на лидерство.

Затем в субботу 19 октября Кит выступил с речью в Бирмингеме. Она не входила в серию речей, направленных на изменение стратегии Консервативной партии, поэтому с ней не были знакомы друзья и советники Кита. Я тоже не имела представления о тексте. Именно Эдгбастонская речь в Бирмингеме лишила Кита перспектив на лидерство. Обличительная часть содержала утверждение, что «стабильность нашего населения, нашего человеческого племени находится под угрозой», потому что растет число детей, рожденных от матерей, «менее всего подходящих дать жизнь детям», ибо они «беременеют в подростковом возрасте в социальном слое общества четвертого и пятого уровней». Эти возмутительные слова не принадлежали Кита, а были взяты из статьи, написанной двумя социологами левого крыла и опубликованной группой борьбы против детской бедности. Этот нюанс не был замечен епископами, новеллистами, академиками, политиками-социалистами и комментаторами, провозгласившими Кита безумным евгеником.

Поскольку речь была произнесена в субботу вечером, текст был заранее запрещен к использованию в прессе. Но газета «Ивнинг Стандарт» нарушила запрет и набросилась на Кита с гневной атакой, искажая то, что он сказал. Я прочла эту версию на станции Ватерлоо, мое сердце похолодело. Позднее и сам Кит не помог исправить это, неуклюже объясняясь и извиняясь.

Тед чувствовал себя в безопасности. Он даже сказал нам на заседании теневого кабинета в следующий вторник, что предвыборная кампания была «довольно неплохим упражнением в политическом сдерживании и что механизмы работали хорошо». Чувство ирреальности пронизывало наши заседания. Все, кроме самого Теда, видели, что главная проблема заключалась в том, что он оставался «у руля». Он теперь вступил в жестокое противостояние с руководителями «Комитета 1922 года». В ответ на их требование по проведению выборов лидера он оспаривал их легитимность на том основании, что они избраны предыдущим парламентом и должны быть переизбраны.

Тед и его советники надеялись, что смогут выдворить своих противников из руководства «Комитета» и заменить их послушными фигурами. В качестве запоздалой попытки завоевать поддержку рядовых членов парламента он предложил, что из их числа следует пополнить ряд теневых министров и что руководители парламентских комитетов иногда могут выступать с передней скамьи. Возникли слухи, что в теневом кабинете будет перестановка.

Я обнаружила, что пресса гораздо оптимистичнее по поводу моих политических перспектив, чем я сама. «Сандей Экспресс» и «Обсервер» 3 ноября рассказали, что я буду назначена канцлером теневого кабинета. Это была хорошая мысль, и я бы с радостью взялась за эту работу, но думала, что маловероятно, чтобы Тед предложил ее мне. Это подтверждалось мнением комментаторов «Файненшиал Таймс» и «Дэйли Миррор», утверждавших, что я могу получить высокий пост в управлении экономикой, но не теневое казначейство. Так и оказалось. Я была назначена заместителем Р. Карра, отвечавшего за финансовый законопроект, а также стала членом исполнительного комитета. Мои друзья были недовольны тем, что я не получила более важного портфеля. Но я знала по опыту работы под началом Иэна Маклеода над финансовым законопроектом, что это как раз та позиция, где я могу использовать все свои таланты.

Ни Тед, ни я еще не знали, насколько значимой фигурой я стану в течение трех следующих месяцев. Перестановка показала шаткость политического положения Теда. Эд. дю Канн отказался присоединиться к теневому кабинету, демонстрируя, что кабинет больше не интересен правому крылу. Тим Рэйсон и Николас Скотт, вошедшие в кабинет, представляли

более или менее левое крыло и, хоть были способными людьми, не имели политического веса.

Перевыборы всех членов «Комитета 1922 года», включая Эдварда дю Канна, в четверг 7 ноября принесли Теду плохие новости. Теперь борьбы за руководство партией избежать было нельзя. Тед написал Эдварду, что теперь он хочет обсудить изменения в процедуре выбора лидера. Тогда в интересах Теда было провести выборы как можно скорее, чтобы не дать претенденту возможности провести эффективную кампанию.

В это время я стала участником Экономической обеденной группы, основанной Ником Ридли в 1972 г. и состоявшей из таких сильных финансистов, как Джон Биффен, Джок Брюс-Гардайн, Джон Нотт и другие. Кроме того, я углубилась в детали своей новой задачи. Это было трудное время, потому что во вторник 12 ноября Дэнис Хили представил один из своих квартальных бюджетов. В нем отразилась паническая реакция на растущие проблемы в промышленности и предлагались сокращение налогообложения предпринимателей в размере £775 млн. (£495 млн. новых налогов на предпринимательскую деятельность были введены лишь полгода назад) и некоторые ограничения субсидирования национализированных предприятий. Тед в ответ, вызвав крайнее изумление консерваторов в парламенте, непродуманно раскритиковал канцлера.

Мой час настал в следующий четверг, когда я выступала от оппозиции на дебатах по поводу бюджета. Я хорошо подготовилась и осветила контраст между вчерашними заявлениями лейбористского правительства и их сегодняшними действиями. Эта часть речи была формальной и детализированной, как и положено. А мои ответы на возражения вызвали шумную поддержку среди членов парламента. Я дала прямой ответ Гарольду Левеу (бывшему самой экономически подкованной фигурой среди лейбористов), когда он перебил меня в начале речи, чтобы поправить точку зрения, которую я ему приписывала. Я ответила: «Мне всегда казалось, что я никогда не смогу соперничать с ним [Левеу] в казначействе, потому что есть четыре способа получить деньги. Напечатать. Заработать. Жениться. И занять. Он, кажется, преуспел во всех четырех». Громче всех смеялся на мою реплику сам Левеу, умный бизнесмен из богатой семьи.

При обсуждении другого вопроса меня перебил напыщенно-гневный Дэнис Хили, когда я процитировала «Сандэй Телеграф», согласно которой он заявил: «Я никогда не экономлю. Если у меня есть деньги, я иду и покупаю что-нибудь для дома». Дэнис Хили был очень возмущен, так что мне было приятно уступить ему по этому вопросу, сказав (имея в виду, что, как и другие политики-социалисты, он владел собственным загородным домом): «Я рада, что теперь очевидно, насколько бережлив канцлер. Знаю, что он верит в покупку домов в хороших районах, где живут тори». Никто не утверждал, что остроумие в Палате должно быть изысканным, чтобы производить эффект. Это выступление подняло моральный дух нашей парламентской фракции, а с ним и мою репутацию.

Тем временем Алек Дуглас-Хьюм, перешедший в Палату лордов в качестве лорда Хьюма, согласился председательствовать в комиссии, следя за процедурой выборов лидера. В среду 20 ноября я получила записку от Джеффри Финсберга, соседа по избирательному округу, которая гласила: «Если ты примешь участие в выборах, то почти наверняка победишь. Со своей стороны я надеюсь, ты выставишь свою кандидатуру, и я сделаю все, что смогу, чтобы помочь». Мне тогда казалось, что даже после шумихи, поднятой Эдгбастонской речью Кита, он должен стать нашим кандидатом.

На следующий день, когда я работала в своем парламентском кабинете, позвонил телефон. Это был Кит, сказавший, что он хотел зайти и поговорить. Как только он вошел, я поняла, что это нечто серьезное. Он сказал мне: «Мне жаль, я просто не могу участвовать в выборах. С тех пор как я произнес ту речь, пресса караулит меня возле дома. Они безжалостны. Хелен [его жена] больше не может терпеть, и я принял решение, что не участвую в

выборах». Его решение было твердым. Я была на грани отчаяния. Мы просто не могли оставить партию и страну во власти Теда и его политики. И я услышала, что говорю: «Слушай, Кит, если ты не выставишь свою кандидатуру, то я выставлю свою, потому что кто-нибудь, представляющий нашу точку зрения, *должен* это сделать». Больше было нечего сказать.

Я ничего не знала о том, как вести кампанию за лидерство. Я постаралась пока отодвинуть это на задний план и сконцентрироваться на финансовом законопроекте, над которым работала. Так или иначе, новость распространилась, и мне стали звонить и слать записки в знак поддержки друзья. Поздно вечером я вернулась домой на Флуд-стрит и сказала Дэнису о своем намерении. «Ты, должно быть, сошла с ума, – сказал он. – У тебя нет и шанса». Он говорил дело. Но я не сомневалась, что он все равно меня поддержит. На следующий день Фергюс Монтгомери, мой личный парламентский секретарь, позвонил мне, и я сказала ему, что Кит не будет выставлять свою кандидатуру, но я выставлю свою. Я думала, как лучше всего донести эту новость до Теда. Фергюс полагал, что лучше всего это сделать лично.

Я пошла на встречу с Тедом в понедельник 25 ноября. Он сидел за своим столом в парламентском кабинете. Стараясь не думать о том, как не ранить его чувства, я вошла и сказала: «Я должна сказать тебе, что я приняла решение бороться за лидерство». Он холодно посмотрел на меня, повернулся спиной, пожал плечами и сказал: «Если должна...» Я выскользнула из комнаты.

При таких обстоятельствах в понедельник я впервые должна была встретиться с прессой, чтобы объявить об участии в борьбе за лидерство в партии тори. Я была рада, что могла положиться на помощь и совет Гордона Риса, который стал мне другом и присутствовал на некоторых из моих интервью с журналистами. Конечно, главное внимание сосредоточено было на том, что я женщина.

Кружок Теда и, я полагаю, одна персона из Центрального офиса отыскали нечто, что, как они надеялись, поможет им разрушить мои позиции, как то, что случилось с Китом. В интервью, которое я дала «Предпенсионному выбору» больше двух месяцев назад, я дала совет пожилым людям, пытающимся свести концы с концами в обстоятельствах, когда цены на продукты питания быстро росли. Я сказала, что надо запасаться консервами. Такой совет я слышала, когда сама была ребенком. Любая хорошая домохозяйка ходит по магазинам и закупает продукты, когда они продаются дешевле.

К моему ужасу, в среду 28 ноября пресса была полна историй о моем предложении «складировать» еду. Некоторые явно использовали это интервью, чтобы представить меня злой, а главное, «буржуазной». Это было преподнесено неглупо. Обыгрывался снобизм консерваторов, потому что между строк читалось: «Только этого и можно ждать от дочери лавочника». Это напомнило публике, что писалось о «воровке молока» из Министерства образования.

Это был настоящий цирк. Группы давления начали выражать свое недовольство. Говорят, делегация домохозяек приехала из Бирмингема, требуя, чтобы я выдала им консервы. Химики-пищевики объясняли последствия слишком длительного хранения в кладовой консервированных продуктов. Мартин Редмэйн, бывший «главный кнут», надежная фигура в партийном истеблишменте, а теперь заместитель председателя «Хэрродз», появился на телевидении и сказал, что «любое побуждение к панической скупке... противоречит общественному интересу». Думаю, кладовая лорда Редмэйна хранила нечто более соблазнительное, нежели несколько банок лосося и отварной солонины. Пришлось пригласить телевизионщиков ко мне домой на Флуд-стрит и предъявить им содержимое моей кладовой и серванта. Это, возможно, убедило кое-кого из иерархии тори в том, что вкусы и стандарты моей семьи не соответствуют тому, чего следует ожидать от человека, стремящегося к лидерской позиции в партии.

В своем стремлении не дать заглухнуть этой истории мои оппоненты зашли слишком далеко. В пятницу 29 ноября я была в Саут Глусестершире, избирательном округе Джона Коупа, когда моя секретарь Алисон Уорд позвонила, чтобы сказать, что по радио передают, что меня видели в магазине на Финчли Роуд, покупающей огромное количество сахара. (Сахар тогда был в дефиците.) Алисон уже проверила и узнала, что на самом деле такого магазина нет. Это была откровенная ложь. Твердое опровержение покончило с ней и всей этой сюрреалистичной кампанией. В то время, однако, я была сильно ею огорчена. Иногда мне хотелось расплакаться. Иногда меня трясло от гнева. Но, как я сказала Биллу Шелтону, члену парламента от Стритхема и другу: «Я видела, как они сломали Кита. Но меня им не сломать».

Все, что случилось, лишь добавило мне решимости заявить о выдвижении своей кандидатуры. Кроме того, были разговоры о том, что Эдвард дю Канн тоже хочет выдвинуться в качестве кандидата. Как председатель «Комитета 1922 года» и мужчина, он обладал шансами завоевать больше поддержки, чем я.

Одного из главных сторонников Эдварда дю Канна, Эри Нива, члена парламента от Абингдона и коллегу Эдварда по «Комитету 1922 года», я довольно хорошо знала. В годы моей адвокатской практики мы встречались в кабинетах судий, и он был моим соседом по Вестминстер Гарденс. Э. Нива был человеком тихим, но очень уверенным в себе. Будучи писателем и героем войны, сбежавший из Колдица, он был окружен аурой романтики. Он многое пережил и знал о жизни много больше, чем большинство членов парламента. Среди его достоинств особое место занимала Диана, его изумительная жена. В конце 1950-х он занимал пост младшего министра, но ушел в отставку по болезни, и, насколько я понимаю, Тед безжалостно предрек ему конец карьеры. Было трудно определить политические взгляды Эри. С идеологической точки зрения я не воспринимала его как человека правого крыла. Мы хорошо ладили, и я знала, что наше уважение обоюдное, но мы не догадывались, какими близкими друзьями нам предстояло стать.

Вскоре после того как стало известно о моем решении выставить свою кандидатуру, Эри пришел ко мне. Он надеялся убедить Эдварда дю Канна выставить свою кандидатуру, но тот колебался: сосредоточившись на карьере в Сити, он не хотел ее бросать.

Ослабление позиции Теда стало следствием объявления Комитета внутренних дел во вторник 7 декабря, согласно которому выборы лидера тори должны проводиться ежегодно; а, чтобы принять в них участие, нужно лишь лицо, предложившее кандидатуру, и лицо, ее поддерживающее. Необходимое большинство для победы в первом туре голосования было увеличено до 50 % плюс 15 %. Это означало, что лидер, находящийся в затруднительном положении, должен был получить большое преимущество при голосовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.